Я верую в отдельных людей, я вижу спасение в отдельных личностях, разбросанных по всей России там и сям — интеллигенты они или мужики, — в них сила, хотя их и мало.

А.П. Чехов

Министерство образования и науки Российской Федерации Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого

<u>Человек, язык</u> и<u>текст</u>

К юбилею Татьяны Викторовны Шмелевой

Сборник статей

Великий Новгород 2011

Редколлегия:

д-р филол. наук Т.Л. Каминская (отв. ред.), канд. филол. наук А.Н. Сперанская (отв. ред.), канд. филол. наук Л.А. Киселева, В.М. Ефанова, канд. филол. наук А.К. Погребняк

Человек, язык и текст: К юбилею Т.В. Шмелевой: сб. ст. / редкол.: Т.Л. Каминская [и др.]; отв. ред. Т.Л. Каминская, А.Н. Сперанская. — Великий Новгород, 2011. — 340 с.

Сборник посвящен юбилею известного современного лингвиста Т.В. Шмелевой. В книге содержатся статьи и материалы коллег и учеников Т.В. Шмелевой. Темы статей связаны с научными интересами юбиляра: синтаксис, речеведение, ключевые слова, русская словесность, лексика, паремиология, русский реп. В сборник также помещена лекция Т.В. Шмелевой о падеже. Предваряют статьи воспоминания красноярских учеников.

Для преподавателей, аспирантов, студентов, а также для широкого круга читателей, интересующихся современными лингвистическими исследованиями.

УДК 81'1 ББК 81.0

Человек, язык и текст

К юбилею Татьяны Викторовны Шмелевой

Сборник статей

Оформление обложки, макет, компьютерная верстка Л.М. Живило

Подписано в печать 08.11.2011. Печать плоская. Формат 60х84/16 Бумага офсетная. Усл. печ. л. 12,8. Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано в ИПЦ НовГУ им. Ярослава Мудрого 173003, г. Великий Новгород, ул. Б. Санкт-Петербургская, 41

© Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, 2011

Предварительно несколько слов

тот сборник готовился втайне от Татьяны Викторовны. Может, именно так и создаются юбилейные сборники. Но для нашего сборника есть еще одно объяснение скрытой от Татьяны Викторовны подготовки — образ самого юбиляра. Не в характере Татьяны Викторовны отмечать сколь-нибудь шумно и широко публично свои даты и достижения, не в характере умножать поздравительную риторику, какой бы искренней — а по-другому с Татьяной Викторовной и невозможно — она ни была. Эти черты Татьяны Викторовны хорошо известны всем участникам юбилейного сборника. Однако желание выразить Татьяне Викторовне свое уважение (и даже восхищение), благодарность, признательность оказалось сильнее. Мы не оглядывались на каноны юбилейного жанра, мы создали этот сборник исходя из одного только убеждения, что хотим отметить роль и значение личности Т.В. в жизни (личной или научной) каждого пишущего.

Тексты, собранные в этом сборнике, характеризуют и автора, и адресата. У каждого «своя Шмелева». И неизбежно этот образ не совпадает с оригиналом, да мы и не стремились к неосуществимому. Тем более что всегда есть возможность самому составить представление о ней — прочесть тексты Татьяны Викторовны, написать ей электронное письмо, поговорить с ней по телефону, скайпу или, совпав на том или ином научном мероприятии, пригласив в качестве оппонента, консультанта и пр., непосредственно пообщаться. Но и сборник статей, состоящий из множества голосов, разных мнений, оценок, взглядов, создает образ юбиляра.

Сборник – сложный письменный жанр. Но он – единый текст. Это стало понятно при первых же наших шагах, когда образ юбиляра стал задавать нам структуру сборника. Мы попали в ситуацию, описанную классиком: «Какую штуку удрала моя Татьяна...». Вот почему научные статьи учеников и коллег

Татьяны Викторовны предваряют два раздела – «Слово об учителе» и «Слово учителя». Появление первого раздела вызвано не просто желанием, а необходимостью авторов высказаться о личном отношении к Татьяне Викторовне, о восприятии ее лекций, ее личности, об уроках, которые авторы усвоили, конечно, не из прямолинейных дидактических суждений (вот уж чего нет у Татьяны Викторовны!), а из самого образа ее жизни, из отношения к работе, из деятельности учителя, исследователя, из живого общения до, во время и после лекций и семинаров. Таким образом, часть первая сборника составилась из своеобразных «реплик» учеников, в живом говоре которых отражены непосредственные и искренние реакции.

После того как ученики описали свое восприятие личности юбиляра, показалось естественным дать слово самой Татьяне Викторовне. Но помещать в сборник уже написанный и опубликованный автором текст не хотелось, да и отбор был бы очень затруднен (тот, кто знаком с изданной библиографией Татьяны Викторовны, легко поймет положение редактора, так как выбрать из почти семи сотен текстов один – нерешаемая задача). Заказать юбиляру новый текст для его же юбилейного сборника не представлялось возможным. Поэтому был выбран такой вариант: мы поместили малодоступный для читателя текст лекции о падеже, написанной Татьяной Викторовной для студентов. Дело в том, что методический талант и мастерство Татьяны Викторовны, умение наглядно объяснять и интересно излагать научный материал, увлекательно рассказывать о сложных явлениях отмечают все без исключения авторы данного сборника. Чтобы это мнение не осталось простой констатацией факта на словах, мы решили показать, как это выглядит на деле.

А далее в сборнике помещены научные статьи, авторы которых смогли за очень короткий срок откликнуться на предложение поучаствовать в сборнике. Оговоримся сразу, что круг авторов мог быть значительно шире, если бы сборник готовился солидный срок. Но очень компактные сроки исполнения нашего замысла внесли свои коррективы.

Статьи коллег и учеников Татьяны Викторовны расположены не по тематическому принципу, в зависимости от широкого круга научных интересов юбиляра, а по географическому.

Студенческое вхождение в науку и начало научной деятельности Татьяны Викторовны состоялось в Москве, поэтому на «Московских страницах» представлены статьи московских ученых. Далее в биографии Татьяны Викторовны появился Красноярск, большой сибирский город, где в 1981 году было создано филологическое отделение при юридическом факультете. К будущим филологам и журналистам и приехала преподавать Татьяна Викторовна, проведя в Красноярском государственном университете на факультете филологии и журналистики тринадцать плодотворных лет. Статьи, помещенные в разделе «Красноярская глава», принадлежат коллегам, которые непосредственно работали тогда с Татьяной Викторовной, и ее ученикам, география проживания которых, кстати сказать, не ограничена Красноярском. В третьем разделе – «Продолжение: Новгород и другие города» – находятся статьи нынешних коллег Татьяны Викторовны и ее старых друзей, ее научных поклонников и собеседников. Новгород – это особая статья в жизни нашего юбиляра (и стать в этом городе особая). А по названию тех вузов и городов, что упомянуты в третьей главе, можно судить, хоть и отдаленно, об обширных научных контактах Татьяны Викторовны.

Чем можно закончить предисловие? Пожеланием здоровья, неутомимости и плодотворного труда. И убеждением, что продолжение следует...

А.Н. Сперанская

Crobo of grumere

Классический сюжет

олжизни прошло, а преклонение перед человеком осталось. Пожалуй, оно даже усугубилось. Потому что если раньше все, что делала Татьяна Викторовна, казалось продуктом какого-то чуда — так вот богато одарила ее природа, все ей легко дается! — то теперь, повзрослев (можно сказать, заматерев), понимаешь: за легкостью стоит и труд, и время, и усилия души. И потому те бесконечные щедроты, которые Т.В. всегда изливала на окружающих, сегодня еще больше выросли в цене.

Это первое – щедрость. Через край.

Второе – чуткость. К слову, к человеку и его внутренним поискам, к веяниям времени. Но этот идеальный филологический (и гражданский) слух, на мой взгляд, – не от того, что Татьяна Викторовна всегда держалась в мейнстриме – а просто она его эпицентр. Глубинные процессы ведь не оседлаешь – их можно осознать, если ими живешь. И тогда уже «транслировать» на поверхность как «ключевые слова момента». Как пульс живущего здесь и сейчас языка.

Третье – как раз живое. Жизнелюбие, переполненность впечатлениями, прямое опровержение формулы «мы ленивы и нелюбопытны». Интерес Татьяны Викторовны к миру во всех его проявлениях просто уникален. Например, увидев на улицах польского города Быдгощ множество людей с сердечками, она не подумает вскользь: что бы это значило? – чтобы через минуту забыть об этом, а станет скупать газеты, смотреть репортажи, следить за дискуссиями; и узнает все об акции по сбору народных средств на

строительство кардиологического центра для детей. Да еще и напишет об этом маленькую информацию в далекую Сибирь.

Четвертое – трудоспособность. В 2010 году в Новгороде выпущен библиографический указатель трудов Татьяны Викторовны. И собраны под его желтой обложкой не только сугубо научные статьи, а все тексты, когда-либо опубликованные в прессе, начиная со школьных корреспонденций. Такой простой урок: каждый текст как поступок, и за него надо отвечать, и за него нечего стыдиться. Сколько людей, составляя списки своих работ, отсеивают незначительное или неудачное, а оставляют избранное (даже Александр Блок мучительно отбирал свой «Изборник»). А вот для Т.В. нет и не было никогда мелочей, проходных результатов; может, поэтому каждый текст и стал событием, по крайней мере, в жизни какого-то круга людей (тех, с кем оно задумывалось, обсуждалось, осуществлялось). А второй урок еще очевиднее. Беру и считаю по годам, сколько же в среднем писала Т.В. Получается – более 20 текстов в год. Особенно активная лингвистическая публичность у Татьяны Викторовны началась в перестройку, когда, скажем, в 1994 году опубликовано 32 текста, а в 1997 – 41. А что такое 40 текстов в год? Это труд еженедельного, без отдыха, колумниста. Но это вовсе не рекорд, с годами востребованность в ее работах только возрастала, и вот 2003-м у Т.В. – 57 публикаций! (Среди них основная масса статей – для энциклопедического словаря-справочника «Культура русской речи», а такого рода работа требует еще большей выверенности.)

Но мне, разумеется, особенно дороги те материалы, которые Татьяна Викторовна писала специально для нашей газеты. Например, в рубрику «Окошко из Европы». И опять я достаю связку писем из Польши и нахожу датировку письма – 23.02.98, где Татьяна Викторовна делится идеей рубрики и обговаривает техническую возможность получения текстов. Боже, тогда и в Польше еще не было Интернета, только спустя некоторое время он появится у соседа Т.В., неведомого Кости Вяткина, через которого мы и связывались; а первые тексты писались от руки и присылались по почте. Как это было и долго, и хлопотно, и просто затратно! Но в то же время как по-рождественски празднично: получить толстенный необычный конверт с обратным адресом на латинице, с кучей невиданных тогда в нашей стране

ярких открыточек, вырезок из газет, календариков... И чудесных сюжетов, хотя бы один из которых так хочется воспроизвести:

В середине февраля посетили Познань... Хотела написать в «Окошко», даже название придумала «Познание Рогпапіа». Но как только приехала, засела в библиотеке, пытаясь ответить на вопросик Т. Мих. Григорьевой о Бодуэне де Куртенэ, и... поселилась там на месяц, погрузившись в Бодуэна с головой! ...Прочитав буквально гору литературы, со всеми этими сведениями устраиваю отрытую лекцию о Бодуэне, тем более его Год — 155 лет.

В любом словесном проявлении — в газетной публикации, личном письме, устном выступлении, научной статье — у Татьяны Викторовны так много отсылок, зацепок, перекинутых мостиков, что это невозможно не соотнести со структурой современных художественных текстов, построенных на аллюзиях и внутренних цитатах; а можно даже увидеть в этом прообраз гиперссылок современных ІТ-технологий, перевернувших нашу жизнь.

Как-то новосибирский пушкинист Ю. Чумаков объяснил отличие классического произведения от просто текста. Классик вступает с тобой во взаимодействие, его текст пружинит и возвращает тебе подачу, он с тобой играет. Этот текст — живой, он продолжает порождать и открывать новые смыслы.

Татьяна Викторовна, безусловно, классик. Потому что буквально сейчас, набивая этот текст, я вдруг понимаю, что все это время (25 лет!), когда Татьяна Викторовна писала для газеты Красноярского университета и продолжает писать для «Сибирского форума» — живя и в Красноярске, и в Новгороде, и в Польше, — она не просто одаривает нас от щедрот своих, с неукоснительной пунктуальностью присылает заказанные материалы, а находится с нами в одной команде. Разделяет, подхватывает, предлагает — темы, идеи, имена. Мы — единая виртуальная редакция. А по аналогии с научной средой, мы — одна кафедра. Кафедра публичного слова? Кафедра газетной филологии? Кафедра Шмелевой.

Валентина Ефанова

редактор газеты
Сибирского федерального университета

оспоминания мои об университетских годах мало похожи на правду и грешат восторженностью по отношению почти ко всему, что происходило на филфаке Красноярского государственного университета в середине 80-х. Мои уже взрослые дети знают имена моих педагогов; истории про то, как мы учились, слышали друзья и уже пересказали своим детям. Но я реально никогда ничего не придумывал. Может, приукрашал чуть.

Татьяна Викторовна Шмелева, яркая и красивая, как хорошо сказанная мысль. Точнее, она сама и есть воплощенная мысль. И не могла не быть красивой.

Получение знаний в исполнении Т.В. Шмелевой было неизъяснимо привлекательным занятием. Наслаждение от формы общения — абсолютным, физически ощутимым наслаждением. Следить за ее мыслью и примерами — не помню в те годы чегото более интересного. Разве что компьютерные игры. Но то были непреодолимые слабости возраста.

На экзаменах допускались любые учебники, на ее вопросы было достаточно указать монографию, в которой содержался ответ (т.е. действительно показать пальцем, потому что все соответствующие курсу монографии лежали на соседнем столе). Студент классического университетского образования может не помнить правило, но он должен помнить и понимать, как это правило сформировалось. И где найти доказательства.

Приучение к мышлению – вот главная задача университетского обучения, говорила Татьяна Викторовна.

Язык – не жесткая, но постоянно изменяющаяся структура. То, что сегодня под запретом, завтра может оказаться нормой. Не говоря уже о том, что язык красноярца значительно (до удивления) отличается от языка москвича или иркутянина.

Филолог не обязан говорить правильно. Речь человека, как и его привычки, формируется кругом общения и его языковой средой. Нет ничего предосудительного, если вы говорите «транвай», но вы обязаны знать, КАК правильно. Тем более, что на совершенно чистом русском говорят только дикторы центрального телевидения и академики-филологи, длительное время «живущие» в среде литературного языка.

Человек – достаточно сильное существо. Достаточно сильное для того, чтобы преобразовывать мир вокруг себя.

Если ты можешь мыслить на мировом уровне, значит, и работу способен делать на мировом уровне. Не важно, в каком месте ты сам находишься.

И наконец, самое главное: язык – не свод правил, а подобная математической структура, живущая по правилам, которые поддаются познанию, систематизации и анализу.

И что очень важно – изоморфная структура. А значит, правила и законы существования языка, да и филологическое образование в целом, – ключ к познанию любой формы деятельности и любого типа познания.

Так «Введение в языкознание» оказалось структурной основой всего, что я делал и как я делал в своей жизни. Единственная беда во всей этой истории — что в дальнейшем мне редко попадались человеки, равные Татьяне Викторовне. Может, потому я так долго и не отпускаю из своей памяти несколько лет из середины восьмидесятых.

Николай Иваненко

обладатель российских и международных наград в области дизайна и рекламы (HOW Awards, reddot awards и др.)

ольшая часть преподавателей нашей кафедры – ученики Татьяны Викторовны, выпускники ее научного семинара «Активные аспекты грамматики».

С личностью Татьяны Викторовны, манерой ее преподавания, поведением в семинаре для многих из нас ассоциировалось понятие истинной академической свободы в духовной и научной жизни Alma mater. Ее филологическая многогранность и жизнеутверждающая энергия, словесная культура и профессиональное мастерство постоянно заряжали нас духом творчества и жаждой собственных исследований. Тем более что под рукой Мастера они рождались легко и всегда из сферы собственных научных интересов. Никого не смущало, что в семинаре с таким названием наряду с описанием категоричности в языке или семантики восприятия изучались речевой кодекс в русских паремиях или язык столбистов. «Человек важнее темы!» — этот

принцип научного общения Татьяны Викторовны стал определяющим и в моем семинаре, тематика которого («Язык и речь города») связана с одним из направлений ее научной деятельности. Просеминарии и семинары И.В. Башковой, Е.В. Осетровой, А.Н. Сперанской – продолжения других векторов научных интересов Татьяны Викторовны.

В нашей жизни научный руководитель стал для нас не только Учителем, но и человеком, во многом определившим профессию и судьбу. У каждого из ее учеников — свой семинар, свой стиль, своя манера общения со студентами. Но удивительные таланты Татьяны Викторовны — быть яркой творческой личностью, любви к профессии и мастерства в ней — неизменно задают нам самые высокие ориентиры.

Лилия Зуфаровна Подберезкина

доцент кафедры русского языка и речевой коммуникации Института филологии и языковой коммуникации СФУ

моей картине мира Татьяна Викторовна живет там, где живут новые идеи, отточенная логика и яркие тексты. Вернее, Т.В. – главное действующее лицо, производящее все эти продукты научной деятельности и притягивающее людей своей увлеченностью. Так, как это произошло с нами – первым шмелевским семинаром на филфаке КГУ. Мы по обязанности пришли в аудиторию на лекцию приезжего московского лингвиста, а выбежали оттуда через четыре часа в состоянии восторга, с чувством свершившегося предательства в отношении прекрасной «литературы-литературоведения» и мгновенно образовавшейся любви к лингвистике. И в этой любви к предмету и к своему учителю пребываем до сих пор.

Такой эффект эмоционально-предметного поглощения я потом наблюдала много раз. И на лекциях Татьяны Викторовны, и в компаниях взрослых филологов, и в обстоятельствах ее случайного диалога с людьми, далекими от лингвистики; после чего толпятся с вопросами, не хотят расходиться или комментируют, например, следующим образом: «Вот Шмелева – настоя-

щий ученый. Фактически интересуется всем. Мы с ней даже про нанотехнологии поговорили... не по-дилетантски».

Я думаю: в чем источник мощной и постоянной центростремительной силы, которая есть у Татьяны Викторовны? Конечно, он в ощущаемых всеми обаянии ума и обаянии доброты. А еще, наверное, в сопричастности всякому знанию, которое через нее проходит, и каждому событию, участником которого она становится. Очень хочется, чтобы пространство этой сопричастности расширялось, заполняясь новыми учениками, друзьями и текстами.

Елена Валерьевна Осетрова

доцент кафедры русского языка и речевой коммуникации Института филологии и языковой коммуникации СФУ

на выступает с лекциями? – спросила знакомая после моей поездки в Новгород – и тут же поправилась: – Читает?

Оговорка вдруг показалась очень точной.

- Выступает!

Т.В. выступает со своими лекциями о стихии языка и речи от Варшавы до Владивостока.

T.B., разумеется, выступает по TB и в прессе – и упомянутая стихия отзывается на ее зов почти словарной покорностью.

Она выступает на филологических конференциях как на рэп-пати, читая: «Вы хотели рэпу, вот вам рэп…»

Она живо выступает из дому с каждым гостем, дозором обходя «словенские» и прочие концы своих новых владений.

Она – выступающая часть любого из городов и университетов.

Двадцать лет мы живем, опираясь на эти выступы, погружаясь в эти отступы и оглядываясь на эти поступки.

Татьяна Юрьевна Чабан краевой Центр оценки качества образования г. Красноярск сть такое пафосное понятие — «учитель жизни». В советских фильмах это обычно мастер в ПТУ. Если Шмелевой вот так бы в лоб сказать: «Татьяна Викторовна, вы мой учитель жизни», — она бы обязательно нашла слова, чтобы этот пафос снизить. Русский-то язык выразителен...

А на самом деле так оно и выходит... Вот приятели подметили: «Саня, у тебя любимая присказка — «ну и чо?». Потому что Шмелева научила за любым высказыванием искать смысл. И это вечное «и чо?» стало взлетной площадкой для меня.

Татьяна Викторовна обеспечила нам всем, «птенцам гнезда Шмелева», беспокойную жизнь. Потому что искать смысл в надписи на заборе и в очередной речи бывшего (будущего) президента — это технически одинаково. А что с граффити, что с Путиным — спокойной жизни не ожидается. Но сама процедура очень увлекательна. Не жизнь, а поиск.

Когда я поступил на первый курс, у нас были «Введение в языкознание», «Введение в литературоведение». Да боже мой, у меня своих введений хватало! И главное — введение во взрослую жизнь... Так два блистательных филолога — Шмелева и Паперный — прошли тогда мимо меня. Не совсем мимо, конечно. Все равно в девственном мозгу что-то отложилось...

А потом я отслужил в армии и вернулся «как бы учиться». Пожалуй, я армии благодарен за эту паузу. Не могу вспомнить, не могу осознать, когда у меня в голове произошел этот щелк. Когда я понял, что мне — туда. В поиски смысла. К Шмелевой то есть.

И началась упоительная игра в науку, где Шмелева была отличным тренером.

Помню, мы занимались названиями улиц. Опрашивали рядовых граждан: что название улицы родной для них значит, знают ли они того парня, на улице имени которого живут. И так далее. Мне это так понравилось, что не успокоился и, пребывая на каникулах в городе Абазе, продолжил терзать совсем уже ничего не подозревающих жителей этого милого городка своими вопросами. Результатом пыток стала заметка «Калабихина корова» в «Таштыпской правде». Эта калабихина корова потом вошла в библиографию (Язык города Красноярска и городов края. Сост. Т.В. Шмелева, Л.З. Подберезки-

на // Русский язык в Красноярском крае. Вып. 1. Красноярск, 2002. — Ped.).

Это навязчивая практика — филолог должен быть с блокнотом. Даже если нет карандаша под рукой, фиксируй в голове, если там место есть. Любое произнесенное слово, а написанное — вдвойне — это твой материал. «Будь внимательным» — первая ее заповедь. Насторожился. Вторая ее наука: «Подумай, что увиденное значит. Каждая буква имеет смысл».

Мы, спецсеминарцы Шмелевой, чувствовали себя немного заговорщиками, владетелями тайны. Мне это приносило практическую пользу. Почему-то многие мои сокурсники считали, что дисциплина «Современный русский язык» — это какая-то алгебра, а я очень скоро овладел всей терминологией. Это же первый класс: «Мама мыла раму». Просто назови всех действующих лиц, включая «мыла», красивыми латинскими именами. Такие задачки я щелкал как орешки. Думаю, что сугубо практическую сторону шмелевской теории я понял на нашем курсе первым. Игорь Ефимович Ким, главный зам Шмелевой, ставил мне пятерку автоматом при условии, что я в день зачета в универе не появлюсь.

...Мы, птенцы шмелевские, оперились и разлетелись. Дело житейское. Каждый живет, как придется. Но выделяет нас из толпы и объединяет то самое «и чо?». Активные аспекты грамматики.

Александр Кошкин, красноярский журналист

ень начался не предвещая.

Ежедневная получасовая пробка на Матросова и коммунальном мосту, пересадка... И вот уже он – родной, но какой-то совсем не приветливый «универ». Новое здание «под пирамидками», часть которого теперь занимает филфак, прошу прощения, ИФиЯК, значительно превосходит старый корпус на улице Маерчака и своим экстерьером, отделанным бежево-коричневым сайдингом, и просторными аудиториями с амфитеатрами низбегающих парт. Экстерьер, интерьер, сай-

динг, пирсинг – этот русский язык, как губка, чего только не впитывает.

И тут в кабинет вошла Алевтина Николаевна:

- Л.М., а помните, по лету мы разговаривали... у Татьяны Викторовны скоро дата...

И сразу вспомнилось.

Татьяна Викторовна выходит из кабинета с надписью «Приемная комиссия»:

- Здравствуйте, Л.М. Что это вы тут в коридоре?..
- Да вот, за документами пришел.
- Вы что, не сдали, что ли?!
- Сочинение...
- Вы же у нас после армии. Пойдемте-ка со мной.

И чуть ли не за руку повела меня в деканат.

— Это Галина Максимовна Смышляева, — представила она мне улыбающуюся женщину. — Галина Максимовна, а мы же после армии на рабфак берем? Заберите, пожалуйста, из приемной комисси документы это молодого человека.

Это была всего вторая наша встреча. Первая на приемном экзамене (1986 г.). И Татьяна Викторовна помнила и мое имяотчество, и что я после армии, и было ощущение, что помнит всю мою анкету. А позднее, на втором курсе, именно она подсказала мне идею моего будущего диплома:

- Л.М., вы же художник, училище закончили, взгляните на текст с этой точки зрения.

Есть люди, одно имя которых заставляет память всколыхнуться, жизнь наполниться свежими эмоциями, даже мироощущение становится чуточку иным! Вдруг из глубин подкорки всплывают давно забытые термины (деривация, предикат, инфинитивное предложение, диктум — модус, речевое поведение). И на последнем для меня заседании кафедры, посвященном результатам вступительных экзаменов и перспективам на новый учебный год, невольно ловлю себя на мысли: «О, сколько семантических оборотов и образных фигур, должно быть, скрывается за этими немыми «мм, э э-м, мээ-м» (словно из телерепортажа «пип-пи-пиии-пи пи-иии-пи-пип-пи-пи»), заменяющими

эмоционально окрашенную мысль выступающего». Но даже известие о том, что больше не преподаю, не мешает видеть пробивающийся сквозь тучи солнечный луч.

Спасибо Вам за все, Татьяна Викторовна.

Возвращаюсь. И, медленно впадая в суточную спячку, ощущаю, как u3-n0d сознания возникают (точно молитва на сон грядущий) и формируются в нечеткую грамматическую структуру слова:

– Гламуренно-глокий куздрец, бодланув бокриху, раздребашивает в шелуремную хурту огрусневшую и, по большому счету, ни в чем не повинную семальсерку...

И снова утро.

Лев Маркович Живило

дизайнер, верстальщик печатный центр библиотечно-издательского комплекса СФУ

атьяна Викторовна Шмелева — удивительный человек, гармонично сочетающий несколько талантов — Человека, Исследователя, Учителя.

Сила притяжения — неимоверная. Многие, оказавшись в поле внимания, влияния, интереса Т.В., остаются с ней навсегда: одноклассники на Кубани, однокурсники в России и за рубежом, ученики, друзья и коллеги по всей стране — от Калининграда до Владивостока.

Со всеми Т.В. в активном взаимодействии: профессиональном — консультирование, чтение лекций, оппонирование диссертаций, подготовка сборников статей, организация конференций и пр. и пр.; и дружеском — так, для каждого из своих многочисленных гостей Т.В. — суперэкскурсовод по Новгороду, как раньше по Красноярску.

В фокусе внимания Т.В. как филолога оказывается слово в самых разных формах существования – художественный и публицистический текст, устная речь, слово на вывеске и даже на юбке (увидев в кафе «Шоколадница» на официантке юбку-

фартук с надписью «Философия сладкой жизни», Т.В. направляется с фотоаппаратом к девушке: «Разрешите сфотографировать вашу юбку — здесь такая фраза...»). Сбор материала идет непрерывно, объект исследования — сама жизнь.

Специфика Шмелевой-ученого в необычайной разносторонности научных интересов (как она говорит, нужно иметь огород с несколькими грядками), в разнообразии форм представления результатов своих исследований — это работа педагогическая, методическая, научная, просветительская (газеты, радио, телевидение), общественная (участие в работе топонимических комиссий городских администраций).

У каждого из нас — учеников и коллег — своя Шмелева. Для меня Татьяна Викторовна — главный учитель, авторитетнейший советчик. Самый надежный друг.

Лидия Александровна Киселева

доцент кафедры русского языка и речевой коммуникации Института филологии и языковой коммуникации СФУ

Crobo yrumers

Татьяна Викторовна Шмелева

КАТЕГОРИЯ ПАДЕЖА. ПАДЕЖ – КАТЕГОРИЯ РЕЛЯТИВНАЯ

Лекция из учебно-методического пособия по современному русскому языку (морфология) с минимальными редакторскими правками И.Е. Кима

Грамматическая категория падежа — одна из тех, которые определяют грамматическую специфику русского языка, характеризуя его как флективный. Изменение имен — существительных, прилагательных, числительных и местоимений — по падежам называется склонением, и хотя некоторые из них оказывается вне этого явления (несклоняемые существительные типа папарацци, кутюрье, портфолио, прилагательные типа хаки, индиго, местоимения его, их), падеж воспринимается как обязательная морфологическая категория имени.

Откладывая пока вопрос о технике падежа (в конце концов, как носители русского языка все ею владеют, на практиче-

ских занятиях надо рассмотреть эту технику в плане отношений синтетизма и аналитизма), остановимся на проблеме семантики падежа, или выражаемых им отношениях.

В отечественной грамматической традиции накоплен большой опыт смыслового анализа падежных форм, наблюдений над формами разных падежей. Так, в книге В.В. Виноградова «Русский язык (грамматическое учение о слове)» приводится описание родительного падежа, который представляется как несколько падежей:

- родительный определительный, объединяющий формы имеющие значения принадлежности, субъекта, объекта, обозначения, изъяснения, качества: деньги сестры, правила игры, век покорности и страха;
- количественно-отделительный: *пять дней, купить хлеба, пожалел рубля;*
- родительный причинно-целевой: *поссориться из-за пустяков, похудеть от забот, со скуки;*
- родительный даты: двадцать пятого марта.

Такой подход к выяснению значений падежа невозможен без учета лексической семантики существительного, предлога и некоторых синтагматических условий. Список значений каждого падежа оказывается зависимым от целого ряда обстоятельств, и никогда нельзя сказать, что он исчерпан.

Проблемой падежа занимались многие лингвисты, пытаясь выявить главные «пружины» действия падежного механизма. Так, польский лингвист Ежи Курилович обнаружил, что разные падежи по-разному взаимодействуют с лексической семантикой: в одних случаях форма определяет значение всех принимающих ее лексем (это характерно для винительного), в других — исход взаимодействия форм и лексики определяется лексической семантикой (это характерно для творительного — ср.: examь лесом/вечером/автобусом). Первые он предлагал называть синтаксическими, вторые — лексико-синтаксическими. Эта интересная идея была взята на вооружение синтаксисом для объяснения различий разных видов подчинительной связи (В.А. Белошапкова), но в теории падежа серьезного развития не получила. Как мы видим, падеж представляет собой пространство встречи морфологии и синтаксиса.

Еще в большей степени в этом убеждает тот факт, что теоретической основой изучения семантики падежа стало учение о предложении как отражении ситуации, сложившееся в рамках семантического синтаксиса.

Первое, что надо зафиксировать в рамках такого подхода, — падеж категория **релятивная**, что видно уже из формулировки нашей темы. Его предназначение состоит в том, чтобы присоединять к номинативной семантике имени семантику отношений, которые складываются в ситуации. Поэтому падеж можно назвать *категорией-режиссером*: он распределяет роли в ситуации и маркирует имена «по ролям». А это означает, что рассмотрению падежа в целом и отельных падежей должно предшествовать знакомство с теорией ситуативных ролей.

Эта теория сложилась в синтаксисе в исследованиях семантики (номинативного аспекта) предложения, история которых в отечественной лингвистике начинается в самом конце 1960-х гг. Работы Владимира Григорьевича Гака, Натальи Юльевны Шведовой положили начало этой традиции, которая, надо сказать, в мощное направление синтаксиса не сложилась и позднее растворилась в направлениях, вышедших на первый план к концу века, напр., когнитивистике. Тем не менее морфология может воспользоваться понятийным аппаратом синтаксиса в толковании содержательной стороны падежа.

Теория ситуативных отношений восходит к известной метафоре французского лингвиста Люсьена Теньера (1883–1954), которого В.Г. Гак называл «провозвестником семантического синтаксиса».

Эта метафора основана на сравнении предложения с *ма- ленькой драмой*, *действие* которой обозначается глаголом, *действующие лица* – существительными, а *обстоятельства* (кулисы) – наречиями.

Действующие лица, или *актанты* в терминологии Л. Теньера, получившей широкое распространение в современной грамматике, — «это живые существа или предметы, которые участвуют в процессе, даже в качестве простого статиста, и любым способом, не исключая самого пассивного» (Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. — М., 1988. — С.117). Для обозначения их ролей он использует общеизвестные грамматические термины:

- *субъект* (тот, кто осуществляет действие), *объект*, *адресат*.

Что касается обстоятельств, или сирконстантов в терминологии Л. Теньера, то их типы давно были выявлены в рамках учения о второстепенных членах предложения: это обстоятельства *места*, *времени* и *образа действия*. На близость концепции Л. Теньера к русской синтаксической традиции указывалось неоднократно, что обеспечивает ее освоение русской грамматической мыслью.

Располагая этим исходным списком ролей (в дальнейшем он был пополнен), можно поставить два вопроса:

- 1. каковы возможности выражать названные значения у каждого из падежей? (ход от падежа);
- 2. какими падежами может быть выражено каждое актантное и сирконстантное значение (ход от смыслов).

Характеристика русских падежных форм с позиций ситуативных ролей представлена с достаточной полнотой в синтаксическом словаре Галины Александровны Золотовой, где дается терминология и масса примеров из текстов разных жанров. Вот как выглядят падежи в словаре.

Г.А.Золотова представляет падеж без предлогов и с предлогами как разные случаи его использования и описывает каждый из случаев, в результате чего в Словаре именительный падеж описывается в одной рубрике; родительный в 13 рубриках, дательный — в 3, винительный — в 11, творительный — в 6, предложный — в 5.

Возьмем **родительный** падеж без предлогов, с описанием которого в книге В.В.Виноградова мы уже познакомились. В словаре Золотовой уже знакомые «родительные» *даты* (Вылетайте третьего ноября) и количественный (Театров здесь три; принести яблок), а также «новые»:

- **квалитатив** (качество человек определенных убеждений).
 - **посессив** (обладание Чья коляска? Моего господина),
 - агентивный (приезд гостьи),
 - носителя признака (красота одежды),
 - прикомпаративный (Эльбрус выше Казбека),

- **меры соответствия** (они не стоят ваших слез),
- каузативный (чуждаться суеты).

Некоторые можно отнести к тому, что В.В. Виноградов называет определительным, — квалитатив, посессив, агентивный, носителя признака. Но другие связаны с определенными ситуациями — сравнения, установления соответствия между определенными явлениями. Даже этот фрагмент описания показывает, что идея о режиссерской роли падежа верно ухватывает его грамматическое существо.

Словарь Золотовой – отличный помощник в решении вопросов о значении той или иной падежной формы, а помещенный в конце книги «Терминологический справочник» дает нам в руки язык, на котором можно обсуждать семантику падежа.

Еще раз перечислим основные ситуативные роли, маркируемые падежом:

субъект – главный участник ситуации;

объект – зависимый участник ситуации, второй, объект воздействия;

адресат – участник ситуации, в направленности к которому или интересах которого она осуществляется (эта роль иногда определяется термином бенефициент, или бенефактив);

инструмент — средство осуществления ситуации, чаще всего предмет или материал.

Кроме того, следует отметить, что падеж привлекается для обозначения и обстоятельств – времени, места, образа действия.

Семантический подход к русским падежам показывает, что

- субъект выражается именительным и творительным падежами (**Поэт** написал роман \leftrightarrow Роман написан **поэтом**), а также дательным (**Ему** неловко, весело, не спится), винительным (**Его** знобит);
- объект винительным и именительным падежами (Поэт написал **роман** \leftrightarrow **Роман** написан поэтом);
- адресат дательным падежом (Поэт посвятил свой роман **матери**);
- инструмент творительным (*Что написано пером*, не вырубишь **топором**), а также косвенными падежами с пред-

логами (выстрелить **из ружья**, слепить замок **из песка**, подогреть суп **на плите**).

Обстоятельства выражаются предложно-падежными формами: *К утру на горизонте появилась дымка; Он работал с воодушевлением*. Здесь исключение составляет творительный падеж, формы которого могут обозначать и временные отношения (*зимой, вечером*), и пространственные (*полем, лесом*), и иметь значение образа действия (*летел стрелой*).

Как показывает это краткое перечисление, для категории русского падежа характерна *асимметрия*: нет четкой закрепленности падежных форм за определенными ролями — один и тот же падеж может выражать разные ситуативно-ролевые значения, а в распоряжении каждой роли оказывается несколько падежей. При этом возможна конкуренция форм при выражении одного и того же значения, например, инструментального: *ехать поездом/на поездое*.

Падеж выражается флективно. Общепринято существование шести падежных граммем: именительный, родительный, дательный, винительный, творительный и предложный (местный) падежи.

Однако вопрос о количестве падежей нельзя считать окончательно решенным. Современная система падежных форм сложилась в результате исторических изменений, отголоски которых вносят в нее дополнительные нерегулярные явления. Поэтому помимо хорошо известных из школьной грамматики шести падежей обсуждается включение в их состав следующих граммем, каждая из которых имеет особое значение:

- партитивный падеж, который на месте винительного осложняет объектное значение смыслом частичности объекта, его неполного объема, ср. выпить чай и выпить чаю, купить сахар и купить сахар Этот падеж, если признавать его существование в русской грамматике, возможен для существительных мужского рода вещественной семантики, особенно диминутивов типа чайк кофейк коньячку;
- **местный** падеж, который также возможен для существительных мужского рода, только преимущественно пространственной семантики: в саду в дыму, на мосту;

— **превратительный** падеж возможен для существительных с семантикой социального статуса выйти в люди, забрать в солдаты, выбиться в начальники.

Каждая из этих форм, возможность включения которых в состав русских падежей предполагается, как мы увидели, ограничена определенным кругом существительных — в формальном и смысловом отношении, и это довод против того, чтобы ставить их наравне с универсальными падежами, которые в принципе охватывают все русские существительные. Судьба каждой из этих форм рассматривается в курсе исторической грамматики, сейчас же нам важно увидеть, что вопрос о количестве русских падежей не так очевиден, как кажется в школе, и — что весьма существенно подчеркнуть — «кандидаты в падежи» обнаруживают специфику и в формальном отношении — особая флексия, и в смысловом — особая семантика.

Московские страници

Фото Т.В. Шмелевой

Леонид Петрович Крысин

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

СЛОВА-КЕНТАВРЫ

Одному из самых оригинально мыслящих лингвистов—
Татьяне Викторовне Шмелевой—
к ее юбилею с глубоким уважением
и дружеской симпатией.

Древнегреческое слово *kentauros* буквально значит «убивающий быков». Кентавры, как известно, — это персонажи древнегреческой мифологии, полулюди-полукони, обитавшие в горах и лесных чащах. Туловище кентавра в верхней своей части — человеческое (и с человеческой головой), а в нижней — конское.

В переносном смысле кентавром можно обозначить нечто единое, но состоящее из разных, трудно совместимых (и все же совмещаемых) частей. Эта метафора вполне годится для обозначения категории слов, которая сравнительно нова для русского языка.

Кентаврами можно назвать сложные слова, первая часть которых – иноязычная и пишется при этом латиницей, а вторая русская или также иноязычная, но пишущаяся кириллическим шрифтом. Например: *TV-программа*, *PR-служба*, *IQ-тесты*, *PIN-код*, *SIM-карта*, *SMS-сообщение*, *e-mail-адрес*, *ICQ-сеть*, *WWW-страница*.

Надо пояснить приведенные примеры, во всяком случае – первые их части.

Аббревиатурой TV нередко обозначают телевидение (строго говоря, TV – сокращение сложного английского слова television «телевидение»), и слово TV-программа – это более короткое обозначение программы телевидения, телевизионной программы. PR — сокращение английского словосочетания $public\ relations$ — общественные отношения; связи с общественностью. В русском языке на основе этой аббревиатуры в самом

конце XX века появилось существительное *пиар*, обозначающее вид информационной деятельности, направленной на формирование общественного мнения о ком или о чем-либо, и многочисленные производные этого существительного: *пиарить*, *пиарицк*, *пиарокский*, *пиаровский*, *распиарить*...

Сокращением IQ обозначают коэффициент умственного развития: I — начальная буква в английском слове *intelligence* «интеллект, умственные способности», а Q — начальная буква в английском *quotient* «показатель, коэффициент».

PIN в слове PIN-код также является аббревиатурой и расшифровывается следующим образом: personal identification number, то есть «персональный (или индивидуальный) идентификационный номер». SIM в слове SIM-карта — это сокращение по первым буквам английского словосочетания subscriber identity $module^1$ — «модуль идентификации абонента'.

Аббревиатура *SMS* в слове-кентавре *SMS-сообщение* – результат сокращения английского словосочетания *short message service* «служба коротких сообщений». Сейчас *SMS* превратилось в *CMC* и даже в *эсэмэску* и стало привычным в устноразговорной речи молодежи, активно использующей этот вид телефонной связи. Похожий процесс происходит и со словами *PIN-код*, *SIM-карта*: изображаемое в письменных текстах (инструкциях, руководствах и т. п.) латинскими буквами *PIN*- превращается в кириллическое и пишущееся строчными буквами *nuн-*, а *SIM-карта* — в *сим-карту* и даже в *симку*.

В английском сложном слове *e-mail* первая буква — сокращение слова *electronic* «электронная», а *mail* значит «почта». Название компьютерной сети *ICQ* происходит от английской фразы *I seek you* «Я ищу тебя»; читается: «ай-сик-ю». *WWW* еще одна английская аббревиатура, которая расшифровывается как *World Wide Web* и обозначает Всемирную паутину (то есть Интернет). Часто от этого английского словосочетания берут только конечное слово — *Web* «сеть, паутина», которое по смыслу замещает все словосочетание, — и создают с его помощью

В «Новом словаре иностранных слов» [Захаренко 2008] первая часть слова *сим-картна* имеет отсылку к англ. *similitude* «сходство, подобие», что едва ли объясняет смысл самого понятия *сим-картна*.

сложные слова, относящиеся к сфере Интернета: web-адрес, web-графика, web-документ, web-редактор 2 и т. п.

Как видим, бо́льшая часть подобных слов обозначает новые реалии, относящиеся главным образом к телевидению, новым видам связи, новым информационным технологиям, к Интернету. Кстати говоря, само слово Интернет два-три десятилетия назад также изображалось в русских текстах латиницей: Internet, Internet-сервис, а теперь оно изображается на письме только кириллицей и имеет тенденцию к написанию со строчной буквы: интернет; сложные слова с этой первой частью всегда пишутся со строчной: интернет-издание, интернет-магазин, интернет-портал, интернет-реклама и т.п.

Заметим, что *Internet* и для англоязычного мира слово новое. Оно возникло от сложения первой части прилагательного *international* «интернациональный, международный» и существительного *net* в одном из основных его значений («сеть») и обозначает международную электронную сеть, с помощью которой пользователи компьютеров могут связываться друг с другом и обмениваться разного рода информацией – в виде текстов, фотографий, рисунков, чертежей и т. п. «Толковый словарь русского языка конца XX века» под ред. Г. Н. Скляревской (СПб., 1998) указывает даже дату рождения Интернета – 2 января 1969 года, «когда в одном из подразделений Министерства обороны США началась работа над проектом связи компьютеров, в результате которой была создана сеть ARPANET (= Advanced Research Projects Agency Net), построенная на тех же принципах, которые легли позднее в основу Интернета».

Все же сам термин *Internet* и его русский эквивалент *Интернет* появились значительно позже (не ранее середины 80-х годов), а в широкое употребление эти слова вошли, повидимому, с начала 90-х годов XX века. Во всяком случае, регулярно переиздаваемый и дополняемый новым материалом словарь «Brewer»s Twentieth Century Phrase & Fable» в издании 1991 года еще не содержит этого термина. Нет его и в специ-

² Некоторые современные словари уже дают элемент web- в кириллическом написании веб- в качестве словообразовательного элемента русского языка; см., например [Захаренко 2003; Русский орфографический словарь 2005; Ваулина 2005; Крысин 2009].

ально посвященном неологизмам английского языка издании «Fifty Years Among the New Words. A Dictionary of Neologisms» (ed. by J. Algeo. Cambridge University Press, 1991) и в «Новом большом англо-русском словаре», соответствующий (2-й) том которого вышел в 1993 году.

В других сферах деятельности есть такого рода сложные слова, в которых первая часть пишется кириллицей, но при этом такая часть не существует в русском языке в виде самостоятельного слова. Таковы, например, названия некоторых российских банков: Сити-банк, Фора-банк, Витабанк, Форус Банк, Номос-Банк, Экси-банк (в области этих наименований царит орфографический разнобой: одинаковые по структуре слова пишутся то через дефис, то раздельно, то слитно). Это еще один вид слов, которые также можно назвать словами-кентаврами. Ведь по природе первые и вторые части таких слов очень разные: вторые существуют как самостоятельные слова, а первые либо взяты из иностранного языка только для данного наименования (напр., *Cumu-банк*), либо придуманы основателями банка, либо представляют собой нечто зашифрованное (напр., название Гута-Банк в первой своей части содержит производное от фамилии основателя этого банка), но ни те, ни другие, ни третьи не являются словами русского языка.

Теперь зададимся вопросами: насколько освоены русским языком такого рода слова-кентавры? Принадлежат ли они ему и, следовательно, должны описываться в словарях русского языка, или же это своего рода макароническая лексика (которая традиционно не включается в толковые словари и даже в словари иностранных слов)? Как соотносятся такой способ словообразования и его результаты (в виде слов-кентавров) с системой русского языка и как должна оценивать их литературная норма?

Для ответа на эти вопросы надо обратиться к еще одной группе единиц современного русского языка. Одни исследователи считают их сложными словами, другие (например, М.В. Панов) — словосочетаниями, состоящими из определения — так называемого аналитического прилагательного [Панов 1971] — и определяемого (существительного).

Это единицы вида: авиарейс, автопробег, аудиозапись, бизнес-план, видеокассета, нанотехнологии, метеосводка,

панк-группа, сервис-центр и т.п. В одних словах этого ряда первые части — сокращения прилагательных: авиа... — от авиационный, авто... — от автомобильный, метео... — от метеорологический; в других эти части сами являются прилагательными (неизменяемыми): аудио, видео, нано; в третьих первая часть — по виду обычное существительное: бизнес, панк, сервис, но в данном случае выполняющее функцию определения при второй части сложного слова: если мы не расслышали, какого рода план или центр имеет в виду наш собеседник, произнесший слова бизнес-план или сервис-центр, то мы спросим: какой план? какой центр? — то есть зададим вопрос, ответом на который обычно является слово-прилагательное.

Способ образования такого рода слов относительно нов для русского языка. Исследователи уже отмечали бурный рост числа так называемых частично-сокращенных слов — типа Конармия, детдом, крайсовет — в русском языке первых лет советской власти, широкое употребление в последующие годы слов типа профсобрание, партбюро, совслужащий, киберустройство [Русский язык и советское общество 1968]: вторая часть подобных слов — самостоятельно существующая в словаре лексическая единица, а первая — сокращение того или иного прилагательного (в нашем случае — прилагательных конный, детский, краевой, профсоюзный, партийный, советский, кибернетический).

Этот словообразовательный способ оказался очень живучим и продуктивным, и не только в русском языке первой половины и середины XX века. К концу прошлого века он несколько видоизменился: в качестве первой части таких сложных слов стали возможны как сокращения типа проф- или кибер-, так и единицы, которые существуют в виде самостоятельных слов: иноязычные существительные типа бизнес, интернет, блок (ср.: Здесь используется несколько блоков — и слово блок-схема, которое должно пониматься как схема в виде набора блоков, «блоковая схема») и неизменяемые прилагательные иноязычного происхождения: мини- (мини-юбка, мини-рассказ), рок- (рокмузыкант, рок-концерт), топ- (топ-менеджер, топ-модель), шоу- (шоу-бизнес, шоу-программа) и др.

Традиционными, «коренными» для русского языка являются несколько иные способы и средства выражения подобных

смыслов: 1) определение в виде изменяемого прилагательного при существительном: вместо бизнес-план традиционная система русского словообразования должна была бы предпочесть бизнесный план (но, как вполне очевидно, от слова бизнес такое прилагательное не образуется), и 2) генитивные сочетания, то есть сочетания существительного с другим существительным в родительном падеже: план бизнеса (но если определение — несклоняемое существительное или неизменяемое прилагательное, то этот способ не работает: не образуется форма родительного падежа).

Современное русское словообразование предпочитает создание сложных слов описанного выше типа (бизнес-план, интернет-служба, видеопираты), и в этом предпочтении можно видеть влияние английского языка, в котором подобная словообразовательная модель — ввиду ее универсальности при образовании слов разных частей речи - чрезвычайно распространена. Заметим, что некоторые сложные слова целиком были заимствованы из английского, а также из других европейских языков (напр., бодибилдинг < англ. body-building — букв. «телостроительство», бебиситтер < англ. babysitter < baby «ребенок» + sit «сидеть», клипмейкер < англ. clip-maker — букв. «делающий клипы», шорт-трек < англ. short-track — букв. «короткая дорожка», блицкриг < нем. Blitzkrieg < Blitz «молния» + Krieg «война»), и это явилось еще одним фактором, способствовавшим продуктивности образования слов типа бизнес-план.

Появление в русском языке слов-кентавров — также несомненный результат влияния английской словообразовательной системы. Но легко видеть, что и слова-кентавры — при том, что в первых своих частях они явные иностранцы (мало того, что часто это иноязычные аббревиатуры, так они еще и записываются латинским шрифтом!), — это тот же словообразовательный способ создания сложных слов, который представлен в «старых» частично-сокращенных словах типа профсоюз, совслужащий или в более недавних образованиях мини-юбка, рок-музыкант и под.

Однако даже соглашаясь с тем, что описанный способ создания новых сложных слов уже усвоен системой русского словообразования, трудно отделаться от ощущения, что все эти

РІN-коды, SIM-карты, web-документы, WWW-страницы и IQ-тесты — слова-чужаки, не принадлежащие русской лексике. Они свойственны лишь некоторым сферам общения и некоторым коммуникативным ситуациям, и эта ограниченность не позволяет считать их полноценным и е и е и ным и единицами русского словаря. Разумеется, они заслуживают и лексикографического описания: говорящие по-русски должны понимать, что значат такого рода слова и как их надо употреблять. Но это описание, по всей видимости, должно осуществляться в словарях особого рода — подобных тем, в которых описываются специальные научные и технические термины.

И, наконец, ответ на вопрос о норме: как должна оценивать слова-кентавры литературная норма? Как известно, норма многолика: есть нормативные требования к орфографическому облику слова, к его правильному произношению, к его словообразовательной структуре, к его значению, к способам сочетаемости слова с другими единицами в тексте, к функциональностилистической характеристике.

Слова-кентавры не соответствуют орфографической норме: слова, принадлежащие русскому языку, должны изображаться на письме кириллическим шрифтом. Они не всегда соответствуют и норме орфоэпической: ведь при устном употреблении некоторых слов-кентавров мы вынуждены в их первых частях произносить не звуки, а названия букв иного языка, напр., CD = си-ди, ICQ = ай-си-къю, WWW = дабл-ю, дабл-ю, дабл-ю. Но там, где такая первая часть образует слоговое слово, говорящие превращают его в звучащую по-русски единицу и даже начинают писать кириллическим шрифтом: PIN- превращается в nuh-, SIM- — в cum-, PR — в nuap, e-mail — в $umeŭn^3$, и это один из шагов к изменению функционального статуса сложных слов, содержащих эти иноязычные аббревиатуры: слова-кентавры приобретают статус обычных сложных слов (правда, с не всем понятной начальной частью), а первые части некоторых из таких слов

³ И пиар, и имейл уже зафиксированы некоторыми современными русскими словарями; см., например [Захаренко 2003; Русский орфографический словарь 2005; Ваулина 2005; Крысин 2005; Толковый... 2007; Крысин 2000].

делаются самостоятельными словами, иногда при помощи русских словообразовательных средств (*пиар, имейл*, разговорные *симка* «сим-карта», эсэмэска «SMS-сообщение» и нек. др.).

Вопрос о том, насколько слова-кентавры соответствуют словообразовательной норме, мы обсудили выше, а что касается нормы семантической и синтаксической, то эти слова обеим этим нормам вполне соответствуют: каждое из рассмотренных выше слов (и других подобных) имеет определенное значение, и большая их часть употребляется как существительные определенного грамматического рода, имеющие систему склонения и изменяющиеся по числам (в тех случаях, когда слово обозначает нечто исчисляемое).

Как видим, группа слов, употребляющихся в современных русских текстах, которую мы назвали словами-кентаврами, неоднородна как по структуре составляющих ее наименований, так и по их функционально-стилистическому статусу в русском языке. Значительная часть этих слов остается за пределами лексики литературного языка, используясь лишь в определенных и при этом специальных сферах и ситуациях общения. И лишь некоторые, наиболее употребительные слова-кентавры постепенно осваиваются говорящими, превращаясь в обычные русские слова, правда, с определенной стилистической окраской и ограничениями в речевом использовании (таковы, например, рассмотренные выше характерные для непринужденной разговорной речи слова симка, эсэмэска, используемые в молодежной речи сидишка, сидик, сидюшка⁴ – образования от аббревиатуры CD, возникшей из сокращения англ. compactdisk «компакт-диск», флэшка, образованное с помощью суффикса $-\kappa(a)$ от первой части сложного компьютерного термина ϕ лэш-карта⁵, и нек. др.).

⁴ Некоторые из этих слов зафиксированы в указанном выше словаре Е.Ю. Ваулиной [2005].

⁵ Согласно современным правилам орфографии, в обоих этих словах предпочтительно написание буквы «е» после «л»: флешка, флешкарта (см.: Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник. М., 2006. § 9); однако в Интернете, пользователи которого в основном и употребляют эти слова, преобладает написание с «э».

Слова-«кентавры» – одно из свидетельств того, что язык не консервативен: он живо реагирует на изменяющуюся реальность, и в нем появляются не только новые номинации, но и новые модели, по которым эти номинации образуются.

Литература

- Ваулина Е.Ю. Мой компьютер. Толковый словарь / Е.Ю. Ваулина. М., 2005.
- Захаренко Е.В. Новый словарь иностранных слов / Е.В. Захаренко, Л.Н. Комарова, И.В. Нечаева. М., 2003.
- Захаренко Е.В. Новый словарь иностранных слов / Е.В. Захаренко, Л.Н. Комарова, И.В. Нечаева. М., 2008.
- Русский орфографический словарь / Под ред. В.В. Лопатина. М., 2005.
- Крысин Л.П. Заметки об иноязычных словах: Интернет, миллениум / Л.П. Крысин // Русская речь. 2000. № 3. С. 38-40.
- Крысин Л.П. 1 000 новых иностранных слов / Л.П. Крысин. М., 2009
- Панов М.В. Об аналитических прилагательных / М.В. Панов // Фонетика. Фонология. Грамматика. К 70-летию А.А. Реформатского. М., 1971. С. 240-253.
- Русский язык и советское общество / Под ред. М.В. Панова. Кн. 3. Словообразование современного русского литературного языка. М., 1968.
- Русский орфографический словарь / Под ред. В.В. Лопатина. М., 2005.
- Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Под ред. акад. Н.Ю. Шведовой. М., 2007.

Михаил Юрьевич Федосюк

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

К КАКОМУ АСПЕКТУ ОРГАНИЗАЦИИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ОТНОСИТСЯ ЕГО АКТУАЛЬНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ

Начиная с 1970-х годов описание основных закономерностей актуального членения предложения стало оцениваться лингвистами как обязательный компонент синтаксических разделов любых грамматик и вузовских учебников русского языка. Однако при этом не получил убедительного решения и, к сожалению, до сих пор продолжает оставаться не окончательно решенным вопрос о том, к какому из аспектов организации предложения относится актуальное членение и в чем состоит сущность этого аспекта.

В свое время И.П. Распопов предложил разграничивать два аспекта синтаксической структуры предложения. «Один из них, - писал он, - мы назовем конструктивно-синтаксическим. В этом аспекте предложение может быть охарактеризовано со стороны своей конструктивной базы, т. е. используемой им в качестве основы для своего построения синтаксической конструкции того или иного типа. Другой аспект - коммуникативно-синтаксический. В этом аспекте предложение характеризуется как единица коммуникации со свойственным ей и формально сигнализируемым "сообщительным" смыслом» [Распопов 1970: 31]. По своей сути это разграничение представляется достаточно удобным и вполне оправдавшим себя на практике, однако по характеру теоретического обоснования его трудно назвать логически корректным. Бросается в глаза, что противопоставляемые друг другу аспекты выделяются на разных основаниях: первый - на основании особенностей конструктивной базы предложения, т. е. формы, тогда как второй – на основании «сообщительного» смысла предложения, т. е. с о д е р ж а н и я.

Впоследствии синтаксисты добавили к двум названным аспектам еще и третий - семантико-синтаксический, однако отмеченное логическое противоречие при этом, к сожалению, не исчезло. Вот что сказано о трех аспектах организации предложения в учебнике [Современный русский язык 2001]: «1) Анализ формальной устроенности предложения предполагает выяснение того, какая конструкция лежит в основе этого предложения. При этом происходит абстрагирование от лексического наполнения, порядка слов, интонации и контекста, в котором оно употреблено. Этот аспект (или уровень) организации предложения называется конструктивно-синтаксическим»; «2) Анализ предложений с точки зрения их коммуникативной устроенности предполагает выявление их актуального членения, т. е. выделение двух компонентов в соответствии с коммуникативным заданием говорящего: темы (т. е. исходного пункта высказывания, обозначающего то, из чего говорящий исходит, строя свое сообщение) и ремы (т. е. сообщения по поводу темы или о теме). <...> Данный уровень организации предложения называется коммуникативно-синтаксическим»; «3) Третий аспект организации предложения называется семантико-синтаксическим, так как связан с характером синтаксической семантики каждого предложения» [Там же: 613-614].

Как видим, и здесь конструктивно-синтаксический аспект предполагает анализ формы предложения. Что касается коммуникативно-синтаксического аспекта, то название центрального для этого аспекта явления — актуальное членение предложения — является не вполне прозрачным (вероятно, именно поэтому его иногда заменяют термином коммуникативная перспектива предложения [Современный русский литературный язык 1981: 438-440]). Дело в том, что словосочетание актуальное членение способно вызвать мысль о том, что речь идет о каких-то компонентах формы предложения. Однако определения темы («исходный пункт высказывания») и ремы («сообщение по поводу темы»), равно как и то общеизвестное обстоятельство, что в разных предложениях тема и рема могут быть выражены разными средствами, свидетельствуют о том, что коммуникативно-синтаксический аспект — это прежде всего аспект с о д е р ж а н и я . Наконец, семантико-синтаксический

аспект, безусловно, тоже связан с содержанием, однако, очевидно, уже с каким-то иным, чем то, которое принимается во внимание в коммуникативно-синтаксическом аспекте.

Подобных логических противоречий нет в определениях В.А. Белошапковой, которая пишет: «Современную науку отличает взгляд на предложение как на многоаспектное явление, как на комплекс относительно независимых (хотя и взаимосвязанных) систем. Широкое распространение получило положение о том, что применительно к предложению очевидна необходимость различать конструктивный (формальный) и коммуникативный аспекты. Рассмотренное в первом аспекте предложение автономно и самодостаточно, все его свойства объясняются изнутри. Рассмотренное во втором аспекте предложение выступает не само по себе, а как часть текста, т. е. в том лингвистическом и экстралингвистическом контексте, в котором оно существует» [Современный русский язык 1997: 681-682] И далее: «Формальная организация предложения в известных границах определяет его значение, тип информативного содержания – его смысловую организацию» [Там же: 685]. Заметим, однако, что здесь логического противоречия удалось избежать за счет ухода от вопроса о сущности конструктивного и коммуникативного аспектов и замены его удобным, но мало что объясняющим диагностическим признаком, согласно которому к первому из аспектов отнесено то, что не связано с контекстом, а ко второму – то, что с контекстом связано.

Ниже мы попытаемся установить, к какому аспекту организации предложения относится актуальное членение, стараясь избежать при этом всех упомянутых противоречий.

Прежде всего еще раз подчеркнем, что при любых походах к актуальному членению оно неизменно рассматривается как выражение при помощи различных формальных средств так называемого коммуникативного задания, или коммуникативной перспективы предложения. Иными словами, при определении понятия «актуальное членение» всегда вначале говорится о некотором содержании и только потом — о способе его выражения. А это означает, что актуальное членение представляет собой компонент не формы, а содержания предложения.

Если же попытаться найти для актуального членения место среди различных аспектов содержания предложения, то здесь в первую очередь важно вспомнить о восходящем, с одной стороны, к Ш. Балли [Балли 2001], а с другой – к логикам, занимавшимся логическим анализом естественного языка [см., напр., Серль 1986], разграничении диктума и модуса предложения (в других терминологиях – объективного и субъективного содержания предложения, показателей пропозиции и иллокутивной функции).

Вот как описывает данное разграничение Т.В. Шмелева: «Существо этой идеи: высказывание, каким бы элементарным оно ни было, состоится в том случае, если в нем информация о мире, объективной действительности соединится с информацией субъективной — идущей от говорящего и момента общения. Так, в элементарном предложении типа Идет дождь информация о ситуации дождя (объективная) соединена с субъективной информацией о том, что говорящий утверждает это, представляя как событие реальное, совпадающее с моментом речи. Субъективная информация как бы вторична, высказывание предпринимается не ради нее, она сопровождает объективную. Совпадая в своей объективной части, различаются субъективной такие, например, предложения: Вот бы дождь!, Хочется дождя, Шел дождь, Будет дождь, Какой дождь!» [Шмелева 1988: 7].

Очевидно, что актуальное членение предложения является информацией субъективной, поскольку это членение характеризует не саму ситуацию, а представления отправителя о тех знаниях и коммуникативных запросах адресата, которые касаются этой ситуации. Так, например, обозначая одну и ту же ситуацию дождя, говорящий может в одних случаях стремиться проинформировать своего неосведомленного адресата о том, что в данный момент происходит на улице ([Идет дождь]^R), тогда как в других — преследовать цель сообщить уже знающему о дожде адресату, что этот дождь пока еще не кончился ([Дождь]^Т [идет]^R).

Таким образом, то содержание, которое передается актуальным членением предложения, есть основания относить к модусу. Между прочим, именно к такому решению близок И.П. Распопов, который, в отличие от других синтаксистов, включает в коммуни-

кативно-синтаксический аспект структуры предложения не только коммуникативную перспективу, но еще и категории «целевого назначения» и «модального качества» [Современный русский литературный язык 1981: 435-440]. Иными словами, противопоставление конструктивно-синтаксического и коммуникативно-синтаксического аспектов у И.П. Распопова фактически оказывается противопоставлением объективного и субъективного аспектов содержания предложения, т. е. диктума и модуса.

Продолжая наши рассуждения, подчеркнем, что, выбирая тот или иной вариант актуального членения, отправитель привязывает информацию об обозначаемой ситуации к предполагаемым знаниям своего адресата. Однако привязывание содержания языковых единиц к знаниям адресата есть не что иное, как актуализация [см. Балли 2001: 87-94]. Поэтому имеются достаточные основания, чтобы не просто отнести актуальное членение к модусу, но еще и добавить его к тем четырем категориям актуализационного аспекта модуса, которые предлагает выделять Т.В. Шмелева.

В связи со сказанным напомним, что в концепции Т.В. Шмелевой одним из аспектов модуса является актуализационный аспект, который включает в свой состав категории персонализации, модальности, временной и пространственной локализации. «Это означает, — пишет Т.В. Шмелева, — что автор высказывания обязан охарактеризовать его содержание в его отношении к четырем координатам, или ответить на вопросы: «Кто субъект события?», «На самом ли деле оно имело место?», «Когда?» и «Где?» — но не абсолютно, т. е. указанием реального времени и места, а относительно момента речи — то есть до / во время / после говорения и в пространстве собеседников или вне его» [Шмелева 1995: 21]. По нашему мнению, ко всему этому логично было бы добавить, что отправитель должен еще и дать ответ на вопрос: «Что нового для адресата содержится в информации о данном событии?».

Таким образом, если, выделяя аспекты организации предложения, стремиться не ставить в один ряд единицы формы и содержания, то в принципе следовало бы различать не традиционные конструктивно-синтаксический, коммуникативносинтаксический и семантико-синтаксический аспекты, а только два аспекта содержания предложения — его диктум и модус, при

этом относя категорию актуального членения предложения к числу актуализиционных категорий модуса.

Вместе с тем такое решение не представляется нам оптимальным по следующим двум причинам.

Во-первых, бинарное противопоставление диктума и модуса не дает возможности четко отразить тот факт, что любое речевое построение несет информацию не двух, а трех типов. Это информация не только о положении дел в действительности и не только о коммуникативных установках и оценках отправителя, но еще и о том, как этот отправитель представляет себе личность, знания и коммуникативные запросы адресата. Не случайно К. Бюлер схематически изображал языковой знак в виде треугольника, стороны которого соотносятся, во-первых, с предметами и ситуациями, во-вторых, с отправителем и, в-третьих, с получателем. В комментариях к данной схеме К. Бюлер писал о знаке так: «Это символ в силу своей соотнесенности с предметами и положением дел; это симптом (примета, индекс) в силу своей зависимости от отправителя. внутреннее состояние которого он выражает, и сигнал в силу своего обращения к слушателю, чьи внешним поведением или внутренним состоянием он управляет так же, как и другие коммуникативные знаки» [Бюлер 1993: 34].

Во-вторых, при выделении только двух упомянутых аспектов содержания предложения: диктума и модуса — устройство семантики предложения очень трудно соотнести с организацией семантики лексических единиц, при описании которых обычно выделяют совсем другие и по названиям, и по содержанию аспекты. С точки зрения закономерностей исторического развития лингвистики такая концептуальная несоотнесенность разных ее разделов, разумеется, совершенно закономерна, однако вряд ли она полезна на нынешнем этапе ее развития.

Можно утверждать, что разработанные к настоящему времени представления об устройстве содержательной стороны слов более целостны и последовательны, чем те, которые применительно к предложению существуют в синтаксисе. Поэтому ниже мы попытаемся описать устройство плана содержания синтаксических единиц на основании тех принципов, которым принято следовать в лексикологии.

Однако вначале напомним, что современная лексикология разграничивает, как минимум, три аспекта содержания лекси-ческих единиц: сигнификативный, референциальный (при рассмотрении слова вне его употребления в речи этот аспект обычно именуют денотативным) и прагматический [Кобозева 2000: 80-94; ср. Апресян 1995: 135-177; Современный русский язык 2001: 179-185].

Сигнификативное содержание слова (именуемое также сигнификатом) ориентировано на отражение окружающей человека действительности в лексической системе данного языка. Оно представляет собой закрепленный за словом в системе языка комплекс признаков, присущих определенному классу предметов или явлений действительности. В большинстве случаев сигнификат – это то, что фиксируется в толковых словарях в качестве прямого лексического значения слова. Так, например, сигнификат слова собака, как его обычно описывают словари, – это 'домашнее животное сем<ейства> псовых, родственное волку, используемое человеком для охраны, на охоте, в упряжке (на Севере) и т. п.' [Словарь русского языка 1981-1984. Т. 4: 168].

Референциальное содержание слова (иначе именуемое референтом) ориентировано на сознание адресата конкретного речевого акта. Оно представляет собой тот образ предмета или ситуации, который данное слово должно возбуждать у адресата в конкретной ситуации общения.

Иллюстрацией того, что представляет собой референт слова, может служить содержание, которое передает слово *собака*, употребленное в каждом из следующих предложений:

- (1) \hat{C} о б а к а друг человека.
- (2) Николай купил себе собаку.
- (3) Почему вы оставили собаку без присмотра?

Очевидно, что, имея в системе языка один и тот же сигнификат – 'домашнее животное семейства псовых', – слово собака в каждом из приведенных примеров обозначает разные референты. Так, предложение (1) возбуждает в сознании адресата образ некой обобщенной, эталонной, любой собаки. Воспринимая высказывание (2), адресат представит себе неопределенную (поскольку собака ему неизвестна), однако не обобщенную, а конкретную собаку, если так можно выразиться, одну собаку, «соба-

ку с неопределенным артиклем». Наконец, услышав вопрос (3), адресат должен будет подумать уже о совершенно определенной собаке — $mo\ddot{u}$ собаке, которую он оставил без присмотра.

Прагматическое содержание слова (иначе именуемое коннотациями) ориентировано на позицию отправителя. Оно представляет собой выражаемые данным словом оценки отправителем, во-первых, референта данного слова, во-вторых, адресата и, наконец, в-третьих, ситуации общения.

Прагматический компонент присутствует в содержании далеко не всех слов, а его ориентация на одновременную оценку и референта, и адресата, и ситуации общения вообще встречается крайне редко. Вместе с тем прагматические компоненты содержания слова можно проиллюстрировать нижеследующими примерами (2a) и (3a):

(2а) Николай купил себе п с а.

С точки зрения сигнификативного содержания (которое нас в данном случае не интересует) слово *пес*, употребленное в примере (2a), отличается от слова *собака* указанием на то, что обозначаемое животное, скорее всего, является крупным. Однако помимо этого содержание слова *пес* включает прагматический компонент, оценивающий ситуацию употребления данного слова как неофициальную. Трудно представить себе использование слова *пес* в официальных текстах, например в объявлениях *Вакцинация псов производится ежедневно с 15 до 19 часов или *Выставка псов породы сенбернар состоится 24 июля (очевидно, что непредназначенность слова *пес* для официального общения обусловлена тем, что для этой сферы общения неактуален параметр 'размер собаки').

Другим возможным прагматическим компонентом содержания слова *пес* является положительное эмоциональное отношение говорящего к референту данного слова. В случае реализации этого компонента смысл предложения *Николай купил себе пса* можно передать как 'Николай купил себе собаку, мысль о которой вызывает у говорящего положительные эмоции, подобные тем, которые бывают вызваны крупными предметами' (ср. возможное продолжение рассматриваемого предложения: *Псу пока еще всего три месяца, но уже видно, какой он самостоятельный и умный*).

(3а) Почему вы оставили песика без присмотра?

Переходя к рассмотрению плана содержания с и н т а к с и ч е с к и х е д и н и ц, нетрудно обнаружить в нем те же аспекты: сигнификативный, ориентированный на отражение действительности, референциальный, привязывающий это отражение к знаниям адресата речи, и прагматический, отображающий позицию отправителя данной синтаксической единицы.

Конкретизируем сказанное, опираясь на уже приводившийся пример (2) *Николай купил себе собаку*, в котором теперь нас будет интересовать содержание не одного слова *собака*, а всего предложения в целом.

Сигнифи кативное содержание (или сигнификат) предложения — это обозначаемый данным предложением комплекс признаков некоторой ситуации, который не связан ни со знаниями адресата, ни с позицией отправителя. Если попытаться описать сигнификат рассматриваемого нами предложения (2), то он, очевидно, будет иметь вид 'покупка человеком по имени Николай для себя собаки'. Определение сигнификата предложения посредством словосочетания в данном случае не случайно: именно словосочетание позволяет исключить любые сведения о знаниях адресата и позиции отправителя, которых невозможно избежать в предложении. Сигнификат предложения — это, по существу, тот компонент его содержания, который в синтаксической теории принято именовать объективным содержанием предложения, диктумом или пропозицией.

Референциальное содержание (или референт) предложения – это обозначаемый данным предложением образ

ситуации, привязанный к знаниям адресата и к его коммуникативным запросам. Например, референт предложения (2) — это описание покупки собаки, во-первых, как реального, а не гипотетического события, во-вторых, как события, отнесенного к тому моменту, который предшествовал ситуации общения с данным адресатом, и, наконец, в-третьих, как такого события, которое не связано с участниками данного речевого акта. На эти обстоятельства указывает соответственно, во-первых, изъявительное наклонение, а во-вторых, прошедшее время сказуемого купил и, кроме того, вытекающая из всего содержания предложения отнесенность описываемой ситуации к 3-му лицу.

Кроме того, судя по порядку слов, перед нами такое описание, которое предполагает, что в фокусе внимания адресата находится человек по имени Николай, однако у этого адресата нет сведений о положении дел, связанном с упомянутым Николаем. Ср. предложение Собаку купил себе Николай, где в фокусе внимания адресата, скорее всего, находится покупка собаки, однако ему неизвестно, кем она была осуществлена.

Легко заметить, что основу референциального содержания предложения составляет предикативность, которую В.В. Виноградов определял как «отнесенность высказываемого содержания к реальной действительности, грамматически выражающаяся в категориях (синтаксических, а не только морфологических) модальности (наклонения), времени и лица» [Виноградов 1975: 227]. Однако наряду с предикативностью в референциальное содержание предложения, по нашему мнению, входит и близкая к ней по функции категория актуального членения предложения.

Наконец, прагматическое содержание предложения — это обозначение в предложении той коммуникативной цели, которую преследует отравитель предложения, а также информации об отношении данного отправителя к содержанию и форме предложения, его адресату и ситуации общения.

Так, в прагматическое содержание предложения (2) входят сведения о том, что цель отправителя состоит в передаче адресату сообщения о покупке Николаем собаки как о достоверном и при этом никак не оцениваемом событии. Для того чтобы продемонстрировать, что действительно так, сопоставим данное предложение со следующими:

- (2б) Николай купил себе собаку?
- (2в) Николай, по-видимому, купил себе собаку.
- (2г) К счастью, Николай купил себе собаку.
- (2д) Николай совершил покупку собаки.

Нетрудно убедиться, что прагматическое содержание предложения (2б) несет информацию о том, что целью отправителя является не передача сообщения, а, наоборот, выяснение, соответствует ли описываемая ситуация действительности. Прагматическое содержание предложения (2в) информирует о том, что отправитель не полностью уверен в достоверности передаваемого сообщения. Прагматическое содержание предложения (2г) содержит положительную оценку описываемого события. Наконец, прагматическое содержание предложения (2д) несет информацию о том, что отправитель оценивает ситуацию общения как официальную.

Несмотря на то, что в рамках предлагаемого подхода носителями субъктивной информации оказываются как прагматическое, так референциальное содержание предложения, именно прагматическое содержание есть основания именовать модусом предложения.

Подводя итоги всему сказанному, необходимо отметить следующее:

- 1. Современная синтаксическая теория достаточно детально изучила феномен актуального членения предложения, однако, к сожалению, пока еще нечетко определяет его место в организации предложения.
- 2. Поскольку актуальное членение состоит в выделении того смыслового компонента предложения, который служит для возбуждения в сознании адресата некоторого исходного образа (темы), и того компонента, который передает адресату новую информацию о теме (ремы), причем и тема и рема могут быть выражены при помощи разных формальных средств, актуальное членение представляет собой один из аспектов содержания, а не формы предложения.
- 3. Если разграничивать в плане содержания предложения всего два компонента его объективное и субъективное содержание (диктум и модус), то актуальное членение следует признать одним из компонентов модуса. Используя терминологию

- Т.В. Шмелевой, актуальное членение логично считать одной из категорий актуализационного аспекта модуса.
- 4. Целесообразно стремиться к единообразию в описании семантики лексических и синтаксических единиц. В этом случае в плане содержания любых значимых языковых единиц следует выделять сигнификативный, референциальный и прагматический (или модусный) аспекты. При таком подходе актуальное членение вместе с предикативностью будет относиться к референциальному аспекту содержания предложения.

Литература

- Апресян Ю.Д. Избранные труды. Том II: Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю.Д. Апресян. М., 1995.
- Балли III. Общая лингвистика и вопросы французского языка / III. Балли. М., 2001.
- Бюлер К. Теория языка: Репрезентативная функция языка / К. Бюлер. М., 1993.
- Виноградов В.В. Основные принципы русского синтаксиса в «Грамматике русского языка» Академии наук СССР / В.В. Виноградов // Виноградов В.В. Избранные труды: Исследования по русской грамматике. М., 1975.
- Кобозева И.М. Лингвистическая семантика / И.М. Кобозева. М., 2000.
- Располов И.П. Строение простого предложения в современном русском языке / И.П. Располов, М., 1970.
- Серль Дж. Р. Что такое речевой акт? / Дж. Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М., 1986. С. 151-169.
- Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1981 1984.
- Современный русский литературный язык / Под ред. Н.М. Шанского. Л, 1981. (автор раздела «Синтаксис» – И.П. Распопов).
- Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапковой. М, 1997 (автор раздела «Синтаксис» В.А. Белошапкова).
- Современный русский язык / Под общ. ред. Л.А. Новикова. СПб., 2001 (авторы раздела «Синтаксис» О.А. Крылова, Л.Ю. Максимов, Е.Н. Ширяев).
- Шмелева Т.В. Семантический синтаксис / Т.В. Шмелева. Красноярск, 1988.
- Шмелева Т.В. Субъективные аспекты русского высказывания: Дис. в виде научного доклада ... докт. филол. наук / Т.В. Шмелева. М., 1995.

Ольга Николаевна Петрова (Хазова)

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

ДЕРИВАЦИОННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Интересы Татьяны Викторовны Шмелевой принадлежат сфере синтаксической семантики, модусу, модальности, добавочным (модификационным) синтаксическим значениям. Это направление перспективно для современной синтаксической науки, поскольку превращает грамматику описательную в грамматику объяснительную.

Теперь уже общепринято, что системное описание синтаксиса подразумевает не просто перечисление типов простых предложений в данном языке, но рассмотрение и классификацию отношений между этими типами предложений. В настоящее время уже признаны несколько видов различных системных связей (соотношений) между разными типами простых предложений: грамматическая модификация (Н.Ю. Шведова в АГ-70 объединила грамматические модификаты в грамматическую парадигму предложения), формальное варьирование, трансформация между активной и пассивной конструкциями.

Статья В.А. Белошапковой и Т.В. Шмелевой «Деривационная парадигма предложения» [Белошапкова 1981] стала важнейшей теоретической работой по деривационному синтаксису, хотя сегодня некоторые положения этой статьи вызывают вопросы.

Термин «синтаксическая деривация» впервые употребил Е. Курилович в статье «Деривация лексическая и деривация синтаксическая», но Е. Курилович видел в синтаксической деривации средство словообразования: «синтаксический дериват — это форма с тем же лексическим содержанием, что и у исходной формы, но с другой синтаксической функцией» [Курилович 1962: 61].

Далее термин «синтаксическая деривация» стал использоваться для обозначения системных отношений между предложениями. Синтаксическую деривацию можно понимать широко, как, например, Л.Н. Мурзин [1971], для которого это синтаксическое преобразование вообще, процесс образования одних конструкций (словосочетаний и предложений) от других. Л.Н. Мурзин наглядно показал, что отношения производности пронизывают буквально всю синтаксическую систему русского языка. В своей книге он рассмотрел конструкции, которые, по его мнению, деривационно связаны и последовательно описал формальную сторону синтаксической производности. Однако нерешенной осталась другая важнейшая задача — характеристика семантических изменений (смысловых приращений) в производном предложении по сравнению с исходным предложением.

Смысловыми приращениями в процессе деривации заинтересовался В.С. Храковский (см., например, его книгу «Очерки по общему и арабскому синтаксису»), который термин «синтаксическая деривация» использовал в третьем (после Е. Куриловича и Л.Н. Мурзина) смысле – для обозначения особого вида преобразования, возникающего между определенными типами простых предложений. В.С. Храковский дает следующее определение синтаксической деривации: «Под деривацией мы понимаем такое преобразование одного предложения в другое, при котором производное предложение и по своему грамматическому статусу, и по смыслу закономерно отличается от исходного» [Храковский 1973: 13]. Однако примеры, которые иллюстрируют деривацию по В.С. Храковскому, неоднородны, потому что включают фазисные, модальные смыслы, а также каузативные ситуации, пассивные преобразования, то есть модификационные смыслы смешиваются с пропозитивными.

Названная статья В.А. Белошапковой и Т.В. Шмелевой строго определяет семантические, а потом и формальные критерии синтаксической деривации: вводится понятие модификационного смысла — центрального понятия синтаксической деривации. Авторы утверждают, что синтаксическая деривация сопровождается дополнительными модификационными смыс-

лами и этим отличается от других видов системных отношения между простыми предложениями: модификационный смысл меньше пропозиции (не вводит в исходное предложение новой ситуации и новых участников), но при этом модификационный смысл больше деталей исходной ситуации-пропозиции. Исходное предложение отличается от синтаксического деривата отсутствием модификационного смысла. Данное требование позволяет отделить синтаксическую деривацию от синтаксической синонимии. Синонимические предложения, отличаясь друг от друга по форме, должны выражать сходное содержание, то есть одну и ту же комбинацию элементарных смыслов. Это делает синонимические предложения взаимозаменяемые в одном контексте: Отец был весел — Отцу было весело. Именно поэтому не представляется возможным решить, какое из синонимических предложений исходное, а какое — производное.

Модификационные смыслы были объединены В.А. Белошапковой и Т.В. Шмелевой в деривационную парадигму. Парадигма, будучи наиболее рациональным и показательным способом лингвистического описания, представляет предложение как закрытую систему его видоизменений, связанных оппозитивными отношениями. Эта деривационная парадигма состояла из следующих членов: фазисный, модальный, негативный, квантитативный, оценочно-экспрессивный, авторизационный дериваты и дериваты интерпретации субъекта как неопределенно- или обобщенно-личного (по поводу авторизации авторы с самого начала сомневались, что специально оговаривалось в статье [Белошапкова 1981: 45]).

В настоящее время состав деривационной парадигмы, предложенный В.А. Белошапковой и Т.В. Шмелевой, может быть пересмотрен: это касается, например, негативного, оценочно-экспрессивного, даже модального компонентов, но включение в парадигму интерпретации субъекта кажется нам очень интересным и плодотворным в связи с современными работами по теории текста. Ведь устраненный (тебе уже было сказано: не лазай на дерево), отстраненный (тебе уже сказали: не лазай на дерево) или обобщенный (скажешь тебе: не лазай на дерево) субъекты предполагают разное контекстуальное окружение и различия в отношения между говорящим и адре-

сатом (иерархичность, дистанцированность и временная нелокализованность).

Интерпретация неопределенно-личных предложений сегодня соединилась с прагматикой, эгоцентризмом и анализом текста [Булыгина 1990; Падучева 1995; Онипенко 2001; 2009], но системная сущность неопределенно-личных предложений определяется именно в связи с синтаксической деривацией.

Деривационная парадигма (и в этом ее огромная ценность) подталкивает лингвиста к решению принципиальных задач, например, к формулированию инвариантного (типового) значения предложений конкретного типа, к примеру, неопределенно-личных. Под типовым здесь понимается значение, сохраняющееся во всех контекстах, при любом употреблении предложений данного типа. Если обратиться к неопределенно-личным предложениям, то традиционно вместо поиска их инвариантного значения устанавливались контексты, в которых эти предложения употреблялись: 1) невозможность конкретного обозначения действующих лиц, так как их много (ср. с обобщенно-личными предложениями); 2) неизвестность действующих лиц или их заведомая известность (ср. с двусоставными предложениями с неопределенными местоимениями); 3) ненадобность конкретного обозначения действующих лиц (это и есть инвариантное значение неопределенно-личных предложений); 4) нежелание назвать их (вариация третьего пункта) [Бабайцева 1968: 34 и след.]. Данная классификация неопределенно-личных предложений весьма сомнительна.

Неопределенно-личные предложения по семантике отличаются от обобщенно-личных предложений, так как последние строятся вокруг глагола в форме настоящего времени несовершенного вида, то есть в форме настоящего «неактуального», где под неактуальностью понимается неотнесенность действия к моменту речи [Виноградов 1972: 453], например: Солдатами не рождаются, солдатами становятся. Необходимым условием возникновения обобщенно-личного значения является и отсутствие в предложении конкретных временных и локальных характеристик, которые бы указывали на неповторимость, конкретную определенность события, описываемого в предложении. При этом в предложении Лапти в крестьянской Руси

носили как легкую, дешевую и гигиеническую обувь (Чивилихин) благодаря семантике локального распространителя содержится некоторое обобщение, но как раз наличие здесь локального распространителя, даже самого общего значения, препятствует созданию собственно обобщенного значения: последнее выражается в том, что действие, состояние, характеристика относятся к лицу, к человеку вообще, а не просто к отстраненному лицу, выведенному на время «за кадр». Поэтому, в отличие от предложения о крестьянской Руси, следующие предложения можно отнести к обобщенно-личным: Девок и то за глаза не сватают, хотят лично убедиться (Симонов), — Зачем ты связал-то меня? — Коня путают, чтоб далеко не ушел (Бородин).

Неопределенно-личные предложения по семантике отличаются от двусоставных предложений с неопределенными местоимениями: – А в Заречье охота есть? – На Пре вроде разрешают (Нагибин) – ср. *На Пре вроде кто-то разрешает; За столиками, не густо сегодня занятыми, захлопали (Скоп) – ср. *За столиками кто-то захлопал. Семантическая нетождественность указанных предложений объясняется как раз тем, что в неопределенно-личных предложениях субъект всегда понятен из ситуации и контекста, а предложения с неопределенными местоимениями употребляются тогда, когда субъект действительно неизвестен, вообще не уточняется ни контекстом, ни ситуацией: – Чудом выиграли! – говорил кто-то в толпе зрителей (Трифонов). В предложении Чудом выиграли для зрителей на стадионе, которые наблюдали матч, субъект вполне понятен (футболисты-спартаковцы), но для героя, от имени которого ведется рассказ, непонятно, кто из толпы зрителей сказал приведенную фразу. Поэтому герой и автор-повествователь выбрали двусоставное предложение с неопределенным местоимением: говорил кто-то в толпе.

Все, что говорилось о типовом значении неопределенноличных предложений, конечно, относится к обоим семантическим подтипам этих предложений. Именно отстраненно-личный характер субъекта в предложениях типа *Книги привезли (на склад)* позволяет отодвинуть такой реальный субъект на второй план, а тем самым выдвинуть в центр семантической структуры предложения другого героя-субъекта – *книги*, то есть выразить смысл 'Книги привезены'. В другом семантическом подтипе неопределенно-личных предложений отстраненно-личный характер субъекта проявляется отчетливо и ничем не затушевывается: В полку любили командира. Оба подтипа неопределенноличных предложений представляют собой расчлененные предложения. Иными словами, в семантической структуре данных предложений отчетливо прослеживается расчленение на «определяемое» и «определяющее»: *Книги* – привезли, *В полку* – любили командира. Такой взгляд на семантическую структуру обоих подтипов неопределенно-личных предложений позволяет говорить о сложной семантике локальных и темпоральных распространителей во втором подтипе. Указанные распространители, во-первых, соотносимы с подлежащим двусоставного предложения (Полк любил командира), во-вторых, содержат в себе косвенное указание на действующих лиц, называют, так сказать, среду субъекта, или, говоря иначе, реализуют субъектную валентность глагола.

Неопределенно-личные (глагольные и именные) предложения были признаны дериватами двусоставных предложений [Хазова 1985] на том основании, что в неопределенно-личных предложениях субъект действия или состояния представлен как отстраненный: не как неизвестный, не как обобщенный, многочисленный, но как отстраненный, то есть только как человек/люди. Отстраненность понималась как «отстранение от человека/людей всех специальных признаков и характеристик»; все специальные признаки и характеристики субъекта в неопределенно-личном предложении будут ясны из контекста, из обязательных распространителей (локальных и темпоральных) (о распространителях в неопределенно-личных предложениях писала Г.Ф. Низяева [1971]).

Рассмотрим несколько примеров употребления неопределенно-личных предложений: (1) В пустоватой, затерянной меж большой водой и большим небом деревеньке люден и полон жизни прилегающий к воде край. Здесь на берегу сколачивают и смолят лодки, баркасы, сушат и чинят рыбацкие сети... (Нагибин); (2) Но, — заметил я, — в поселковой школе еще до революции на уроках закона божьего нас просвещали по части священного писания... (Владимиров). Из контекста перво-

го примера ясно, что в неопределенно-личном предложении субъектом будут не просто «те, которые на берегу», а жители островной деревни. Во втором — за субъектом стоит одно лицо, точно определяемое из ситуации лицо, — учитель закона божьего — священник. Нередко субъект прямо называется до или непосредственно после неопределенно-личного предложения, таким образом всякая неопределенность или совсем не возникает, или сразу же устраняется. Например: Попроси только он у дяди, и ему дадут такое же доходное место, как у моего мужа (А.Островский); Это звонят из ресторана «Пурга». Руководитель оркестра (Скоп).

В русском языке в тексте рядом могут стоять несколько неопределенно-личных предложений с разными субъектами, и тем не менее текст будет понятным благодаря тому, что из ситуации и контекста ясно, кто подразумевается под отстраненноличным субъектом в каждом случае, например: – Что верно, то верно! – донеслось с печки. – А только с почтой можно бы наладиться. А как наладиться? Сын в районную газету писал, напечатали (имеется в виду редактор газеты), даже денег заплатили (имеется в виду бухгалтер / бухгалтеры газеты). А почту и вовсе носить перестали (имеется в виду деревенский почтальон). Нас с тех пор газетчиками в деревне кличут (имеются в виду жители деревни). Вот и вся выгода! (Нагибин). Приведенные примеры доказывают по существу распространенную и справедливую мысль о том, что за неназванным субъектом в реальной действительности может стоять один, несколько или огромное множество реальных людей, но людей, представленных неопределенно, то есть без конкретизирующих определений.

Деривационная парадигма неминуемо ставит перед лингвистом не только вопрос об инвариантном значении предложения, но и вопрос о, так сказать, «негативной» характеристике деривата. Иными словами, деривационная парадигма требует от лингвиста ответа на вопрос: почему от некоторых исходных предложений нельзя образовать неопределенно-личных предложений. Во-первых, нельзя устранить субъект, если в исходном двусоставном предложении он находится в реме, то есть представляет собой новую, важную, никак не устранимую информацию: Беглеца нашли в лесу обходчики. Во-вторых, главный член

неопределенно-личных предложений может называть действие/ состояние устраненного субъекта, но не может называть признак, то есть качественную характеристику субъекта. Поэтому в неопределенно-личных предложениях невозможны слова из лексической группы «внешность человека», независимо от частеречной принадлежности.

Итак, идея деривационной парадигмы, высказанная в статье В.А. Белошапковой и Т.В. Шмелевой, является, безусловно, весьма продуктивной, так как распространяет парадигматическое описание на синтаксическую систему, то есть выравнивает принципы описания разных уровней языка, а кроме того, требует от лингвиста обязательно формулировать сначала инвариантное значение предложений данного типа, а потом и «негативную» характеристику предложений данного типа.

Литература

- Бабайцева В.В. Односоставные предложения в современном русском языке / В.В. Бабайцева. М., 1968.
- Белошапкова В.А. Деривационная парадигма предложения / В.А. Белошапкова, Т.В. Шмелева // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1981. № 2. С. 43-51.
- Булыгина Т.В. Я, ты и другие в русской грамматике / Т.В. Булыгина // Res philologica. Филологические исследования. Памяти академика Георгия Владимировича Степанова. М., 1990. С. 111-126.
- Виноградов В.В. Русский язык. (Грамматическое учение о слове) / В.В. Виноградов. М., 1972.
- Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
- Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая / Е. Курилович // Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962. С. 57-70.
- Мурзин Л.Н. Синтаксическая деривация (Анализ производных предложений русского языка) / Л.Н. Мурзин. Пермь, 1974.
- Низяева Г.Ф. Неопределенно-личные предложения в современном русском языке (семантика-грамматическая организация): Автореф. дис. ... канд. филол. н. / Г.Ф. Низяева. М., 1971.
- Онипенко Н.К. Теория коммуникативной грамматики и проблема системного описания русского синтаксиса / Н.К. Онипенко // Русский язык в научном освещении. 2001. № 2. С. 107-121.

- Онипенко Н.К. Об одной строфе из «Евгения Онегина» / Н.К. Онипенко // «Слово чистое веселье...»: Юбилейный сборник в честь А.Б. Пеньковского. М., 2009.
- Падучева Е.В. В.В. Виноградов и наука о языке художественной прозы / Е.В. Падучева // Известия РАН. Серия литературы и языка. Т. 54. № 3. 1995. С. 39-48.
- Хазова О.Н. Русские неопределенно-личные предложения и их место в синтаксической системе современного русского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. н. / О.Н. Хазова. М., 1985.
- Храковский В.С. Очерки по общему и арабскому синтаксису / В.С. Храковский. М., 1973.

Надежда Константиновна Онипенко, Ольга Сергеевна Биккулова

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

И ВНОВЬ О «ДЕЕПРИЧАСТИИ НА СЛУЖБЕ У МОДУСА»

1. В 1984 г. Татьяна Викторовна Шмелева [Шмелева 1984] опубликовала небольшую статью, в которой соединила классическое семантико-синтаксическое описание русских деепричастий с прагматикой речевого акта. Речь шла о деепричастиях, нормативность которых «признают с осторожностью», а точнее, о тех, которые, нарушая правило односубъектности (они не относятся к тому же субъекту, что и основной глагол), все же не создают ситуации неоднозначного (или неправильного) прочтения. Т.В. Шмелева показала, что такие обороты, как говоря словами..., перефразируя эту мысль, собственно (грубо) говоря, несколько упрощая, судя по, исходя из, учитывая не подчиняются правилу односубъектности, поскольку являются «одной из форм экспликации речевого компонента модуса», наряду со спрягаемо-глагольными, инфинитивными и «квазиусловными» оборотами. Т.В. Шмелева отметила, что «модусные» деепричастные конструкции отличаются от канонических деепричастных оборотов не только «рассогласованием» по субъекту, но и структурой описываемой ситуации: высказывания с деепричастными оборотами, эксплицирующими речевой компонент модуса, однособытийны, т.к. ситуацию описывает только диктальная часть, а модус выполняет метатекстовую функцию.

Позже русская грамматическая наука будет рассматривать деепричастие в связи с категорией таксиса (обзор работ см. [Вяльсова 2009] и обнаружит особые отношения между таксисом и эвиденциальностью, а, учитывая работы [Власов 1958; Ицкович 1982; Шмелева 1984], выявит временные и модусные условия перехода деепричастных форм в другие части речи. Но

сегодня, оглядываясь назад, мы понимаем, что теоретически обоснованное начало этим исследованиям положено маленькой статьей Т.В. Шмелевой.

Настоящая работа продолжает то направление исследований, которое было намечено Т.В. Шмелевой, в чем-то дополняя, в чем-то уточняя материал ее работ 1984 г. и 1988 г.

2. Вначале вернемся к проблеме деепричастной нормы. Все началось с «Российской грамматики» М.В. Ломоносова. Ломоносов сформулировал правило употребления деепричастий: «Весьма погрешают те, которые по свойству чужих языков деепричастия от глаголов личных лицами разделяют, ибо деепричастие должно в лице согласовываться с главным глаголом личным, на котором всей речи состоит сила: идучи в школу, встретился я с приятелем; написав я грамотку, посылаю за море. Но многие в противность сему пишут: идучи я в школу, встретился со мною приятель; написав я грамотку, он приехал с моря; будучи я удостоверен о вашем к себе дружестве, вы можете уповать на мое к вам усердие, что весьма неправильно и досадно слуху, чувствующему правое российское сочинение» [Ломоносов 1952: 566]. А.А. Барсов в своей «Обстоятельной российской грамматике», опираясь и даже цитируя М.В. Ломоносова, несколько расширяет поле нормативных конструкций с деепричастием: к нормативным он относит и конструкции с косвенным падежом субъекта, например, любя тебя мне это зделать можно [Барсов 1981: 223].

Н.И. Греч в своей грамматике 1827 г. говорит не о согласовании деепричастия с глаголом личным по лицу, а о совпадении подлежащих в обеих частях конструкции, поскольку считает предложение с деепричастным и причастным оборотом результатом слияния главного и придаточного предложения [Греч 1827: 379]. В отличие от А.А. Барсова, Н.И. Греч не считал нормативными предложения с дательным субъекта, даже такие, как играя в карты можно потерять здоровье; занимаясь науками, должно убегать разсеяния [Там же: 380].

А.Х. Востоков, как и Н.И.Греч, рассматривал зависимый деепричастный оборот как свернутое придаточное, но в формулировке правила возвращался к варианту М.В. Ломоносова: «деепричастие придаточного предложения и глагол предложе-

ния главного должны выражать действия одного и того же лица». Далее А.Х. Востоков расширяет и уточняет область действия правила: «Когда деепричастие относится к глаголу личному... тогда сочиняется с именительным падежем, но когда, в виде наречия, употреблено при неопределенном наклонении, дополнительном к безличному глаголу, тогда сочиняется и с падежем дательным; напр. Им удобнее работать, сидя. Тебе можно устать, ходивши. Больному велено прохаживаться, потеплее одевшись» [Востоков 1874: 128].

В XX веке возможности употребления русского деепричастия оказываются в сфере интересов культуры речи (обзор см. в [Ицкович 1982]). Грамматики же продолжают уточнять правило. В грамматике 1952–1954 гг. в разделе, написанном Э.И. Коротаевой в сотрудничестве с Н.Н. Прокоповичем, кроме основного правила, в котором деепричастие относится к подлежащему в именительном падеже, допускается употребление деепричастий в безличных и обобщенно-личных предложениях. В Академической грамматике 1970 г. правило употребления деепричастий формулируется классически, но в примерах находим конструкции, которые традиционно составляют пограничную зону между нормативными и ненормативными употреблениями: Отдохнув, можно приняться за дело⁶. Как же нам идти, зная, что переправы нет. Слушая этот рассказ, мне было страшно.

Систематическое описание деепричастной нормы дал В.А. Ицкович. Рассматривая «отрицательный» материал, он представил все конструкции с деепричастиями в виде поля — с центром (т.е. нормой) и «серой зоной» (т.е. зоной, где норма и не-норма пересекаются). Главным критерием отнесения какого-либо употребления к «серой зоне» является противоречие между семантическим и формально-грамматическим уровнем: например, в пассивном залоге, когда оборот относится не к субъекту действия, а к объекту, который стоит в им.п. (Танк, получив большое количество пробоин, был подожжен).

⁶ В безличных конструкциях с инфинитивом существует еще одна проблема – семантические отношения между частями сказуемого и деепричастием. Встает вопрос о сфере действия деепричастия – распространяется ли она как на модальную часть, так и на диктальную или только на диктальную. Этот вопрос в работах о синтаксической норме не обсуждался.

При определении нормы В.А. Ицкович оказывается более «строгим», чем авторы Грамматики-1952: по его мнению, не противоречат современной литературной норме только деепричастие, связанное с им.п. субъекта, и деепричастие в обобщенно-личных предложениях⁷.

Н.А. Янко-Триницкая рассматривает подобные употребления не в плане нормы, а в связи с их синтаксическим статусом и называет употребление деепричастия в двусубъектной конструкции «самостоятельным предикативным функционированием» по аналогии с дательным самостоятельным. Она считает, что такое употребление деепричастий было возможно еще в XIX веке и доказывает это следующими примерами: Вы согласитесь, что имея право выбирать оружие, жизнь его была в моих руках, а моя почти безопасна (А. Пушкин); Проезжая на возвратном пути в первый раз весною знакомую рощу, у меня голова закружилась и забилось сердце от смутного сладкого ожидания (И. Тургенев); Накурившись, между солдатами завязался разговор (Л.Толстой) [Янко-Триницкая 1982: 127].

О. Йокояма в статье «В защиту запретных деепричастий» (1983) обсуждала конструкцию типа: Слушая его, у меня горели глаза и щеки. Эта конструкция, по мнению исследовательницы, является универсальной с двух точек зрения: 1. Она наблюдается во многих языках (кроме русского, еще в сербском, хорватском, английском, французском, санскрите, японском, в моравских диалектах); 2. «Несмотря на вековое осуждение их нормативными грамматиками, носители языка — от детей и до мастеров словесного творчества — продолжают порождать их».

⁷ Современные вузовские учебники по морфологии расширяют границы этой нормы: автор раздела о деепричастии Ю.П. Князев допускает деепричастный оборот «в некоторых разновидностях пассивных конструкций», а также «в безличных и неопределенно-личных предложениях с подразумеваемым личным носителем признака деепричастия» [Современный... 2007: 535-536]. Никаких грамматических уточнений при этом не дается, но приводятся следующие примеры: Через много лет, читая Хлебникова, я был поражен простотой, с которой он выразил это чувство (В. Каверин); Мать, навестив меня в следующий раз, была огорчена, что я испортил такую интересную книгу (В. Шефнер). Играя черными, ему не удалось победить; Не зная правил, нельзя ездить на машине; В цеху работали, не останавливаясь ни на минуту.

О. Йокояма, опираясь на теорию актуального членения, показала, что субъект действия, состояния в им.п. должен стоять в теме и соотноситься с деепричастным оборотом, чтобы конструкция была нормативной. В рассматриваемых же конструкциях подлежащее в им.п. стоит в реме, а субъект стоит в косвенном падеже, но находится в теме. По мнению Йокоямы, важнее тематичность субъекта, нежели его форма. И именно тематичность субъекта обуславливает появление таких оборотов [Йокояма 1983: 128].

В этом научном контексте и появляется уже упомянутая статья Т.В. Шмелевой, которая обращает внимание лингвистов на случаи оправданного нарушения правила односубъектности.

Последнее масштабное исследование конструкций с деепричастиями было предпринято в книге «Русский язык конца XX столетия (1985–1995)», в которой изучалась не грамматическая норма, а конкретные употребления. В этой работе правило односубъектности было сформулировано с использованием термина кореферентность — «правило кореферентности субъекта подлежащего и субъекта синтаксического оборота». Авторы предложили классификацию случаев ненормативного употребления деепричастий в соответствии с принципом кореферентности. При этом все ненормативные конструкции делились на три неравные группы:

- обширная группа примеров, где имеет место совпадение субъектов деепричастия и глагола;
 - **Узнав** это, у меня буквально ноги подкосились (из разговорной речи, 1991)
- случаи, когда субъекты частично совпадают, а частично нет (при метонимическом обозначении субъекта)

 Думая об этом, ум за разум заходит (из разговорной речи, 1986)
- единичные примеры независимых деепричастных оборотов, когда субъект деепричастия и субъект глагола различны.

Будучи уже вполне зрелым человеком, меня выманил **Михал-ков** играть Обломова (ТВ, О. Табаков в юбилейной телепередаче «Пять вечеров с Олегом Табаковым»)

И только последняя группа примеров с некореферентными оборотами «воспринимается как очень грубое отклонение от нормы» [Русский язык 1996: 287].

3. Если внимательно пересмотреть примеры, рассматриваемые авторами, и иллюстративный материал, приводимый в грамматиках (начиная с М.В. Ломоносова), то можно заметить, что многие контексты связаны с 1-м лицом говорящего. Это прежде всего касается речевых ошибок и «пограничных» примеров: нередко говорящий использует деепричастие как способ предъявить собственную тактику, не называя себя (современный деепричастный оборот не должен содержать ни им., ни косв. падежа субъекта, что соответствует каноническому употреблению форм первого лица). Частотность речевых ошибок, обусловленных принадлежностью к сфере 1-го лица, позволяет предположить, что появление предложений с препозитивными деепричастиями есть одно из следствий действия эгоцентрического грамматического механизма.

Пограничный между нормой и не-нормой материал, связанный с Я говорящего, можно разделить на четыре группы:

1) Предложения с эксплицитным $\mathcal A$ в косвенном падеже при основном предикате:

Вспоминая эти замечательные встречи, <u>мне</u> думается, что они были для меня отличной школой («Челябинский рабочий», цит. по [Ицкович 1982]).

2) Предложения с имплицитным Я:

Глядя на этих велосипедистов, невольно вспоминается известная пословица («Время», С.Ческидов рассказывает о спорте, цит. по [Лаптева 1999]); Просмотрев большую часть передачи, возникает довольно грустная мысль («Добрый вечер, Москва», ведущий, цит. по [Лаптева 1999])

3) Предложения с обобщенным Я наблюдателя и деепричастиями от глаголов движения:

He доезжая банка, будет светофор, там и повернете направо.

Хотя в последней части этого предложения употреблена форма 2-го лица, потенциальным субъектом движения является субъект обобщенно-личный, в том числе и говорящий: «Не доезжая банка, вы (как и любой другой) увидите светофор...».

Этот тип имеет жанровую прикрепленность (путевые записки, путеводители, объявления), он широко представлен и в текстах XVIII–XIX вв., когда норма употребления деепричастий только формировалась:

Проехав наш бывшей окружной городок, открывается довольно пространное поле... (А.Н. Радищев. Описание моего владения (1800–1801)).

В обеих предикативных частях есть субъект модуса – наблюдатель, который мыслится как потенциально-обобщенный, включающий в свой состав Я говорящего.

См. примеры из старых петербургских объявлений:

В приходе Владимирской церкви, **идучи** от дому г. Логинова по разъезжей улице в ямскую по правой стороне, в доме под номером 2039 продаются соболи [1790]; В 3 Адмиралтейской части, **перешед** Никольской мост в большой Коломне, на Стрелке, продаются дворовые люди [1793]⁸.

См. также современный пример из интернет-ресурсов: *Проехав по этой дороге примерно 500 м, будет поворот налево в лес...* = 'проехав..., увидишь поворот'.

4) Предложения с Я при глаголах речи и мысли.

Конструкции последнего типа организуются с помощью глаголов мысли и речи — *излагать*, *полагать*, *учитывать*, *говорить*, *считать*, *знать*, *понимать* и т.п. Они занимают пограничное положение между предлогами (уже сложившимися *судя* по, включая/исключая) и полнозначными деепричастиями:

Где выход из создавшегося положения, учитывая, что руководители обоих государств взяли курс на... («Время», корреспондент, цит. по [Лаптева 1999]); Эта работа заставляет думать дальше, или, переводя на язык ВАКа, имеет теоретическую значимость (на совете, цит. по [Там же]).

Такие примеры не воспринимаются как аномальные, поскольку деепричастия образованы непосредственно от модусных предикатов и не требуют восстановления модусной рамки для адекватного осмысления конструкции. Подобные примеры принадлежат сфере разговорной речи (публицистической или научной), а значит, деепричастия прочитываются непосред-

⁸ Иванов А.А. История Петербурга в старых объявлениях. М, 2008

ственно в связи с Я говорящего и другими субъектами модуса. Причем если это $\mathcal H$ становится обобщенным, а модус не локализован во времени данного речевого акта, то деепричастие сближается с производными предлогами (например, *учитывая*), если субъектом модуса является прежде всего или только сам говорящий, а деепричастие таксисно связано со временем его речи, то деепричастие относят к классу вводных конструкций (последний пример).

4.1. Деепричастия в составе модусной конструкции могут употребляться при речевых глаголах и выражать цель речевого акта (это старые обороты типа отвечая, сказал). Но могут оформлять и сам речевой глагол, в частности, глагол говорить. Принято считать, что вводные обороты с деепричастием говоря появились в середине XIX в., однако мы находим обороты с говоря и в первой половине XVIII в., например, в сатирах А. Кантемира. Правду говоря, просто говоря, по-русски говоря есть в переписке поэтов первой трети XIX в. У А.С. Пушкина в поэме «Граф Нулин» (1825 г.) читаем: В последних числах сентября (Презренной прозой говоря) В деревне скучно: грязь, ненастье, Осенний ветер, мелкой снег, Да вой волков. При этом следует отметить, что обороты с деепричастием говоря, повидимому, употреблялись реже, чем их синонимы с инфинитивом сказать. Так, вводное короче сказать употреблено 8 раз в «Рассказах русского инвалида» И.Н. Скобелева (1838–1844) и 4 раза в «Повести о рождении моем, происхождении и всей моей жизни, писанной мной самим...» (часть 4) И.М. Долгорукова (1788-1822). В этом тексте есть также лучше и вернее сказать. У Пушкина в «Истории Пугачева» найдем «курхайский лов бывает обыкновенно весною и только в море, или, лучше сказать, на взморье».

Материалы Национального корпуса русского языка позволяют увидеть следующую динамику: к концу XIX века преобладающими становятся обороты с деепричастием. А по данным за следующие 60 лет (1890–1950 гг.) соотношение между оборотами с деепричастием и оборотами с инфинитивом значительно изменилось: на 131 употребление оборота короче говоря приходится 19 короче сказать, на 446 иначе говоря только 34 иначе сказать. Только с деепричастием употребляются собственно говоря (652 употр.), вообще говоря (283). Обязательное постпозитивное расположение деепричастия в этих оборотах указывает на то, что деепричастие не является семантически главным словом в этой конструкции, что вполне понятно: кроме оборота с деепричастием и оборота с инфинитивом уже с начала XIX в. употреблялись изолированные наречия (короче, иначе, лучше, точнее, коротко), поскольку в них и заключается основной смысл. Так, в текстах В.Г. Белинского чаще употребляется не короче говоря и не короче сказать, а короче.

В XVIII–XX вв. модусное деепричастие говоря характеризуется очень широкой сочетаемостью – как с точки зрения формы «зависимых» компонентов, так и с точки зрения их семантики.

С модусным деепричастием говоря взаимодействуют качественно-характеризующие наречия в положительной и сравнительной степенях (коротко/короче, прямо/прямее, просто/ проще/простее, откровенно/откровеннее), только в положительной степени (справедливо, грубо, жестко, скромно), наречия на -ски (иронически, аллегорически, метафорически), наречия с приставкой по- (по-русски, по-нынешнему, по-хамски) а также предложно-падежные формы (некоторые из которых в современном русском языке стали наречиями):

 $\pi o + дат. \ \pi.$ (по правде, по совести, по секрету, по сути, по чести);

без + род.п. (без обиняков, без шуток, без преувеличений (ия); без лукавства);

 κ + дат. п. (κ примеру, κ слову);

тв. беспредл. с зависимыми словами (*словами* кого/чьими/ каким, *языком* кого/чьим/каким, *речью* кого/чьей/какой; *слогом* каким);

вин. беспредл. (*правду*); между + тв. п. (*между нами*); о + предл. п. (*говоря о ком-чем*).

Словообразовательно связанные наречия и существительные образуют ряды синтаксических синонимов: справедливо/ по справедливости говоря; всерьез/ серьезно/ на полном серьезе говоря; честно/ по чести говоря; примерно/к примеру говоря; говоря прозой/прозаичнее говоря.

С точки зрения значения можно выделить следующие группы слов, входящих в оборот с говоря: (а) выражающие истинность сообщаемого и откровенность говорящего (честно, реально, прямо, искренне, откровенно, объективно, по правде, по совести, без лукавства); (б) выражающие отношение говорящего или оценку способа общения (мягко, грубо, жестко, строго, почтительно); (в) оценку манеры поведения (скромно, серьезно, без шуток, без фанфаронства); (г) оценки форм речи (краткость и точность: коротко/кратко/короче, точно/точнее, проще, попросту, вернее, яснее, правильнее, определенно, конкретно, вразумительно; неточность: обобщенно, приблизительно, сравнительно, относительно, поверхностно, отвлеченно, образно, аллегорически); (д) указывающие на секретность информации (по секрету говоря, между нами говоря); (е) выбор языка и отсылку к чужому слову (говоря по-русски, говоря словами классика, презренной прозой говоря); (ж) вводящие точку зрения (технически, хронологически, географически говоря); (3) средства ввода добавочной информации (кстати, к слову, в скобках); (и) ввод допущения, предположения (примерно, к примеру); (к) ввод темы (говоря о чем/ком-либо).

Все это многообразие свидетельствует о том, что модусные обороты с *говоря* не относятся к сфере идиоматики (за исключением, пожалуй, сочетания *собственно говоря*), а представляют свободные сочетания, которые образуются по определенным моделям и запас которых до сих пор пополняется.

В качестве дополнительного аргумента можно привести примеры из литературоведческих текстов И. Бродского:

- «...бытие обретает статус реальности главным образом постфактум, отчасти тот факт, что самое движение пера по бумаге есть, говоря хронологически, процесс ретроспективный»; «Стилистические проблемы в данном случае дело второстепенное. Более того: у Пастернака, поэта русского, с Рильке, поэтом немецким, их, говоря чисто технически, возникнуть не могло»; «у Цветаевой, говоря поверхностно, речь идет о прощении грешницы в чем, собственно, и состоит смысл евангельской истории».
- 4.2. Синтаксической особенностью модусных оборотов с деепричастием говоря является их связь с сочинительными

союзами или, то есть, при которых эти обороты конкретизируют союз, лексически выражая его значение: К тому же не был он (по его выражению) и врагом бутылки, то есть (говоря по-русски) любил хлебнуть лишнее (А. Пушкин); ...я западник, я предан Европе; то есть, говоря точнее, я предан образованности, той самой образованности, над которою так мило у нас теперь потешаются (И. Тургенев); Разумеется, вся эта жизнь начинается только к вечеру, потому что днем как высший и средний классы, так и простой народ делают сиесту (siesta), или, говоря проще, сидят от жару дома (В. Боткин).

Так же употребляются и обороты с инфинитивом *сказать*: Косвенной тому причиной был я, **или**, **точнее сказать**, работа, сделанная мною и имевшая первоначально другое предназначение (М. Корф).

Модусные обороты с говоря уточняют и семантику u присоединительного, отличая его от собственно соединительного: Его уволили, u, честию (по совести, откровенно) говоря, за дело. Нередко u присоединительное вводит субъективную оценку ситуации, т.е. вводит собственный взгляд говорящего, в этом случае именно оборот с деепричастием говоря обнаруживает связь с данным субъектом речи.

Метатекстовые обороты с говоря могут взаимодействовать и с сочинительным союзом а: Нырки пером пестры, а говоря точнее, их можно назвать пегими; цвет пежин однообразный и траурный — черный с белым; селезень пестрее и красивее утки (С. Аксаков); Студенты, а иначе говоря — дети, стояли смирно и этим подавали пример (Ю. Тынянов). Но в этом случае не модусный оборот «работает» на союз, а союз а присоединяет метатекстовый фрагмент к предшествующему диктальному.

Литература

Барсов А.А. Русская грамматика Антона Алексеевича Барсова / А.А. Барсов. М., 1981.

Востоков А.Х. Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная / А.Х. Востоков. СПб., 1874.

- Власов А.К. Деепричастный оборот, не отнесенный к подлежащему / А.К. Власов // Русский язык в школе. 1958. № 2. С. 35–38.
- Вяльсова А.П. Категория таксиса и смежные категории / А.П. Вяльсова // Русский язык в научном освещении. 2009. № 18 (2). С. 284–297.
- Грамматика русского языка. Том II. Синтаксис. М., 1954.
- Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
- Греч Н.Я. Практическая русская грамматика, изданная Николаем Гречем / Н.Я. Греч. СПб., 1827.
- Ицкович В.А. Очерки синтаксической нормы / В.А. Ицкович. М., 1982.
- Йокояма О. В защиту запретных деепричастий / О. Йокояма // American Contributions to the Ninth International Congress of Slavists. Vol. 1. Linguistics. Slavica, Columbus, Ohio, 1983.
- Лаптева О.А. Живая русская речь с телеэкрана. Разговорный пласт телевизионной речи в нормативном аспекте / О.А. Лаптева. М., 1999.
- Ломоносов М.В. Русская грамматика / М.В. Ломоносов // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. 7. Труды по филологии. М.-Л., 1952. С. 389–578.
- Русская грамматика. Т. 1, 2. М., 1980.
- Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 1996.
- Современный русский язык. Морфология. СПб., 2007.
- Шмелева Т.В. Деепричастия на службе у модуса / Т.В. Шмелева // Системный анализ значимых единиц русского языка. Синтаксические структуры. Красноярск, 1984. С. 64—70.
- Шмелева Т.В. Модус и средства его выражения в высказывании / Т.В. Шмелева // Идеографические аспекты русской грамматики. М., 1988. С. 168–202.
- Янко-Триницкая Н.А. Русская морфология / Н.А. Янко-Триницкая. М., 1982.

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

ЗАЛОГ И ПОЗИЦИЯ МОДУСНОГО СУБЪЕКТА

Впервые я познакомилась с блестящей лекторской манерой Т.В. Шмелевой на Виноградовских чтениях в МГУ, когда профессор Шмелева читала доклад «Учение В.В. Виноградова о залоге». Выбор темы для юбилейного сборника в честь Т.В. Шмелевой предопределен для меня тем памятным выступлением, в котором соединились жесткая логика, остроумное изложение, живой, непосредственный диалог с аудиторией и бесконечное женское обаяние. В докладе Т.В. Шмелева представила историю разработки залога в русистике с 40-50-х гг. до наших дней и предложила собственную классификацию залоговых транспозиций – «расположений», учитывающих типологию пропозиций. Т.В. Шмелева говорила о «парадигматизации сознания» современных лингвистов, доказывала необходимость учета семантических особенностей и текстообразующих возможностей залога.

В этой статье и пойдет речь о взаимодействии «расположений», лексической семантики и текстовых условий в прочтении значения возвратных глаголов.

С точки зрения предъявления актантов (субъектов диктума) – сворачивания объекта и субъекта в возвратном постфиксе – возвратные глаголы делятся на организованные по субъекту и по объекту действия.

К первым относятся собственно-, косвенно-, взаимно-возвратное значения, значение непроизвольного действия, активно-безобъектное значение, а также «пассивного обнаружения признака» – в них предицируется субъект исходного действия; ко вторым – качественно-, страдательно-возвратное значения – здесь предицируется объект исходного действия. Ср. с классификацией рефлексивных глаголов у В.П. Недялкова, где на 2-м уровне классификации учитывается совпадение/ несовпадение

субъекта рефлексивной конструкции и субъекта соотносительной с ним нерефлексивной конструкции [Недялков 1978: 30]. Ср. также: неэргативные и неаккузативные возвратные глаголы в работе В.И. Гавриловой: «...неэргативные глаголы ... следует определить как глаголы, единственному обязательному аргументу которых присуща роль агенса; а неаккузативные глаголы... следует определить как глаголы, единственному обязательному аргументу которых присуща роль пациенса» [Гаврилова 2006: 87].

Если В.П. Недялкова и В.И. Гаврилову интересует возвратность с точки зрения структурной, т.е. варианты соотнесенности поверхностного субъекта с глубинным субъектом и объектом действия, то в данной работе осуществляется не только соотнесение актантной модели возвратного и переходного глагола и вариантов ее поверхностного воплощения, но и устанавливается позиция субъекта модуса по отношению к действию, его объекту и субъекту — признак, который в конечном счете и отвечает за значение возвратного глагола (он прочитывается в глагольной синтаксеме изолированно или в синтаксической конструкции).

Интерпретация валентностей возвратного глагола при помощи такого инструмента коммуникативной грамматики, как субъектная перспектива, позволяет, с одной стороны, увидеть отношения между диктальными субъектами (субъектами бытия, реализованными в глагольной лексеме как субъект и объект); с другой стороны – обнаружить усложнение модусной организации высказывания и текста (в других терминах, смысловое изменение предложения по синтаксической категории лица).

Грамматическая работа возвратности — это не просто перестановка актантов (мальчик читает книгу — книга читается мальчиком) или уменьшение количества актантов (собака кусается, диван раскладывается), это такая структурно-семантическая перестройка, в результате которой устанавливаются отношения между субъектом действия и субъектом речи либо между объектом действия и субъектом речи.

Для описания актантного набора возвратных глаголов на фоне переходного в научной литературе используются разнообразные формулировки: нулевая диатеза, закрытие валентности, «освобождение «мест» [Тестелец 2001], перестановка, или

расположение (Т.В. Шмелева – Доклад на Виноградовских чтениях в МГУ 2006 г.). «Закрытие» одного из диктальных «мест» в предложении может иметь чисто диктальный характер (*Мальчик умывается*), а может обнаруживать субъекта модуса (*Ключ нашелся*), ср. также понятие «за кадром» [Падучева 2004: 67 и др.], используемое для интерпретации субъектной роли, не выраженной в предложении.

Для объяснения работы возвратности в данной статье используется понятие «энергии действия». Ср. использование лингвистами аналогичных категорий для интерпретации источника действия: «потенция, сила делать что-то» [Чейф 1975: 128], сема «сила» [Степанов 1981: 303], «энергия» [Болдырев 2000]. В плане грамматической семантики возвратность можно интерпретировать как перенаправление, по сравнению с мотивирующим глаголом, потока энергии — по отношению к субъекту действия либо по отношению к субъекту модуса (тогда отношения между субъектом действия и действием остаются неизменными по сравнению с переходным глаголом, меняется позиция модусного субъекта по отношению к «энергетическому потоку» и/или по отношению к субъекту или объекту действия).

В возвратных глаголах, соотносительных с переходными, постфиксальная «заслонка» перенаправляет энергию действия, т.е. течение энергии разворачивается в «обратную сторону», в сторону субъекта действия. В случае переходных глаголов это более или менее очевидно: мальчик умывается — возвращение энергии к субъекту действия, коровы бодаются — замыкание энергии между двумя субъектными сферами — агенса и контрагента и т.д.

В случае переходных глаголов «перенаправление энергии» может разрешаться в пределах диктума, т.е. претендентом на роль инициатора перенаправления энергетического потока является субъект действия. Это традиционные типы собственно-возвратный, взаимно-возвратный, а также косвенно-возвратный (мальчик умывается, сосед строится, мальчики дерутся на перемене). Это самые нейтральные типы возвратности; тот факт, что действие может протекать в конкретный момент времени и субъектом его может быть и субъект модуса, отражается в полноте парадигмы таких возвратных глаголов – по времени и по лицу. Кроме того, именно эти типы

возвратности более всего соответствуют традиционным определениям залога (отношение действия к субъекту, отношение действия к субъекту и объекту действия). Ср. с классификацией залогов для русского глагола в [Падучева 1974], где к производным залогам относится возвратный (который представлен в вариантах собственно-, косвенно- и взаимно-возвратности), а также в [Мельчук 1997], где собственно-возвратность обсуждается в связи с залогом.

Однако возможен случай, когда диктального перенаправления энергии не происходит, **меняется позиция говорящего** по отношению к действию (к «энергии» действия), его объекту или субъекту.

Такую работу залога можно сравнить с работой категории вида, которая соотносит время действия (диктум) и время речи (модус), тем самым «субъективируя» время действия. Несовершенный вид указывает на то, что взгляд говорящего направлен параллельно линии времени, а совершенный — взгляд говорящего пересекает прямую времени: время — — ; время ______, см. в [Золотова 2002; Золотова и др. 2002]. Залог позволяет говорящему перемещаться по отношению к «энергии действия», смотреть по направлению или против потока; тем самым, как и в категории вида, при интерпретации залога можно использовать метафору «взгляда».

Если категория вида взаимодействует с категорией времени, то категория залога взаимодействует с категорией акциональности, действия (ср. «энергия»). Соответственно вид имеет дело с «пределами» (внешними границами) действия, а залог – с его источником (причиной действующей – одной из четырех причин по Аристотелю).

Взаимодействие категории залога с категорией действия («энергией действия») может приводить к ослаблению значения действия. Так, по мнению Г.А. Золотовой, активное и страдательное значения предложений при событийном тождестве имеют разное типовое значение — действия Кассир выдает деньги и качества Деньги выдаются кассиром, Золотова в [Золотова и др. 1998; 2004]. Ср. также у А.А. Потебни: «...под страдательностью предикативного оборота можно разуметь лишь то, что его субъекту приписана посредством сказуемого степень

энергии меньшая, чем в обороте действительном. Этого рода страдательность представляется возвратностью действия:

Не плач, мамко, не журися:

Не дуже я порубався:

Лем ручечки на стучечки,

Головицю на четверо

(Головацкий, III, 8)» [Потебня 1941: 206].

Уменьшение количества реализованных на поверхностном уровне актантов, упрощение диктальной части высказывания, усложняет его модусную составляющую, т.е. происходит своеобразное «перетекание смысла» в модус. Это «перетекание» обусловлено тем, что исходную денотативную ситуацию проинтерпретировало человеческое сознание — языковое или индивидуальное, оставив свой след в структуре и смысле предложения⁹, см. также [Болдырев 2000]. Тем самым предикаты — возвратные глаголы приобретают статус модифицированного предиката, предложения с ними следует рассматривать на фоне исходных предложений с невозвратным предикатом как структурно-семантические модификации (трансформации, синтаксические деривации).

Возвратность сигнализирует, что Я говорящего обнаружило себя, уточняя отношения не только в триаде субъект – действие – объект, но и помещая себя в эти отношения. Субъектная перспектива усложняется за счет совпадения диктальной субъектной сферы (субъекта или объекта действия) и модусной – субъектной сферы говорящего. К модусно-обусловленным принадлежат значения страдательное, качественно-характеризующее (Ящик не выдвигается), активно-безобъектное (Собака кусается). Показательно толкование, которое дает А.М. Пешковский, чтобы отграничить активно-безобъектное значение глагола драться от взаимного (в нашей классификации первое – модусно-обусловленное, второе – диктальное): в толковании автор использует категорию Я. Пешковский пишет: «...дерется (не во взаимном смысле, а в том, в каком это слово употребляет ребенок, жалующийся на

⁹ Ср. с неопределенно-личными предложениями, для которых доказана эксклюзивность говорящего и модифицированный характер предложения (Т.В. Булыгина, Г.А. Золотова, КГ).

своего сверстника: *он дерется*, т.е. «он бьет меня»)» [Пешковский 2001: 131].

В результате возвратной модификации предиката взаимодействуют либо (1) диктальные субъектные сферы – обычно совпадение субъекта и объекта действия в одном лице, либо (2) сферы диктума и модуса – субъекта сознания (речи) с субъектом / объектом действия; тогда возвратность – это сигнал усиления значимости модуса.

Обнаруживается связь между типом предицируемого субъекта и модусом: предложения с предицируемым субъектом действия могут быть как модусно-маркированными, так и немаркированными, предицируемый объект действия всегда маркирует говорящего.

- (1) Немаркированные модусно собственно-, взаимно-возвратные, частично средне- и косвенно-возвратные;
- (2) Маркированные модусно все типы, предицирующие объект действия; активно-безобъектные, частично средне- и косвенно-возвратные, непроизвольное действие, пассивное обнаружение признака¹⁰.

Разграничение в грамматиках потенциально-качественного значения и страдательного проводится довольно последовательно (начало этому положено было в Грамматике А.Х. Востокова, далее находим у В.В. Виноградова, в АГ-52-60, АГ-70, АГ-80), при этом в АГ-70 и АГ-80 — в рамках действительного залога.

С другой стороны, есть и тенденция объединять эти значения в одном структурном типе — в пассиве [Исаченко 2003], ср.: «Пассив часто выражает некоторые модальные значения, чаще всего — потенциалис (= значение возможности): ...Бумага легко режется» [Тестелец 2001: 421; Теория... 1991], ср. также: «Потенциально-качественное значение русских парных

В.П. Недялков выделяет модально-деагентивные рефлексивные глаголы со «смысловыми характеристиками типа «поддаваться действию...», «иметь расположенность или желание выполнить действие... », «спонтанно, как бы помимо воли, выполнить действие... » и т.п. Во всех разновидностях модальные РГ (рефлексивные глаголы) обычно характеризуются более или менее сильными лексическими или структурными... ограничениями. В немодальной группе ограничений значительно меньше» [Недялков 1978: 31].

возвратных неаккузативных глаголов следует рассматривать в качестве одного из возможных значений форм несовершенного вида страдательного залога» [Гаврилова 2006: 93–94]. Независимо от того, как конкретный исследователь классифицирует объекто-предицирующие возвратные глаголы, в образовании потенциально-качественного значения заложен определенный грамматический механизм, на который я и хочу обратить внимание. С учетом модусной составляющей (инклюзивности субъекта речи) потенциально-качественное значение можно рассматривать как производное от страдательного значения — за счет подстройки значений категорий времени и лица под текстовые условия, т.е. как результат осмысления за счет неактуального времени и обобщенности лица.

Качественное значение создается особыми значениями синтаксического времени и лица: обобщенно-временное, осложненное модальностью потенциальности, значение времени и инклюзивность субъекта речи (Я входит в состав субъектов действия). Ср.: предложение Твои сапоги хорошо носятся может получить осмысление только через личный опыт самого говорящего (который сам надевал, носил эти сапоги)¹¹. Обобщенность потенциального субъекта действия отменяет значение действия, создавая качественную семантику предиката: возвратный предикат скорее характеризует свойство предицируемого субъекта в им. п., отвлекаясь от семантического субъекта, предполагаемого лексической семантикой переходного глагола.

Страдательность (как отсутствие вневременного значения предиката и обобщенно-личного значения лица) появляется там, где обнаруживается более конкретное временное значение (узуальное или актуальное) и эксклюзивность субъекта речи. Конкретизированное значение времени появляется там, где от субъектной сферы объекта действия отпадает $\mathcal A$ говорящего. Эксклюзивность отключает механизм обобщенности времени, что разрушает и качественность предиката. Тем самым страдательный предикат приобретает бОльшую акциональность (чем качественно-потенциальный), будучи интерпретирован через действие суженного, более конкретного (чем все люди, и $\mathcal A$ в

¹¹ Этот оригинальный тест предложила О.С. Биккулова.

том числе) личного субъекта. Тем самым контекст предопределяет прочтение возвратного глагола – собственно-страдательное (с конкретизированным значением времени) либо качественно-характеризующее (всевременное значение).

В возвратно-качественных предложениях с подлежащим — объектом действия исходного предложения (диван раскладывается = диван можно разложить) субъект действия не может быть выражен синтаксемой тв. п.: это разрушило бы потенциальность модальности и обобщенно-личность, изменило бы типовое значение предложения, ср.: диван раскладывается продавцом-консультантом — страдательность (узуальное время). Подобным же образом перевод в конкретно-временные условия разрушает инклюзивность субъекта речи за счет связанности с действием конкретного субъекта — Я говорящего или другого субъекта, и значение предиката меняется, ср.: я нажимаю на кнопку — и диван раскладывается; По вечерам диван раскладывается и застилается, зажигается свет, включается телевизор...

Авторы [Теория... 1991: 175-176] относят следующие примеры (1-2) к одной группе – качественно-характеризующего значения, однако признают, что в них реализовано разное синтаксическое значение модальности: (1) Велосипед раскладывается – (2) Знак лауреата носится на левой стороне груди. В (1) обнаруживается потенциальное значение, в (2) долженствовательное, однако объяснения этому факту авторы ТФГ не дают. С точки зрения объяснительной грамматики представляется возможным интерпретировать эту разницу в модальности за счет инклюзивности/ эксклюзивности субъекта речи. В (1) – потенциально-качественное значение, инклюзивное \mathcal{A} (субъект речи входит в состав субъектов действия); в (2) – эксклюзивное $\widehat{\mathcal{H}}$ (субъект речи, очевидно, властная инстанция, предписывает правило ношения знака, но не входит в состав субъектов – исполнителей); тем самым, в примере (2) реализовано страдательное, а не качественное значение. Еще один аргумент в пользу страдательного значения в (2) - возможность восстановить синтаксему тв. субъектного, организованную нереферентным именем (Знак лауреата носится лауреатом на левой стороне груди), при невозможности такой подстановки в (1).

Производный, модификационный характер значения времени и лица в возвратно-качественных предикатах и отсутствие парадигмы по времени и лицу позволяет признать их не отдельными лексемами, а формой, соотносимой с переходным глаголом. Возвратная форма (дотекстовая единица), имея собственную функциональность в предложении (быть предикатом), обретает прочтение (значение) – например, качественное/потенциальное (при известных грамматических условиях – инклюзивности субъекта речи). Таков синтаксический подход.

При движении «от лексемы» предлагаются интерпретации, множащие количество глагольных лексем (форм). E.B. Падучева, характеризуя возвратно-качественное значение, приписывает квантификацию (обобщенность по линии лица) лексеме (словоформе), в то же время обнаруживая причину квантификации в потенциальной модальности, ср.: «Участник не может быть выражен в предложении, если соответствующая ему переменная квантифицируется уже в толковании – слова или словоформы; например: Хозяйки не чувствуется; Финансовая катастрофа не просматривается; Плохие новости лучше продаются. Квантификация часто порождается модальностью. Так, X не чувствуется = `никто не может почувствовать X`» [Падучева 2004: 428]. Представляется, что отношения между квантификацией (имя класса, обобщенно-личность) и (потенциальной) модальностью обратные: квантификация порождает потенциальность, но не наоборот: различные типы модальности могут мыслиться применительно к частному субъекту, но обобщенноличный (квантифицированный) субъект всегда накладывает «модальную тень» (потенциальности, долженствовательности) на свой предикат.

Интересно, что аналогичная логика применялась и при составлении классических толковых словарей. Так, рассмотрим статьи *гнуться* и *говориться* из MAC.

ГНУТЬСЯ 1. (сов. согнуться). Принимать дугообразную, изогнутую форму; становиться изогнутым. Мачта гнется и скрипит.

- 2. Обладать гибкостью, иметь способность сгибаться. Проволока гнется.
 - 3. Страд. к гнуть.

ГОВОРИТЬСЯ 1. Произноситься. У древних стихи не читались, а говорились || безл. Излагаться, рассказываться. Ты читаешь книги, там говорится, как живут другие женщины.

- 2. безл. О наличии желания, настроения говорить. *Так, брат, не говорится что-то*.
 - 3. Страд. к говорить.

При толковании глагола физического действия семантика средне-возвратная (гнуться 1) и качественно-потенциальная (гнуться 2) возводится на уровень отдельных лексических значений (в терминах текстового коммуникативно-функционального анализа гнуться 1 и гнуться 2 противопоставлены по синтаксической категории времени, явленной в коммуникативном регистре: 1 — репродуктивный, 2 — информативный, но не по лексическому значению); при толковании речевого глагола от страдательного значения в качестве отдельного лексического отделяются употребления с квантифицированным (имя класса) субъектом (говориться 1). Тем самым, лексемоцентричный подход стремится приписать свойства синтаксического контекста лексеме, извлеченной из этого контекста.

Качественно-потенциальное значение возвратности известно со времен А.Х. Востокова и Ф.И. Буслаева, именно тогда оно было впервые зафиксировано и с тех пор обычно отражается в грамматиках. Корневая семантика глагола, предицирующего объект действия (характеризующе-качественное значение по АГ-80), никогда не обсуждалась, а разряд иллюстрировался примерами глаголов, которые можно объединить под значениями деструкции либо перемещения, ср.: нитки рвутся, стекло не гнется, ящик не выдвигается. И те и другие глаголы – и деструкции, и перемещения – являются глаголами короткого действия, что позволяет соотносить предикат с предметным субъектом, предикат в самом деле характеризует в максимальной степени объект действия, в минимальной - субъекта действия, выступающего как звено между предметным субъектом бытия и его качеством. Предицируемыми субъектами же в этом подтипе чаще всего становятся вещества и предметы физического мира – обладающие способностью к разрушению или перемещению с помощью человеческой силы. Ср.: Я вижу перед собой тарелку с остывшим супом. Щи на мясном бульоне. Бабушка всегда варила на мясном

бульоне. Причем, на костях, — то есть, она подолгу — часа по два — вываривала кости. Иногда кости были мозговыми, и можно было выковыривать из них мозг, посыпать солью и есть. Считалось вкусно. Если мозг не выковыривался, то стучали костью по ложке до тех пор, пока он не вываливался из отверстия (литературные мемуары, интернет-ресурсы); — У тебя есть шапка? — У меня кепка. В ней уши закрываются (разговорная речь).

Наблюдения над современной разговорной речью показывают, что механизм инклюзивности субъекта речи затрагивает и глаголы с семантикой, требующей от личного субъекта длительного (протяженного во времени, в отличие от центральных для этого значения деструктивных или переместительных глаголов), целенаправленного расхода/ применения энергии, - интеллектуальной деятельности, движения и т.д. Такие глаголы в возвратной форме предикативно сопрягаются с объектами, которые (1) существуют до деятельности личного субъекта (готовыми), на освоение которых и направлено действие личного субъекта, (2) соединяют в себе как физический аспект (бытие в мире), так и интеллектуальную сущность (являются носителями информации); (3) иногда большую протяженность в пространстве. Такие свойства объектов и обусловливают большую затрату времени и энергии со стороны личного субъекта, ср.: Ну, Прага... Очень быстро все обходится (разговорная речь); Датские сценаристы — Ким Фупс Окесон и Андерс Томас Йенсен – очень способные, они быстро пишут, их сценарии безумно хорошо читаются, у них четкая композиция. Но они разрушительны для фильмов (из интервью с Ларсом фон Триером); (журналист о недобросовестных коллегах) Не надо говорить неправду: это все проверяется (я и каждый может проверить); Вышла полная стенограмма встречи с главой православной церкви. Там все это читается (я и каждый может прочитать) («Эхо Москвы»).

Качественное значение предиката, таким образом, принадлежа неформальным жанрам речи, не связано жестко с корневой семантикой глагола: и обрабатывающие, и добывающие, и перемещающие, и деструктивные глаголы могут формировать предикаты качества, часто с отрицанием: рыба не чистится, статья не пишется, диван не двигается (не могу подвинуть), посуда не бъется.

Во взаимодействии личного субъекта с объектом и оценивается качество объекта, а опыт индивидного личного субъекта распространяется на весь класс личных субъектов действия: возвратные предикаты в приведенных примерах характеризуются инклюзивностью субъекта речи и модальностью потенциальности. Однако присутствие личного субъекта — за счет целенаправленности, осмысленности и временной протяженности действия — ощущается в таких глаголах в большей степени, чем в традиционных конкретно-физических, осуществляющихся в коротком временном интервале — деструктивных и переместительных, особенно в тех случаях, когда они не сопровождаются отрицанием (см. примеры из речи журналистов «Эха Москвы» выше).

Оценочность этих предикатов направлена на две сферы — на объект и на субъект, при этом приоритет принадлежит оценке усилий субъекта потенциального действия. Это выражается и в взаимодействии таких предикатов с наречными квалификаторами. Если в норме предикаты качества могут соединяться с квалификаторами оценки (хорошо/плохо) и т.д., то предикаты целенаправленной семантики лучше сочетаются с теми квалификаторами, которые ближе к личному субъекту: характеристиками по времени (быстро/медленно) и затрачиваемому усилию (легко/трудно), но не с оценочными, которые направлены на характеристику объекта действия, ср.:

Ящик легко выдвигается. — Данные легко проверяются. Ящик хорошо выдвигается. — ?Данные хорошо проверяются.

Предикаты с конкретно-физической корневой семантикой «короткого времени» принимают качественное значение и в утвердительной форме, и без квалификатора действия, т.е. самой глагольной семантики, соотносящейся с объектом действия и отодвигающей обобщенно-личного субъекта действия на задний план, достаточно. Такие предикаты передают «объективные», верные для всего класса пользователей качества вещей (обычно способность к разрушению), в случае артефактов могут указывать на их предназначенность, ср.: *диван раскладывается*.

Другие же глаголы – созидательной, интеллектуальной деятельности, большой временной протяженности – требуют отрицания или наречного квалификатора для выражения каче-

ственного значения; эти квалификаторы обнаруживают субъекта потенциального действия, ср.: ?Книга читается (скорее прочитывается процессуально) — Книга не читается — Книга легко читается — Книга хорошо читается.

Предложенный здесь обзор русских возвратных глаголов с точки зрения маркированности/немаркированности значения модусом можно рассматривать в качестве продолжения того подхода, который был начат Н.Д. Арутюновой, противопоставившей в статье «о двух почему» вопросы, обращенные к каузирующему событию (Почему снег растаял?) и каузирующему мнению (Почему слон млекопитающее?) [Арутюнова 1970]. Этот подход был развит Н.К. Онипенко, которая противопоставила собственнопричинные и собственно-целевые предложения как базирующиеся на временных отношениях между двумя событиями, которые «согласуются» в рамках диктума (Деревья колышутся, потому что дует ветер), и несобственно-причинные и несобственноцелевые, которые можно интерпретировать лишь при обращении к модусу (Дует ветер, потому что деревья колышутся).

Интерпретация категории залога посредством модуса возвращает нас к ставшей уже классической статье Т.В. Шмелевой «Деепричастия на службе у модуса»: если формы деепричастия отпали от глагола, «поступив на службу к говорящему» и помогая ему осуществлять специальные речевые тактики, то в сфере возвратных глаголов мы видим, как позиция субъекта модуса (субъекта речи) способствовала специализации страдательного и потенциально-качественного значений, при этом исследователями сначала зафиксированы факты (описаны «неправильные» деепричастия, выделены семантические разряды возвратных глаголов) и только на новом этапе развития лингвистического знания предложено их объяснение.

Литература

Арутюнова Н.Д. Некоторые типы диалогических реакций и «почему»-реплики в русском языке / Н.Д. Арутюнова // Филологические науки. М., 1970. № 3. С. 44-58.

- Болдырев Н.Н. Отражение пространства деятеля и пространства наблюдателя в высказывании / Н.Н. Болдырев // Логический анализ языка. Языки пространств. М, 2000. С. 212-216.
- Гаврилова В.И. Характеризующе-качественное значение глагола в русском и английском языках / В.И. Гаврилов // Семантический анализ единиц языка и речи: процессы концептуализации и структура значения: Вторые чтения памяти О.Н. Селиверстовой. М., 2006. С. 86-109.
- Золотова Г.А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю.Сидорова, М., 1998.
- Золотова Г.А. Категории времени и вида с точки зрения текста / Г.А. Золотова // Вопросы языкознания. 2002. N 3. C. 8-29.
- Золотова Г.А. Русский язык: от системы к тексту / Г.А. Золотова, Г.П. Дручинина, Н.К. Онипенко. М., 2002.
- Золотова Г.А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю.Сидорова. М., 2004.
- Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким: Морфология / А.В. Исаченко. М., 2003.
- Мельчук И.А. Курс общей морфологии / И.А. Мельчук. Т. 2. М.; Вена, 1997.
- Недялков В.П. Заметки по типологии рефлексивных деагентивных конструкций (опыт исчисления) / В.П. Недялков // Проблемы теории грамматического залога. Л., 1978. С. 28-37.
- Падучева Е.В. Диатеза как метонимический сдвиг / Е.В. Падучева // 40 лет Санкт-Петербургской типологической школе. М., 2004. С. 424-444.
- Падучева Е.В. О семантике синтаксиса: материал к трансформационной грамматике русского языка / Е.В. Падучева. М.,1974.
- Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский. М., 2001.
- Потебня А.А. Из записок по русской грамматике / А.А. Потебня. Т.4. М.; Л., 1941.
- Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения / Ю.С. Степанов. М., 1981.
- Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис / Я.Г. Тестелец. М., 2001.
- Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб., 1991.
- Чейф У.Л. Значение и структура языка / У.Л. Чейф. М., 1975.
- Шмелева Т.В. Деепричастия на службе у модуса / Т.В. Шмелева // Системный анализ значимых единиц языка. Синтаксические структуры. Красноярск, 1984. С. 64-70.

Владимир Иванович Аннушкин

Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина

ПРЕДМЕТ ФИЛОЛОГИИ КАК НАУКИ: КРИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР КОНЦЕПЦИЙ

Предмет филологии как науки не определен с достаточной ясностью, хотя этого требуют интересы как фундаментальной науки, так и педагогической практики. Очевидно, что сведение предмета филологии к «союзу языкознания и литературоведения», как это делается в системе дисциплин, преподаваемых на филологическом факультете, только запутывает дело, ибо каждая из этих дисциплин имеет свой достаточно ограниченный объект изучения, сама же филология не может быть размыта среди «совокупности» других дисциплин, куда нередко включают и текстологию, и стилистику, и риторику, и поэтику, и палеографию, и семиотику.

Термин филология осмысляется прежде всего этимологически – как «любовь к слову» (кажется, этим вступлением начинаются все первосентябрьские лекции для первокурсниковфилологов), но вот уже ответ на вопрос «к какому «слову?» ставит современного языковеда в тупик, поскольку речь, конечно, идет вовсе не об отдельном «понятии» или «лексической единице». Очевидно, что при всех изначальных прикладных функциях филологии как науки о комментировании текста она толковалась как учение о Слове в сакральном смысле, т.е. слове как божественном даре, способности говорить и писать, вступать в общение с себе подобными и творить мир «словом». Слово должно быть воспринято здесь логосически – как разум, космос, некий абсолют, инструмент творения жизни, орудие организации всей общественно-производственной деятельности, образования и воспитания человека.

Точно так же сущность науки отпечатлена в термине *язы*кознание – это учение о языке, его устройстве, системе знаков, выражающих определенные смыслы, языке как средстве общения. Здесь придется остановиться и задуматься: наше языкознание мало занималось проблемами общения и реальной речи, изучением жизни текста (отчего и потребовались такие дисциплины, как лингвистика текста, прагматика, изучающая «функционирование языка в речи»). *Литературоведение* же занималось и продолжает заниматься преимущественно художественной речью (литературой), отчего другие виды речи или литературы (научная литература, публицистика, ораторская, философская проза) явно проигрывают во внимании и степени изученности.

Очевидна историческая последовательность в появлении наук: филология возникла в древности, языкознание — наука относительно нового времени. Если объяснять развитие наук в связи с техническим прогрессом в создании текстов, то филология — наука, появление которой обосновано созданием письма или письменной речи (текстов), а языкознание — наука, создание которой инициировано возможностями печатной речи, прогрессом в языковых контактах различных народов, необходимостью исследовать множество языков и их устройство.

Философия слова, или (если можно так выразиться) философия филологии, предполагала понимание человеческого слова как божественного дара, инструмента организации и творения мира, общества, вселенной – и это отношение к слову вполне сохранено в духовной литературе и этике речи. Отдельная тема – эволюция русской философии слова, которая имеет истоки в творчестве М.В. Ломоносова, писавшего: «Кто отчасу далее в нем углубляется, употребляя предводителем общее философское понятие о человеческом слове, тот увидит безмерно широкое поле или, лучше сказать, едва пределы имеющее море» [Ломоносов 1952: 392].

Именно в России родился на рубеже XVIII–XIX веков термин *словесность*, который стал, безусловно, аналогом филологии, а *словесные науки* — аналогом филологических наук в до-«языковедческий» период истории русской филолого-языковедческой науки. Поскольку история русского языкознания в ее наиболее авторитетных учебниках слабо касается именно «словесных наук» вследствие наложения схемы современного научного языкознания на классическую схему рус-

ских филологических («словесных») наук, требуется выяснить последовательное развитие как *словесных* = филологических = языковедческих наук в России, так и коснуться истории и современного понимания самих терминов *слово* – речь – язык.

Изучение эволюции терминов слово-речь-язык, связанных с соответствующими науками, позволило прийти к следующим наблюдениям.

- 2. В письменных текстах закономерным является переход «инициативы» к концепту *слово*, который становится наиболее частотным вследствие приобретения им сакрального смысла. В европейской духовной культуре Слово-Логос есть Бог, который наделяет человека даром разума и слова; в китайской культуре истинный путь = правило (дао) выражается в словесной природе человека, которая обозначена термином *вэнь*. Как *слово* хранитель культуры и образования, так и *вэнь* в китайской традиции значит «культура, образование, просвещение, литература» (см. об этом: [Алексеев 1978: 49–66; Аннушкин, Ван Ци 2009: 69–75]. Процесс творения мира некоей духовной силой, выражаемой словом, связывается Ю.В. Рождественским с «логосической теорией происхождения языка» в разных письменных цивилизациях мира [Рождественский 1990: 9].
- 3. Слово *язык* приобретает значение народного «наречия», национального языка только в письменной культуре и науке XVIII–XIX веков. Основным термином этого периода является *слово*, науки называются «словесными», а основной

филологической наукой с начала XIX века является *словесность*, включающая в себя, например, в «чтениях» основного университетского курса 30-х годов XIX века три науки: 1) теорию языка, 2) теорию речи, 3) теорию слога [Давыдов 1837; см. публикацию: Аннушкин 2002: 338–354]. С рассуждения о слове как божественном даре начинаются все учебники грамматики, риторики и словесности того времени, включая «Грамматику» М.В. Ломоносова, где автор затрагивает «философское понятие о человеческом слове», риторики Н.Ф. Кошанского, В.В. Плаксина.

- 4. В русской классической филологической теории, сложившейся на базе учебников словесности первой половины XIX века, термин *язык* понимается в основном как орудие создания «изустной речи» (кроме, конечно, значения народного «наречия», национального языка). Термин *слово* является основным, и хотя риторика была критикована в середине XIX века, ученые призывали к созданию общей Науки о *Слове* (К.П.Зеленецкий). Сами же науки о Слове составляли: *лексикология* (ее предмет «речения», т.е. слова-понятия); *грамматика* (изучает предложения); *синтаксис* (изучает периоды); *риторика* (изучает речь в полном составе).
- 5. Современное научное объяснение данных терминов показывает, какую значительную эволюцию они претерпели в дальнейшем. Термин язык понимается теперь как система знаковых единиц, выражающая совокупность понятий и мыслей и предназначенная для коммуникации. Речь – конкретная реализация языка, облекаемая в устную или письменную форму, а слово – основная структурно-семантическая единица языка, служащая для наименования предметов и их свойств. В то же время современные употребления данных концептов сохраняют все прежние классические значения, например, все три концепта служат для обозначения орудия общения в фольклорных, художественных текстах и публицистических текстах. Так, концепт слово продолжает употребляться в возвышенном значении в различных современных текстах - ср.: «владеть словом», «памятник русскому Слову» и т.д. Обратим внимание и на то, что при современных потребностях развития различных теорий общения потребовалось выделение «речеведческих»

наук – и действительно, если были *«словесные»* науки, если существуют *языковедческие* дисциплины, то почему бы не быть *речеведческим*?

Парадоксальность ситуации в современном филологическом образовании состоит в том, что на филологических факультетах не читается курс филологии. Между тем ясный, исторически обоснованный и научно аргументированный взгляд на предмет филологии представлен в книге Ю.В. Рождественского «Введение в общую филологию», где сказано: «Филологическое знание состоит в проникновении не только в содержание того или иного текста, но и в его истолкование» [Рождественский 1990: 9]. Ступени в истолковании текста позволяют последовательно выстроить понимание предметов частной и общей филологий: в частной филологии анализируется конкретный текст (его возникновение, авторство, вхождение в данную область культуры), в общей филологии – «общие исторические закономерности понимания и истолкования текстов на фоне развития культуры, прогресса в знаниях и речевом общении, технического прогресса в создании текстов» [Рождественский 1990: 91.

Характерно, что многие современные ученые так или иначе избегают точного определения предмета филологии. В начале своего эссеистического письма о филологии Д.С. Лихачев пишет, что не ставит «задачу рассмотреть, что такое филология. Это нельзя сделать ни простым определением, ни коротким описанием». Тем не менее, его взгляд вполне определенен: филологии отводится «связующая, а поэтому особенно важная роль. Она связывает историческое источниковедение с языкознанием и литературоведением. Она придает широкий аспект изучению истории текста. Она соединяет литературоведение и языкознание в области изучения стиля произведения – наиболее сложной области литературоведения»» [Лихачев 1988: 228]. И хотя, по мысли Д.С. Лихачева, «филология – высшая форма гуманитарного знания, соединительная для всех гуманитарных наук», хотя она «опирается на любовь к словесной культуре всех языков, на полную терпимость, уважение и интерес ко всем словесным культурам», более точного определения предмета филологии в тексте Д.С. Лихачева не обнаруживается.

Однако словарная и педагогическая практика требует дать такие определения – и они находятся. Безусловно, одно из наиболее авторитетных принадлежит С.С. Аверинцеву. Вот оно: «Филология – содружество гуманитарных дисциплин, изучающих историю и выясняющих сущность духовной культуры человечества через языковый (так! – В.А.) и стилистический анализ письменных текстов» [Аверинцев 2006: 452]. Обратим внимание на следующие положения:

- 1) С.С. Аверинцев начинает с определения филологии как «содружества гуманитарных дисциплин», но не без основания не называет их, хотя для всех очевидно, что филология пользуется методами (или же пользуются ее методами) других дисциплин. Очевидна антиномия, существующая на сегодняшний день: филология и «содружество», и цельная дисциплина, изучающая историю и культуру человечества через текст (текст «исходная реальность» филологии, и с последним никто спорить не будет).
- 2) С.С. Аверинцев фиксирует внимание на письменных текстах. И действительно, филология могла появиться только в период создания письменной речи, но общая филология, по мысли Ю.В. Рождественского, берет для анализа все роды и виды словесности, т.е. необходимо исследовать формы существования и устной речи (это начальная форма речевого существования человечества, представленная сегодня во множестве вариантов устно-письменной ораторской речи, электронной речи и проч.), и письменной (это предмет классической филологии), и печатной (текстология классиков художественной литературы отличается от текстологии письменной словесности Древней Руси), и СМИ (филология СМИ делает первые шаги, что особенно заметно в том, как несовершенны описания опыта правил создания внешних и внутренних правил словесности для речи СМИ).
- 3) Описание разных фактур речи как совершенствования технологического процесса создания речи позволяет говорить и о том, что филология касается не только «духовной» культуры человечества, но прямо связана с материальной и физической культурой, ибо материальные условия речи существенно влияют на идеологию текста («на духе почиет материя»).

Для полноты картины приведем еще одно авторитетное определение. Акад. Ю.С. Степанов называет филологией «область гуманитарного знания, имеющую своим непосредственным объектом главное воплощение человеческого слова и духа – т е к с т. Ф. характеризуется совокупностью научных дисциплин и их взаимодействием – как общих: языкознание (гл. обр. стилистика), литературоведение, история, семиотика, культурология, так и частных, вспомогательных: палеография, текстология, лингвистическая теория текста, теория дискурса, поэтика, риторика и др.» [Степанов 1997: 592]. Хотя определен главный объект филологии – текст, филология вновь объясняется как «совокупность» дисциплин, куда вошли и история, и семиотика, и культурология – научные дисциплины, предметы которых хотя и могут соединяться, но достаточно самостоятельны.

Характерен вывод Ю.С. Степанова: «Современная филология стремится к «партикуляризму», основанному на принципе «каждый язык — как никакой другой»; т.о., в отличие от языкознания, нет «универсальной, или общей, Ф.», но есть единство разных Ф.» [Там же: 595]. Таким образом, в заключении статьи о филологии ученый приходит к выводу о том, что и предметато «общей филологии», собственно говоря, никакого нет.

Надо утверждать, что этот предмет есть. Прежде всего, большинство исследователей полагают, что исходным объектом изучения для филолога является текст. Сам текст есть не что иное, как старинное и классическое слово, если понимать последнее не как единицу языка, а как «реализованный» текст, сакральный феномен, дар Божий, инструмент общения, орудие мысли и взаимодействия, совокупность осмысленных знаков, передаваемых от одного лица к другому. Сегодня многие классические термины принимают новый облик, что обыкновенно случается, когда человечество начинает жить в новых видах речевого взаимодействия: так, создан новый термин дискурс, которому приписываются новые свойства и смыслы, однако очевидно, что это есть развитие прежних смыслов культуры в новой речевой ситуации.

Полагаем, что в определениях филологии как науки следует учесть следующие компоненты:

- 1. Филология учение о правилах и закономерностях создания, передачи, хранения, воспроизведения и функционирования словесных произведений. Соответственно современная филология должна быть адресована ко всем существующим родам и видам словесности развитого информационного общества от семейно-бытовой речи до речи на электронных носителях (массовая информация, информатика, Интернет, мобильная связь и т.д.).
- 2. Филология наука о культурном прогрессе человечества, выраженном в способах, принципах и правилах создания текстов (речи, словесных произведений). Филологическое знание показывает, как технологическое развитие форм речи влияет на смысл речи, позволяя развиваться всем формам общественной культуры, различным видам семиозиса. Сложность современной общественно-речевой ситуации состоит в том, что человечество впервые столкнулось с такими сложными формами словесности как массовая информация, чье появление рождает совершенно новый облик человека, кардинально меняет стиль жизни, формируемый стилем речи. Между тем, оптимальное развитие человеческого общества возможно только в том случае, если оно будет опираться на культуру как совокупность нравственных и интеллектуальных достижений человечества.
- 3. Поскольку «в произведениях слова выражается весь состав культуры общества, теоретическая задача филологии построение научной картины культуры, взятой сквозь призму слова». Если речь является «инструментом общественной организации», то филологическое знание становится «основой компетентного управления обществом» [Волков 2007: 8].
- 4. Филология наука о классификации всех словесных произведений данной национально-речевой культуры. Универсальность филологии еще и в том, что она занимается не только стилем художественной литературы (чем занимается, как правило, литературоведение), но предмет филологии «языковые тексты» в разных родах и видах словесности. Лингвистика же говорит только об одной стороне языка (его устройстве, системе знаков, и эта сторона не всегда связана с общественно-речевой практикой).

Предмет филологии, согласно Ю.В. Рождественскому, — «словесность, или языковые тексты. Задачей филологии является, прежде всего, отделение произведений словесности, имеющих *культурное* значение, от таких, которые его не имеют. Для решения этой задачи необходимо сначала обозреть весь массив произведений словесности. Это можно сделать только путем классификации этих произведений» [Рождественский 1998: 113].

5. Отношения филологии и языкознания не являются отношениями целого и части. «Для правильного прочтения текстов филология выделяет языкознание и науки о речи» [Рождественский 1998: 113]. У языкознания имеется свой предмет: система языка и объяснение фактов языка на разных его уровнях (фонетическом, лексическом, словообразовательном, морфологическом, синтаксическом). Хотя языкознание включает различение понятий язык и речь, оно не обращается к анализу речевой реальности. Отсюда стремление многих языковедов создавать новые области практического приложения языка. Рождаются юридическая лингвистика, лингвистика общения и проч.

Филологическое творчество соединено с анализом текста, принципами его порождения, восприятия, бытования в культуре. Неслучайно культура рассматривается Ю.В. Рождественским как «форма коммуникации, принятая в данном обществе или общественной группе» [Рождественский 1999: 3]. Форма коммуникации, свойственная данному состоянию общества и отражающая определенный этап развития технического прогресса в создании текстов, диктует развитие всех остальных форм культуры. Методология, предложенная Ю.В. Рождественским, позволяет рассматривать культурную историю человечества как отражение форм словесности, а именно определенной фактуры речи, способов создания, передачи, хранения и воспроизведения текста, проявляющихся во всей «совокупности достижений людей» (второе определение культуры). Эти достижения отражены в развитии общественной морали, экономическом прогрессе, разных видах семиотической деятельности (например, в развитии видов искусства). Материя и дух при этом таинственным образом переплетены: на духе «почиет материя», но реальное воплощение материи в конкретном тексте диктуется как духом, идеологией, стилем общества в целом, так и философско-идеологическими устремлениями конкретного создателя текста. Филология, таким образом, становится основанием общественных и экономических движений, вполне отражая основополагающий тезис европейской духовной культуры о Слове как инструменте творения мира и окружающей нас действительности.

Обратим внимание на то, как филологические принципы анализа текста соединяются с принципами культуры: текст может либо войти, либо не войти в культуру – филолог не только отслеживает этот процесс, но и активно влияет на него собственными оценками (ср. с часто бытующими мнениями о том, что язык, мол, сам развивается и лингвист-филолог только фиксирует происходящие изменения). В общей филологии систематизируются все виды текстов – и эта систематизация может иметь вполне определенные приоритеты. Так, в русской филологии с 50-70-х годов XIX столетия произошло смещение интересов от систематизации всех имеющихся видов словесности (именно такие классификации обнаруживаются в наиболее авторитетных учебниках риторики и словесности Н.Ф. Кошанского и К.П. Зеленецкого, созданных в 30-50-е годы XIX в.) к преимущественной классификации форм изящной литературы. Смена стиля современной жизни во многом связана с изменением или переориентацией внимания общества на речь массовой коммуникации (телевидение, Интернет), которая становится наиболее авторитетным видом словесности.

На ограниченность подходов, связанных с преимущественной ориентацией только на художественную словесность, или увлеченность современными СМИ вне учета исторических корней русской словесной культуры неоднократно указывал Ю.В. Рождественский, призывая заниматься всеми видами прозаической словесности (особенно деловой, устными формами речи, риторикой СМИ). Результатом пренебрежительного отношения к прозаическим формам речи стал проигрыш в психологической войне, что имплицитно предрекалось в суждениях Ю.В. Рождественского 70-80-х годов прошлого века. Следствием нынешнего унылого состояния умов и общественного сознания (что особенно проявляется в деятельности наиболее

авторитетных органов речи – СМИ) является также прежнее риторически пассивное состояние духа и настроения, не способное к энергичному творческому изобретению идей и честному, эффективному воплощению их в словесной реальности.

Исторический оптимизм современной языковой ситуации состоит в возможностях приложения языка в речевой реальности. Основой такого приложения может быть только критерий культуры как неконсервативного сохранения национальной культурной традиции, опоры на прецеденты деятельности, понятия правильности и нормы, возможности творческого изобретения и воплощения мысли в языковых (словесных) текстах.

Именно в контексте филологии нельзя не сказать несколько слов о русском языке, который, по всеобщему согласию, должен нас объединять и вдохновлять на служение истине, добру, подлинной красоте и совершенствованию жизни — все это выражено в реальных текстах или, как говорили традиционно, в слове. Русский язык объединит нас не как языковая система, а как осмысленные языковые тексты. Иначе говоря, нас объединяет филология как учение о культуре, проявленной в текстах. Культура же несет в себе нравственное начало, идеи добра, истины, красоты. Знаком культуры является та форма коммуникации, в которой проявлена культура. Сложность современной ситуации состоит в том, что мы живем в новом информационном обществе с принципиально новыми формами и видами коммуникации, с которыми человечество не сталкивалось ранее.

В связи со сказанным вызревают постановка и решение двух насущных задач:

1. Необходимо изучение истории русской филологии, или филологических словесных наук в России, которое в настоящее время подменено историей русского языкознания с наложением схемы и содержания современного языкознания на реальную историю и содержание тех наук, которые изучались в университетах, гимназиях, лицеях XVIII—XIX столетий. Изучение истории русской филологии должно вестись как исследование состава «словесных наук», заявленных впервые М.В. Ломоносовым и затем развитых в курсах выдающихся русских ученых-филологов А.А. Барсова, А.Н. Никольского,

- Н.И. Греча, И.С. Рижского, А.Ф. Мерзлякова, Я.В. Толмачева, Н.Ф. Кошанского, И.И. Давыдова, К.П. Зеленецкого, Ф.И. Буслаева и др.
- 2. Филология имеет собственный предмет, который должен быть ясно отличен от лингвистики, литературоведения и др. Состав терминов филологии существенно отличается от состава терминов «лингвистического словаря», каким мы видим последний в современных изданиях словарей языковедческих терминов (ср. энциклопедический словарь «Русский язык» под ред. Ю.Н. Караулова или «Лингвистический энциклопедический словарь» под ред. В.Н. Ярцевой). В данных словарях, кстати, отсутствуют такие филологические термины, как словесность, фактура речи, орудие, материал речи, правила речи, терминология большинства видов и жанров словесности, составляющих «жизнь языка» - реальные языковые тексты (например, ораторская речь, документ, эпистолярная письменность и мн.др.). Вся эта терминология говорит о языковой/речевой реальности современного постинформационного общества, и если она не описывается грамотно и эффективно, то не в этом ли наша языковая, а затем и общественная отсталость?

Современная филология обращена к насущным проблемам современной общественно-речевой практики. Целью филологии является описание всех видов современной словесности с выявлением целей, задач, содержания, форм общения, выражения этих форм в различных жанрах речи, стилистического своеобразия текстов.

Литература

Аверинцев С.С. Филология / С.С. Аверинцев // Аверинцев С.С. Собрание сочинений. Киев, 2006. С. 452–459.

Алексеев В.М. Китайская литература / В.М. Алексеев // Китайская литература. М., 1978. С. 49–66.

Аннушкин В.И. История русской риторики. Хрестоматия / В.И. Аннушкин. М., 2002.

Аннушкин В.И. Русский концепт Слово-Логос в сопоставлении с китайскими аналогами дао и вэнь / В.И. Аннушкин, Ван Ци // Русский язык за рубежом. 2009. № 5. С. 69–75.

- Волков А.А. Юрий Владимирович Рождественский (10 декабря 1926 24 октября 1999) / А.А. Волков // К 80-летию Ю.В.Рождественского. М., 2007. С. 5–11.
- Давыдов И.И. Чтения о словесности / И.И. Давыдов. М., 1837.
- Лихачев Д.С. Об искусстве слова и филологии / Д.С. Лихачев // Письма о добром и прекрасном. М., 1988.
- Ломоносов М.В. Российская грамматика / М.В. Ломоносов // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. 7. М.-Л., 1952.
- Рождественский Ю.В. Введение в культуроведение / Ю.В. Рождественский. М., 1999.
- Рождественский Ю.В. Лекции по общему языкознанию / Ю.В. Рождественский. М., 1990.
- Рождественский Ю.В. Общая филология / Ю.В. Рождественский. М., 1996.
- Степанов Ю.С. Филология / Ю.С. Степанов // Русский язык. Энциклопедия. М., 1997. С. 592–595.

Красноярская ілава

Фото Л.А. Киселевой

Александр Петрович Сковородников

Институт филологии и языковой коммуникации Сибирский федеральный университет

ОБ АМПЛИФИКАЦИИ КАК СТИЛИСТИЧЕСКОМ ПРИЕМЕ (терминологическая заметка)

Амплификация (лат. amplificatio – увеличение, расширение, распространение) – термин, употребляющийся в нескольких значениях.

- 1. Общее название для стилистических приемов, связанных с увеличением протяженности высказывания или текста. К амплификации в этом значении относят плеоназм, аккумуляцию, гипофору, эксплецию, конкатенацию, эпанод и некоторые другие фигуры, т.е. такие, линейная протяженность которых представляется избыточной по сравнению с обычной (нейтральной) синтаксической конструкцией, но прагматически оправданной в силу выполняемой ими стилистической функции [Матвеева 2010: 18; Квятковский 1966: 25–26; Хазагеров 2009: 155–157 и др.].
- 2. Стилистический прием «нанизывания» однородных языковых единиц и оборотов [Булыко 2004: 46; Иванюк 2008: 23; Современный... 1992: 41; Большой лингвистический... 2008: 41; Москвин 2007: 104; Большой энциклопедический... 1994: 49; Новейший... 2002: 52; Словарь русского... 1985: 35; Большой толковый... 1998: 38]. Ср. определение амплификации в Толковом словаре Д.Н. Ушакова [Электронный ресурс]. URL: www. classes.ru/all-russian/Russian-dictionary-Ushakov-term-708.htm.

В такой трактовке амплификация совпадает с приемом аккумуляции (синатройсмом).

3. Прием усиления довода «путем (а) «нагромождения» равнозначных выражений, (б) «укрепления» их гиперболами, градацией и пр., (в) аналогий и контрастов, (г) рассуждений и умозаключений; в поэзии и прозе используется для усиле-

ния выразительности речи: *Ты жива, ты во мне, ты в груди. / Как опора, как друг и как случай* (Б. Пастернак). В переносном смысле — всякое многословие, излишество названных средств» [Литературный энциклопедический... 1987: 22; Ср.: Москвин 2007: 104; Ахманова 1966: 42].

4. Дефиниции амплификации, не содержащие каких-либо прямых указаний на языковую избыточность этого приема. Например: «стилистическая фигура, представляющая собой ряд повторяющихся речевых конструкций или слов» [Словарь литературоведческих... 1974: 13]. Эта избыточность обнаруживается в речевых иллюстрациях, например: За все, за все тебя благодарю я: / за тайные мучения страстей, / за горечь слез, отраву поцелуя, / за месть врагов и клевету друзей, / за жар души, растраченный в пустыне (М. Лермонтов) [Там же: 13]. Ср.: Википедия [Электронный ресурс]. URL: www.ru.wikipedia. org/wiki/ Амплификация (литература), где при аналогичной дефиниции приводятся в качестве иллюстраций стихотворения с повторением предлогов и однородных определений (М. Лермонтов. Благодарность); с лексической анафорой (А. Блок. Когда в листве сырой и ржавой...); с рядом сравнений (В. Маяковский. Стихи о советском паспорте) и др.

Во всех четырех случаях трактовки амплификации «укладываются» в понятие стилистического плеоназма в широком смысле, т.е. языковой избыточности, мотивированной интенцией адресанта и конситуацией (греч. $\pi\lambda\epsilon$ оνασμός – излишество, чрезмерность).

5. Еще одну трактовку рассматриваемого термина находим в книге Т.Г. Хазагерова и Л.С. Шириной, которые понимают амплификацию как фигуру речи, у которой в отличие от тропа названы оба сопоставляемых компонента [Хазагеров, Ширина 1999: 197]. «Фигурные амплификации — пишут эти авторы, — построены в принципе на тех же основаниях, что и тропы. Но между ними есть и содержательные различия. И в тех, и в других сравниваемые представления сливаются в одно, более сложное. Но степень этого слияния различна. Она должна быть максимальной в тропе и не может превышать определенный предел в фигуре» [Хазагеров, Ширина 1999: 121]. К разряду фигурных амплификаций они относят антитезу, смеше-

ние стилей, градацию, оксюморон, гипофору, коррекцию и др. [Там же: 121–122]. Причем, определяя понятие амплификации, авторы указанной книги рассуждают следующим образом: «Сопоставляя денотаты двух знаков, сравнивая два простых представления и получая третье, более сложное, мы можем дать этому представлению название, соответствующее названию одного из простых представлений. В результате такого способа наименования мы получаем троп. Но мы можем использовать и оба названия упомянутых представлений. В этом случае имеем дело с фигурной амплификацией» [Там же: 120]. Однако такое понимание фигурной амплификации не учитывает признака избыточной, плеонастичной протяженности высказывания (по сравнению с обычной, нормативной), лежащей в основании вышеупомянутых четырех определений и соответствующих речевых фактов. Этим объясняется то, что в перечень видов амплификации у Т.Г. Хазагерова и Л.С. Шириной попали сравнение, антитеза, смешение стилей, оксюморон – фигуры речи, в которых наличие обоих компонентов сопоставления (сопоставляемого и сопоставляющего) является структурно необходимым (не избыточным, не плеонастичным). А следовательно, для такого рода речевых фигур вряд ли целесообразно использовать термин «амплификация». Вопрос об отношении названных фигур к той или иной генерализирующей классификационной рубрике требует специального обсуждения. Заметим лишь, что если антитеза, оксюморон и смешение стилей сопоставимы по организующему их принципу контраста, то сравнение выпадает из этого ряда.

Указанные авторы справедливо замечают, что некоторые фигуры речи, относимые ими к амплификациям, не имеют специального названия — термина, но не приводят примеров таких фигур. Действительно, не все фигуры речи нашли свое место в общей системе речевых фигур и свою терминологическую номинацию. Возьмем, например, образные обороты, имеющие синтаксическую форму дефиниции (здесь и далее жирный курсив принадлежит нам. — A.C.): 1) Патриотизм — это воздух, который дает полет всяк парящей в небесах птице. Два крыла ее — справа и слева — равнодействующие стороны... (Литературная газета. 2003. № 30); 2) Политтехнологи имеют дело с

социальной энергией. Они – бильярдисты, гоняющие кием шаровые молнии, направляя их к нужным лузам (Завтра. 2007. № 51). Это фигуры речи, в которых роль сопоставляемых компонентов играют подлежащие, а роль сопоставляющих компонентов – предикаты (предикативные части этих предложений). Подобные конструкции близки по значению и функции к метафорическим сравнениям, или симиле (недаром такие сравнения называют иногда «расширенной метафорой» [Филиппов, Романова 2002: 120]). Они отличаются от классических сравнений отсутствием оператора сравнения (Ср.: Патриотизм подобен воздуху, который...; Политтехнологи похожи на бильярдистов, гоняющих...), а от метафор – наличием в их структуре не только сопоставляющего, но и сопоставляемого, не устранимого даже при наличии широкого контекста. Например: 3) Вскоре после переселения на Запад писатель Василий Аксенов заметил, что «эмиграция мало чем отличается от присутствия на собственных похоронах». Эмигранты, дескать, сносят на погост собственное «я»: оно просто-напросто выбрасывается на свалку, и всякий эмигрант – это порожняя раковина, которую поэтому следует начинить чем-нибудь заново (Литературная газета. 2002. № 30); 4) Государство в его нынешней форме в принципе не может стать субъектом стратегического развития Российской Федерации, поскольку сегодняшняя коррупция – это СПИД, рак, сифилис и туберкулез в одном флаконе! (Завтра. 2006. № 41).

В рамках общего отношения сопоставления, присущего всем таким конструкциям, в зависимости от лексического наполнения конструкции, особенностей сочетаемости составляющих ее лексем и содержания более широкого контекста, в котором эта конструкция функционирует, может актуализироваться (выдвигаться на первый план) либо А) семантика сходства (похожести, соответствия в каком-либо отношении), либо Б) семантика подобия, частичного тождества (может быть, точнее — относительного изоморфизма, ограниченной эквивалентности).

В первом случае в структуру рассматриваемой фигуры легко экспериментально вводятся операторы сравнения. Например: 5) *Кто-то из депутатов в полемике, в очень резкой форме, используя блатной жаргон, назвал Говорухина «сукой отвязан-*

ной». Это грубо и несправедливо. Он — чаинка, которая крутится в стакане не слишком крепкого чая, поставленного в серебряный подстаканник. Никак не осядет на дно (Завтра. 2000. № 4). Ср.: Он как чаинка (подобен чаинке / похож на чаинку / напоминает чаинку...), которая...

Об этом же свидетельствуют и гибридные случаи типа: 6) ... Наш правящий класс — это как корзина для мусора, в нем можно встретить кого угодно (Завтра. 2010. № 47), а также возможность трансформации сравнительной конструкции в конструкцию рассматриваемого типа путем устранения оператора сравнения, например: 7) Mы — как родильный дом литературы. С каждым номером газеты в жизнь входят новые поэтические строчки, новые образы героев, новые миры (Литературная газета. 2007. № 19). Ср.: Мы — родильный дом литературы и т.д.

Во втором случае введение оператора сравнения со значением сходства представляется искусственным или вовсе невозможным, например: 8) Достоевский – это высшая математика человеческой души (Литературная газета. 2007. № 40); 9) Миллионы наших братьев не увидят торжества демократии из-за тюремных решеток, колючей проволоки, пулеметных вышек. Их демократия – это нары и удар резиновой дубиной. Их избирательные урны — это «параши» и миски с «баландой». Их Вешняков – это надзиратель с железным ключом, ведущий их в кариер (Завтра. 2003. № 37). И наоборот, возможна трансформация таких конструкций в синонимичные, в которых наличествует маркер отождествления. Ср.: Достоевский – это не что иное, как высшая математика человеческой души; Нары и удар резиновой дубины – это и есть их демократия... Показательным в данном случае является наличие натуральных синонимичных конструкций с маркерами отождествления, например: 10) Утрачивается социально важное содержание самого понятия «вкус», который, по точному определению мастера, есть не что иное, как компас таланта (Литературная газета. 23.07.1986); 11) Тогда народ... может однажды сказать: «Мы для вас – никто, но и вы для нас – никто. А тогда с какой стати мы должны вам подчиняться?» Это прямой путь к социальным потрясениям. Ну а межпартийные конфликты в этом случае – не более чем пыль на дороге (Литературная газета. 2007. № 1).

Рассматриваемые конструкции обеих разновидностей (А и Б), по условиям их структурной неизбыточности, повидимому, нецелесообразно терминировать как амплификацию. Их сущности будет более соответствовать терминологическое словосочетание «имплицитное метафорическое сравнение уподобительно-отождествительного типа».

Амплификация как разновидность плеоназма в широком смысле и фигура речи, которую мы назвали имплицитным метафорическим сравнением уподобительно-отождествительного типа, как явления экспрессивные, близки, но не вполне совпадают по функции.

Амплификация используется прежде всего для усиления высокого риторического пафоса и для создания изобразительности описания. Например: 12) Эта непередаваемая на человеческом языке легкость, ясность, простота, дивная гармония, при которой совершенно исчезает тяжесть — тяжесть купола и стен, это море света, льющегося сверху и владеющего всем этим пространством, замкнутым и свободным, эта грация колонн и красота из мраморных кружев, эта царственность — не роскошь, а именно царственность — золотых стен и дивного орнамента, — пленяет, умиляет, покоряет, убеждает... (С. Булгаков). Ср.: Легкость, гармония и красота этого здания покоряют.

Имплицитное метафорическое сравнение уподобительноотождествительного типа призвано образно определить суть предмета речи так, как ее понимает говорящий/пишущий, часто в сочетании с эмоционально-оценочной коннотацией (примеры см. выше).

Обе фигуры речи могут вступать в отношение стилистической конвергенции (текстуального взаимодействия) как между собой, так и с другими фигурами речи (лексическими повторами разного рода, изоколоном, хиазмом и т.д.), что усиливает производимый ими эффект. Например: 13) Гагарин — витязь Русской Победы. Победа сорок пятого года — это космодром, с которого Гагарин взлетел в небеса. Он принял из рук Кантария победное алое знамя и отнес его в космос. По сей день оно пламенеет на орбите, вращаясь вокруг земли.

Александр Матросов, накрывший грудью пулеметную амбразуру, был Юрием Гагариным на той мистической грозной

войне, на которой Россия приносила вселенскую жертву, выпрямляя согнутую земную ось. Матросов без скафандра, в солдатской гимнастерке вышел в открытый космос и своею смертью открыл Гагарину путь в небеса. Гагарин улетел с земли в космос, преобразив земное в космическое. Но и космос через Гагарина влился в земное бытие, преобразив космическое в земное. Гагарин был земным человеком, улетевшим в мироздание. Но он был небожителем, прилетевшим из космоса на землю. Через Гагарина божественная сила снизошла в земную реальность. Гагарин преображен космосом – космочеловек (А. Проханов); 14) В старые времена царское правительство позволяло себе кидаться в авантюры, обезденежев, торговать Аляской: у России была Сибирь. Если об этом не писали, не говорили открыто, это подразумевалось само собой. Сибирь стояла крепостью, в которой можно укрыться; кладовой, которую при нужде всегда можно раскрыть; силой, которую можно призвать; твердью, которую можно подставить под любой удар, не боясь поражения; славой, которой предстоит прогреметь. Одним словом, в сознании человека Сибирь долго и прочно оставалась плаидармом для будушего... (В. Распутин).

Описание структурных разновидностей амплификации и сравнений разных типов, их терминологическое обозначение, выявление и описание их стилистических функций – актуальная задача теории речевых фигур.

Литература

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов, СПб., 1998.

Большой энциклопедический словарь. СПб., 1994.

Булыко А.Н. Современный словарь иностранных слов. Более 25 тысяч слов и словосочетаний. М., 2004.

Иванюк Б.П. Поэтическая речь: словарь терминов. М., 2008.

Квятковский А.П. Поэтический словарь. М., 1966.

Литературный энциклопедический словарь. М., 1987.

Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д, 2010.

- Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. Ростов н/Д, 2007.
- Новейший словарь иностранных слов и выражений. М.-Мн., 2002.
- Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост. Л.И. Тимофеев и С.В. Тураев. М., 1974.
- Словарь русского языка в 4 т. Т. 1. М., 1985.
- Современный словарь иностранных слов: Ок. 20000 слов. М., 1992.
- Филиппов А.В., Романова Н.Н. Публичная речь в понятиях и упражнениях: Справочник: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М., 2002.
- Хазагеров Г.Г. Риторический словарь. М., 2009.
- Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С. Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических приемов. Ростов н/Д, 1999.

Татьяна Михайловна Григорьева

Институт филологии и языковой коммуникации Сибирский федеральный университет

«...НО СОБСТВЕННЫМ ОБИЛИЕМ И ПРЕВОСХОДСТВОМ»

Русский язык принадлежит к числу языков, имеющих статус международного. Известно, что в 1945 году он провозглашен одним из рабочих и официальных языков ООН и в настоящее время на нем издаются многие официальные документы, пресс-бюллетени, специальные журналы ООН, а также издания ЮНЕСКО, МАГАТЭ, ЮНИСЕФ и др. На рубеже 70–80-х годов он включен в число языков, обслуживающих деятельность таких международных неправительственных организаций, как Всемирная федерация профсоюзов, Международный комитет за европейскую безопасность и др.

К настоящему времени опубликовано множество работ, свидетельствующих о распространении русского языка за пределами страны-носителя, о возрастании, упадке и возрождении интереса к нему в XX веке. Но в этих публикациях мало или совсем не отражен тот период истории, когда, выражаясь словами Н.М. Карамзина, «Европа устремила глаза на Россию» [Карамзин 1991: 24]; когда, по словам французского исследователя А. Ларатолари, воспринимающая общественные идеи Россия стала страной, предоставляющей эти идеи: у нее брали уроки как у страны, которой правил «просвещенный монарх» [Laratholary 1951: 7].

Широко известен тот факт, что для России середины XVII — первой трети XIX века характерно внедрение немецкой и французской культур во все сферы жизни образованного общества — в светскую жизнь, домашнее образование, бытовую культуру, искусство. И сферу русского языка немецкофранцузская экспансия не миновала. Но, с другой стороны, как следствие формирования политических, экономических и культурных связей России со странами Западной Европы рос

интерес к России и русскому языку (см., например [Загрязкина 2001; Загрязкина 2009]).

Распространению русского языка в среде иностранцев служила издательская деятельность, которая имела широкий размах: издавались не только географические и топографические энциклопедии Российской империи, хрестоматии и книги для чтения на разных европейских языках, включающие прозу и поэзию лучших русских писателей, чтобы ознакомить иноземцев с экономикой, географией, политикой и культурой чужой страны, но и разнообразная учебно-методическая литература: 1) азбуки и буквари для обучения чтению и письму, 2) книги для учителей с методическими рекомендациями, 3) грамматические сборники для учащихся школ и гимназий, 4) учебники с теоретическими указаниями, 5) учебные пособия практической направленности с упражнениями на перевод для начинающих изучать русский язык, 6) самоучители, 7) разговорники для тренировки устной речи, 8) тематические двуязычные лексиконы, 9) словари русского языка и т. д. Причем издавались и в России, но больше за ее пределами.

В продолжение XVIII—XIX веков, если учитывать только материалы каталога Российской государственной библиотеки, русский язык представлял интерес для носителей многих языков: польского, французского, японского, сербского, чешского, эстонского, латышского, немецкого, английского, шведского, литовского, финского, голландского, итальянского.

В лингвистическом сознании XIX века дифференциация грамматик в зависимости от адресата была четко осознанна. «Русская грамматика для русских отличается от всякой Русской грамматики для иностранцев свободой и краткостью, тогда как достоинства последней составляют особенная определенность и полнота» [Опыт... 1841: 27].

О несомненном интересе «иноземцев» к русскому языку во II половине XVIII столетия свидетельствует в предисловии к своей книге «Уроки русской грамматики» (СПб., 1846) А. Охотин. Он указывает множество грамматик русского языка на языках иностранных, адресованных иноземцам. Свидетельством интереса к русскому языку за пределами России на рубеже XVIII—XIX веков является работа В. Половцова, известного

в свое время автора грамматик русского языка для русских и методических указаний «к преподаванию отечественного языка». Представляя краткую летопись грамматической деятельности в России и за границей, автор сообщает, что издавалось множество грамматик, которые «тонули в реке забвения», и «труды иностранцев в продолжение царствования императрицы Екатерины Великой брали верх над трудами русских для русских» [Краткая... 1847: 21]. Сообщается также, что в продолжение 25-летнего царствования Александра I грамматики российские печатались за границей в Варшаве, в Лейпциге, в Вене и в Париже; что большей частью «они отжили свой век», но показали при этом «расположение некоторых иностранцев» к русскому языку» и их стремление «изследить языкъ могущественного европейского колосса». Но, как утверждает автор, «время изучать русский язык еще не пристало» [Там же: 32]. Однако, при всем почтении к автору, нельзя согласиться с его решительным утверждением. Опровержением этому служат многие другие материалы, свидетельствующие об интересе к русскому языку «как языку, открывавшему западноевропейцам широкие культурно-исторические перспективы» [Алексеев 1984: 4].

Как утверждает польский русист Я. Волчук, знакомство с русским языком в Польше началось «вместе с первыми связями с их восточным побратимом» и расширилось в XVIII веке в результате присоединения к Польше Галицкой Руси. Автор отмечает, что в течение XVII—XVIII веков сформировалась потребность в изучении русского языка в разных слоях польского народа, что утверждению позиций русского языка стало решительное включение в школьные программы уже в первые три десятилетия XIX века. Причем русский язык считался равноправным с другими иностранными языками и «не воспринимался... как орудие русификации» [Григорьева 2008].

О том, что в XVIII веке Франция уделяла большое внимание России и всему русскому (в том числе – языку и литературе) известно из публикации М.П. Алексеева. В частности сообщается, что «по мере того как русский язык становился языком слагающейся русской нации, выразителем самобытной русской культуры, он все сильнее интересовал иностранцев не только как средство делового общения с русским населением,

но именно как язык этой культуры, как ключ к раскрытию ее ценностей» [Алексеев 1984: 3].

Русский язык был чрезвычайно востребован немецкоязычной аудиторией. В настоящий момент найдено около 300 публикаций разного жанра на немецком языке XVIII–XIX веков, изданных к изучению русского языка в немецкоязычной аудитории. Они издавались как в России (Petersburg, Moskau), так и за ее пределами (Sachsen, Riga, Göttingen, Leipzig). Работы таких авторов, как Платс Г.Ф., Rodde J., Hölterhof F., Nordstet J., Вегелин Ж.Ф. и Гейм И.А., выдерживали несколько, вплоть до 11 изданий.

Миссионерская деятельность многих немцев на рубеже XVIII-XIX веков служила добрую службу в распространении русского языка, а через него – русской истории и культуры. Среди миссионеров русского языка в немецкоязычном мире следует назвать Я. Родде (1725–1789), автора грамматик, разговорников и словарей русского языка, о котором более двух столетий спустя немецкий ученый Х. Кайперт напишет, что благодаря Я.М. Родде «человек немецкого происхождения сам, без сомнительной помощи переводчиков, может черпать знания о России непосредственно из русских источников», но на родном языке [Keipert 2006: 101]; И. Гейма (1758–1821), автора множества работ, предназначенных как для обучающегося русскому языку юношества, так и чиновников, обязанных русскому языку государственною службою; С. Фатера (1771-1826), который, по словам В.Г. Белинского, «положил твердое основание русской грамматике», представлявшей «какой-то странный сколок с латинской, французской и немецкой» [Белинский 1981: 610-611]; Д.А.В. Таппе (1778-1730), одного из неутомимых популяризаторов русского языка и российской истории в немецкоязычном мире, автора одного из самых лучших учебников русского языка своего времени; учителя, который считал, что «изучение русского языка немецкой молодежью было обязательным условием для тех людей благородного происхождения, кто собирался получить достойное высшее образование именно в России и, соответственно, в будущем – хорошо оплачиваемую государственную должность» [Григорьева, Ершова 2010: 198-204].

На рубеже XIX–XX веков русский язык обрел популярность в среде носителей английского языка. Разнообразные виды учебной литературы издавались в Лондоне и Оксфорде. Миссионерская деятельность представителей Англии также служила стремлению подданных британской короны овладеть языком московитов.

Переводы английского дипломата, лингвиста, писателя Дж. Боуринга (1792–1872) открывали Англии и — шире — Европе и русский язык, и русскую литературу. Им была издана «Российская антология», на основе которой впоследствии создано учебное пособие к изучению русского языка. Поэтическое творчество М.В. Ломоносова, И.И. Хемницера, Л.А. Дмитриева, Г.Р. Державина, Н.М. Карамзина, И.А. Крылова составили ее содержание. В аннотации к ней автор обозначил главное свое намерение: «не просто произнести хвалебную речь Русским поэтам, но показать с разных сторон зарождающуюся литературу этой удивительной и могучей нации» [Bowring 1822: 3].

Среди миссионеров русского языка в Англии следует назвать **Ф.И. Рейффа** (1792–1872), автора различных руководств, словарей и грамматик, всю свою жизнь посвятившего русскому языку и России. Один из самых значимых его трудов - «Русский этимологический словарь», который как пособие для иностранцев получил высокую оценку в России: «Иностранец, желающий основательно изучить наше слово, не может найти для себя сочинения, которое бы так широко раскрывало перед ним родословную русских речений и так глубоко вводило его в недра языка» – такую высокую оценку получил этот труд в среде носителей русского языка [Собрание соч. 1858–1859: 351]. Причем Англия не была единственной страной, которой служила миссионерская деятельность Ф.И. Рейффа: его руководства по изучению русского языка издавались на французском и немецком, способствуя распространению русского языка в западноевропейском мире.

Педагогическая деятельность **Я.И. Герда** (1841–1888) «на поприще народного просвещения» оказала неоценимую услугу Российскому государству. Он считал, что изучение русского языка является желательным для Европы, поскольку «обозревая семимильные шаги, которыми эта могучая Импе-

рия продвигается в литературе, науках, искусстве, логично будет предположить, что вскоре настанет такой момент, когда ее богатый, гармоничный и энергичный язык будет изучаться другими нациями Европы для ознакомления с плодами ее деятельности» [Heard 1827: IX]. Нельзя не вспомнить в этом контексте В. Рольстона (1828–1889), открывшего англичанам русские народные песни и этим упрочившего позиции русского языка. И, наконец, деятельность проф. русского языка Генри Риола, которая была направлена на то, чтобы удовлетворить, как писал В. Рольстон в предисловии к одной из его работ, «возрастающему интересу к русскому языку, который до сих пор оставался в труднообъяснимом небрежении, но которому политические события дали теперь новую важность» [Д. Заметка 1878: 399]. Здесь же отмечалось, что Г. Риол сумел сделать «сравнительно легким труд, который обыкновенно считался тяжелым» для всех «принимающих разумный интерес в языке, которым говорит народ в 40 млн, языке богатом, благозвучном и ясном», который «служит ключом к сильной и молодой литературе» (англо-русская грамматика Рейфа устарела, поскольку его русский язык отражал нормы времен грамматик Н. Греча и Российской академии). В заключение В. Рольстон утверждает. что чем больше будет в Англии людей, владеющих русским языком, тем больше англичане «будут свободны от удивительного невежества обо всем русском, которое теперь так далеко дает себя чувствовать» [Там же].

В 1893 году было создано Англо-русское литературное общество, которое стало одной из первых британских организаций с обширной программой укрепления англо-русских культурных связей, с программой содействия в изучении русского языка и литературы в англоязычных странах. В течение многих лет аудитория № 6 Императорского института (Южный Кенсингтон) служила местом ежемесячных заседаний этого общества. Заинтересованность в его созидательной деятельности проявляли главы обеих держав: и России, и Англии. Высокий статус общества обеспечивался участием в нем со стороны России — императора Николая II и императрицы Александры Федоровны, а английскую сторону представляли герцог и герцогиня Саксен-Кобург-Гота и Эдинбурга [Galton 1970: 272].

Популярность русского языка среди англичан в начале XX века отмечена преподавателем новых языков и литератур Лондонского института С. Раппопортом: «Несмотря на пренебрежение в прошлом, русский язык заставил обратить на себя внимание думающих людей Англии, и в настоящее время становится не только ценен, но и действительно важен» [Rappoport 1903: preface].

В статье «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И.А. Крылова» (12.08.1825) А.С. Пушкин писал, что «чуждый язык распространяется не саблею и пожарами, но собственным обилием и превосходством» [Пушкин 1993: 722], имея в виду словарное владычество одного языка над другим. Но эти его слова могут быть применимы и в другом контексте: исходя из всего изложенного, можно сказать, что в хронологических рамках XVIII–XIX столетий русский язык «не саблею и пожарами, но собственным обилием и превосходством» как язык великой культуры активно завоевывал международное пространство.

Литература

- Алексеев М.П. Русский язык в международном обиходе / М.П. Алексеев // Вопросы языкознания. 1984. № 3. С. 3–17.
- Белинский В.Г. Грамматические разыскания В.А. Васильева / В.Г. Белинский // Собр. соч. Т. 7. М., 1981. С. 605–618.
- Григорьева Т.М. Русский язык в Польше / Т.М. Григорьева // Русский язык в школе. 2008. № 10. С. 83–84.
- Григорьева Т.М. Дитрих Август Вильгельм Таппе: миссионер русского языка и российской истории / Т.М. Григорьева, Е.О. Ершова // Филология и человек. 2010. С. 198–204.
- Д. Заметка. Русская грамматика в Англии // Вестник Европы. 1878. Т. IV (LXXII). Кн. 7. С. 398–399.
- Загрязкина Т.Ю. Следы России во Франции (XVIII–XIX вв.) / Т.Ю. Загрязкина // Вестник Московского ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2001. № 3. С. 7–20.
- Загрязкина Т.Ю. Следы Франции в России / Т.Ю. Загрязкина // Вестник Московского ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 3. С. 29–41.
- Карамзин Н.М. [1811] О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях / Н.М. Карамзин. М., 1991.

- Краткая летопись грамматической деятельности в России и за границей Виктора Половцова, СПб., 1847.
- Опыт руководства к преподаванию и изучению русского языка для русских В. Половцова. СПб., 1841.
- Пушкин А.С. О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И.А. Крылова / А.С. Пушкин // Сочинения А.С. Пушкина в одной книге. Золотой том. Полное собрание. М., 1993. С. 721–723.
- Собрание сочинений Сенковского (Барона Брамбеуса): в 9 т. Т. IX. СПб., 1858–1859.
- Bowring J. Specimens of the Russian poets / J. Bowring. T.1. London, 1822.
- Galton D. The Anglo-Russian literary society / D. Galton // The Slavonic and Eastern European review. Vol. 48, 111. London, 1970. P. 272–282.
- Heard J.A. Practical grammar of the Russian language. Key to the themes contained in Heard's Russian grammar / J.A. Heard. St. Petersburgh, 1827.
- Keipert H. Das Russisch Lehrwerk von Jacob Rodde / H. Keipert //
 Die Kenntnis Russlands im deutschsprachigen Raum im 18
 Jahrhundert: Wissenschaft und Pub-lizistik über das Russische
 Reich. Internationale Beziehungen. Bonn, 2006. T. II. S. 85–110.
- Laratholary A. La mirage russe au XVIII s / A. Laratholary. Paris, 1951.
- Rappoport S. Hossfeld's new practical method for learning the Russian language / S. Rappoport. London, 1903.

Игорь Ефимович Ким

Институт филологии и языковой коммуникации Сибирский федеральный университет

СОЦИАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА В ТЕОРИИ СЕМАНТИЧЕСКОГО СИНТАКСИСА Т.В. ШМЕЛЕВОЙ

В разнообразии филологических сюжетов, разрабатываемых Т.В. Шмелевой, особое место занимает теория семантического синтаксиса. Опираясь на плодотворную идею Ш. Балли о различии диктума и модуса, на идеи Л. Теньера об устройстве события, на теорию функционального синтаксиса Г.А. Золотовой и на логико-лингвистические работы Н.Д. Арутюновой Т.В. Шмелева сумела представить семантику предложения / высказывания как смысловое целое, ориентированное прежде всего на решение коммуникативных задач.

Меня как исследователя социальной семантики (термин предложен Л.П. Крысиным) интересует в первую очередь то, как в семантическом синтаксисе отражены социальные смыслы.

Коротко опишу саму теорию семантического синтаксиса Т.В. Шмелевой [Шмелева 1988].

Семантика высказывания представляет собой объединение двух смысловых частей — диктума, моделирующего отношения в объектном мире языка, и модуса, представляющего «субъективные смыслы», разнообразные отношения, возникающие вокруг моделирующей диктумной части значения предложения и обеспечивающие ее включение в конкретный акт коммуникации.

Возможно, я не прав, назвав именно эти имена в качестве основных предшественников теории семантического синтаксиса Т.В Шмелевой. Сама Татьяна Викторовна указывает и других авторов, в той или иной мере сформировавших понятийный аппарат семантического синтаксиса, в т.ч. Е.В. Падучеву, Т.П. Ломтева, Т.Б. Алисову, Ф. Данеша, Ч. Филлмора и др.

Диктум представляет собой последовательность пропозиций, элементарных единиц моделирования целостных фрагментов мира – положений дел. Пропозиция представляет собой соединение центрального смысла, организующего остальные смысловые элементы (Т.В. Шмелева называет его собственно пропозитивным смыслом, в теории предикатов (Т.В. Булыгина, О.Н. Селиверстова) его именуют семантическим предикатом), актантной рамки, включающей разное количество ролей для предметных участников ситуации, пространственно-временной составляющей, образуемой сирконстантами локативом и темпоративом, припропозитивных, в основном количественных, смыслов. Различаются событийные пропозиции, «портретирующие» действительность, и логические, отражающие результаты интеллектуальной деятельности говорящего.

Модус организован как целая система одновременно присутствующих в высказывании смыслов разного типа. Модус образуется четырьмя группами смыслов: метакомпонентом (речевой и языковой составляющими высказывания), квалитативными смыслами (авторизацией, персуазивностью. оценкой), актуализационными смыслами (модальность, время, пространственная актуализация, лицо) и социальным компонентом.

Социальные элементы значения, по мнению Т.В. Шмелевой, обнаруживаются и в диктуме, и в модусе высказывания.

В диктуме при описании типов событийных пропозиций Т.В. Шмелева выделяет четыре сферы: физическую, психическую, интеллектуальную и социальную. При выделении сфер она апеллирует к обыденной логике, то есть к здравому смыслу, основе обыденного сознания. В каждой из этих сфер можно обнаружить пять типов пропозиций: существование, состояние, движение, действие и восприятие. Таким образом, можно говорить о социальном существовании (Есть у нас такой обычай; здесь и далее примеры Т.В. Шмелевой. – И.К.), социальном состоянии (Он холост, в передовиках), социальном движении (продвижение по службе, путь наверх), социальном действии (Он сделал замечание) и социальном восприятии (Проект был принят с воодушевлением). Поскольку в центре внимания при описании событийных пропозиций оказались их типы, то «сферной» семантике в работе не было уделено столько внима-

ния, чтобы реконструировать устройство социальной сферы и ее специфику.

Социальные категории модуса, по мнению Т.В. Шмелевой, отражают социальные отношения автора и адресата высказывания: официальность/фамильярность, уважительность/пренебрежение; деликатность/категоричность. Этот компонент модуса факультативен и не имеет специальных средств выражения, поэтому выражается попутно, как правило, путем выбора номинации. Для выражения фамильярности общения используется диминутив.

В чем различие социальных смыслов, присутствующих в диктуме и модусе?

Во-первых, если рассматривать содержание диктума и модуса по отношению к реальности, которую они отражают, то диктум связан с референтным миром языка, с моделируемой действительностью, в известном смысле порождаемой высказыванием. Этот смысл должен быть эксплицитен, и организован как миропорождающий, то есть в его основе должна лежать единая модель устройства мира. Модус связан с условиями порождения и восприятия высказывания, принадлежит реальному миру, в котором уже существуют социальные отношения между участниками коммуникации.

Это создает сложную коллизию социального содержания высказывания. Моделируемый диктумом фрагмент социального мира динамичен и наполнен существенными деталями, в нем отражаются социальные реалии, принадлежащие к определенным классам, в их взаимодействии. Модус представляет статические отношения между двумя социальными субъектами с заданными на момент коммуникативного контакта социальными характеристиками, которые совершенно необязательны для выражения. Поэтому социальные отношения, отражаемые модусом, являются предельно обобщенными. С другой стороны, диктум представляет довольно грубую модель действительности, в которой социальные реалии и их отношения типизированы или конкретны настолько, чтобы автор высказывания мог обозначить необходимый для информационных нужд фрагмент реальности, а адресат опознать его как соотносимый с его индивидуальной картиной мира, в которой отражается и этническая

картина мира, и общечеловеческая система представлений о его устройстве. Модус же отражает реальное коммуникативное взаимодействие между людьми, в котором у каждого есть коммуникативная цель, и говорящий вынужден учитывать и/или может использовать социальные отношения с адресатом с той степенью точности, которая позволит ему достичь коммуникативной цели. Действительность жизни, в которой происходит коммуникация, многообразна и причудлива, что предполагает учет «здесь и сейчас» очень тонких нюансов социальных отношений.

Во-вторых, если говорить об отношении диктума и модуса к целям и условиям общения, то диктумное содержание высказывания в известной степени произвольно и определяется номинативной стратегией говорящего, в то время как социальный компонент модуса во многом предопределен условиями общения. Это предполагает вариативность и разнообразие диктумного содержания и ограниченный арсенал отражаемых в модусе социальных отношений и средств их выражения.

Таким образом, степень детальности обозначения социальных реалий в диктумном компоненте значения высказывания сложным образом сочетается со степенью точности в выборе модусных социальных показателей.

По отношению к диктуму мы должны говорить об устройстве социальной сферы, а по отношению к модусу о совокупной массе условностей, принятых в обществе в связи с речевой коммуникацией. Это значит, что диктум является реализацией языковой картины мира, в которой социальная сфера представляет одну из семантических областей, а модус в своих социальных категориях связан с разработанностью социальных отношений и необходимостью их отражения в речевой коммуникации, то есть речевым этикетом. Понятие сферы (семантической, номинативной или денотативной) мало востребовано в исследованиях языковой картины мира. В то же время речевой этикет описан довольно хорошо, поскольку связан с общей речевой культурой и функциональной стилистикой.

Остановимся более подробно на социально-семантическом аспекте диктума.

Будем говорить о социальной семантической сфере применительно к языковой семантике безотносительно к ее уров-

невому статусу: лексическому, морфологическому, словообразовательному, синтаксическому.

Специфика социальной семантической области заключается в особом знаковом характере существования ее реалий, когда природный объект приобретает дополнительную знаковую функцию и тем самым не только становится воспринимаемым, выделимым из среды и подверженным дальнейшему анализу, описанию и изучению свойств, но и приобретает определенный смысл. Восприятие такого объекта становится двойственным: воспринимаются не только его природные параметры: плотность, масса, форма, цвет и т.п., – но и то содержание, которое заложено в него социальным субъектом. Это содержание может быть типизированным, конвенциональным, принятым в обществе, ср., например, содержание символов [Сепир 1993: 261]. Но социальное содержание может быть и индивидуальным, вложенным одним социальным субъектом в конкретный объект действительности и даже для однократного использования. Так, в рассказе Х.Л. Борхеса «Сад разбегающихся тропок» путем убийства человека по фамилии Альбер немецкий шпион сообщает своему руководству о нахождении группы войск противника в городе с одноименным названием. Соединение знака и природного объекта в одной социальной реалии делает ее неравной себе, поскольку восприятие знака, его содержания, искажает образ его природной основы, а природные параметры основы могут исказить содержание знака.

Знаковая сторона социальной реалии стремится поглотить ее физическую сущность, отделиться от нее и приобрести самостоятельное существование в виде идеального объекта. Этому способствует наличие двух важных антиномий в социальной семантике: статичности/динамичности и дискретности/непрерывности.

Моделируемая языком жизнь индивидуального человека представляет собой поток, в котором каждый момент неповторим (в терминологии философии жизни – конкретно-историчен). Это означает динамичность и нерасчлененность индивидуальной жизни. Общество же устроено как совокупность взаимодействий индивидов, в общественной жизни существенна воспроизводимость взаимодействий и предсказуемость поведения

их участников, что в известной степени определяет общественную стабильность.

Поэтому для социальной сферы очень важны социальные состояния. Изменчивость и индивидуальность индивида противопоставляется социальным статусам, которые представляют собой способ дискретизации и стабилизации социальной действительности. Достигается статичность и дискретность статуса идеализацией, отвлечением определенной стороны жизнедеятельности индивида в виде социальной роли, приписыванием ей круга обязанностей и прав по отношению к другим социальным ролям, то есть должных и возможных действий. Жизнедеятельность индивида разнообразна и полноценна, статус не может существовать вне взаимодействия с другими статусами. Начальник не может существовать без подчиненных, студент без преподавателя, продавец без покупателя. Статусы-роли образуют систему, в которой каждый элемент связан с другими. Это позволяет построить «иную действительность», идеальный мир, который от реальности жизни отличается ясностью, дискретностью, осмысленностью, устойчивостью, системностью связей и отношений.

Одним из важнейших отношений в системе статусов является иерархическое отношение, которое задает вертикальное измерение человеческого общества, представляя последнее как специфическое условное пространство [Карасик 1992; Крысин 1986; 1988; 1989; 1997]. По всей видимости, именно принятие иерархически более высокого или низкого статуса представляет собой социальное движение в теории Т.В. Шмелевой. По крайней мере, именно таким образом можно интерпретировать приведенные ею примеры: продвижение по службе, путь наверх. Оба этих метафорических выражения обозначают занятие более высокого социального статуса. Таким образом, движение в дискретном условном социальном пространстве тоже дискретно и представляет собой скачкообразный переход из одного социального состояния-статуса в другое.

Статусы универсальны. Конкретно-исторические события оформляются в воспроизводимые целостные сценарии, в которых прописаны роли участников. Вещи (артефакты) создаются с заданными свойствами также для участия в тех или иных

сценариях. Чехов пишет, что если в первом акте на сцене висит ружье, то в третьем оно должно выстрелить, а не упасть или сломаться. И, судя по пьесе «Чайка», выстрелить оно должно в человека, то есть участвовать в социальном сценарии, для которого создано.

Наличие и независимое от реальности жизни существование идеальных статусов приводит к «двоемирию»: наличию в социальной семантической сфере двух взаимосвязанных миров – непосредственной реальности жизни и идеального «объективного» (М.М. Бахтин) мира, который очевиднейшим образом доминирует в этой паре. Все это приводит к особенностям в выражении социальных реалий, которое имеет полулексическийполусинтаксический характер, не попадая ни в поле зрения лексикологии, ни в поле зрения синтаксиса. Наименование социальных реалий тяготеет к расчлененности, неоднословности, обусловленной необходимостью в одной номинации соединить дискретность, типичность и статичность идеального мира с непосредственной индивидуальностью мира жизни. Поэтому наименование социальных реалий часто состоит из двух частей: имени статуса реалии (как правило, существительного) и индивидуализирующего, актуализирующего компонента. Для обозначения лиц это может быть собственное имя (губернатор Кузнецов), наименование более крупной социальной единицы (губернатор края) или дейктический актуализатор притяжательного типа (наш губернатор). Для обозначения событий существительное с событийным значением соединяется с глаголом, основная функция которого – актуализировать сценарий события в реальности жизни, например: произошло чрезвычайное происшествие; ...начал работу и т.п. Приведенный Т.В. Шмелевой пример обозначения социального действия также реализует «двоемирную» модель: Он сделал замечание.

И, наконец, отметим особую роль социального восприятия, которое определяет, в частности, социальное существование. Знаковое содержание социальных реалий должно быть воспринято социумом или его частью для их полноценного существования. Социальный статус должен проявиться и быть «прочитан» социальными реципиентами. Так, начальник должен совершать управляющие действия. Если он не совершает

их, то он может быть лишен статуса начальника. Но это предельная ситуация, когда социальное восприятие принимает характер действия. Чаще же социальное восприятие реализуется через ожидание (Л.П. Крысин), предвосхищение действий или поведенческих актов со стороны носителя статуса. Точно так же и социальное действие должно быть воспринято социумом. Более того, общественно значимые действия включают в себя восприятие частью общества в качестве операции. Именно такого рода ситуация и представлена примером социального восприятия, приведенным Т.В. Шмелевой: Проект был принят с воодушевлением. Сложное социальное действие включает в себя создание его сценария, например, плана или проекта, и его социальное восприятие — одобрение (апробацию). В приведенном примере отражена операция апробации сценария будущего действия.

Итак, Т.В. Шмелевой было только обозначено направление изучения социальной семантической сферы. Однако выделенные ею типы социальных событий релевантны для социальной семантики, а приведенные языковые факты полностью укладываются в рамки социально-семантической теории.

Литература

- Карасик В.И. Язык социального статуса / В.И. Карасик. М., 1992. Крысин Л.П. Социальные ограничения в семантике и сочетаемости языковых единиц / Л.П. Крысин // Семиотика и информатика. Вып. 28. М., 1986. С. 34–54.
- Крысин Л.П. Социальный компонент в семантике языковых единиц / Л.П. Крысин // Влияние социальных факторов на функционирование и развитие языка. М., 1988. С. 124–143.
- Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка / Л.П. Крысин. М., 1989.
- Крысин Л.П. Социосемантика / Л.П. Крысин // Современный русский язык. М., 1997. С. 270–285.
- Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологи / Э. Сепир. М., 1993.
- Шмелева Т.В. Семантический синтаксис: Текст лекций из курса «Современный русский язык» / Т.В. Шмелева. Красноярск, 1988.

Елена Валерьевна Осетрова

Институт филологии и языковой коммуникации Сибирский федеральный университет

НЕАВТОРИЗОВАННАЯ ИНФОРМАЦИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ: СЦЕНАРИИ И ОЦЕНКА

Распространение слухов и шире – всякой информации, лишенной конкретного авторства, - естественная составляющая глобальной коммуникации. Суть данного процесса можно описать как трансляцию по каналам социальных сетей относительно кратких и емких новостных сообщений. Свою типичную и узнаваемую реализацию они находят в текстах с маркерами как говорят; рассказывают; как мне сказали; по слухам; есть информация; по сведениям, исходящим из осведомленных кругов; из надежного источника стало известно; в администрации утверждают; бабы на базаре говорят, тут сорока на хвосте новость принесла и т.д. Подобные тексты подаются и воспринимаются как не имеющие определенный авторизованный источник, фактически анонимные, при передаче которых говорящий берет на себя лишь роль посредника (другие приписываемые им качества – актуальность и оперативность, а также первоначальная устность фактуры) [Осетрова 2010: 3].

Назовем описанное явление Процессом распространения неавторизованной информации (далее – Процесс) и на данном этапе анализа сосредоточимся на его отражении в языковой картине мира.

Такой методологический шаг в направлении **от речи к языку** позволяет сделать современная теория речеведения, развиваемая Т.В. Шмелевой. Один из ее тезисов состоит в необходимости комплексного анализа любого феномена языковой природы с трех позиций: «Если мы берем факт языка, то необходимо учитывать, в каких речевых условиях и в каких текстах

он используется; исследуя факт речи, мы не можем отвлечься от того, в каких текстах он проявляется и каких языковых средств требует для своей реализации; изучая определенный текст (тексты, тип текстов), мы выясняем речевые условия их создания и обращения, а также специфику языкового воплощения (выделено мной. — E.O.). За этой неразъемной трехзвенной цепью стоят определяющие ее стабильность или изменяемость социокультурной реалии» [Шмелева 2005: 72; Речеведение 1996: 6].

Базовой, как видно, признается триада «язык – речь (коммуникация) – текст», обретающая динамику в пространстве человеческого общежития. В работах Т.В. Шмелевой не только выдвинут этот главнейший принцип речеведческого анализа, но, со ссылками на идеи М.М. Бахтина, В.В. Виноградова, Г.О. Винокура, на труды А.А. Холодовича и Л.П. Якубинского, обозначены истоки речеведения, представлены его история и перспективы, система понятий, дана подробная библиография по теме [Речеведение 1996; Шмелева 1997; 1998; 2000; 2005].

Вернемся теперь к проблематике языковой картины мира.

Распространение неавторизованной информации, особенно слухов, нередко оказывается в центре художественного произведения. Слухи, сплетни, молва используются в текстах в сюжетообразующей, информативной, характеризующей функциях. Писатель может делать слухи полноправным «участником» событий, почти самостоятельной силой, влияющей на судьбы и жизни героев (вспомним «Ревизора» и «Мертвые души» Н.В. Гоголя). У кого-то же задача ставится менее масштабно: тогда слухи используются как простые приемы введения новой информации / поворота сюжета (современные детективные истории П. Дашковой).

Подобные элементы художественных структур в последнее десятилетие все чаще притягивают научное внимание. Литературоведы изучают слухи в аспектах поэтики, стилистики, идеологии произведения, подвергая их тонкому филологическому анализу со времен Ю.Н. Тынянова [Тынянов 1969; Соливетти, http://www.utoronto.ca/tsq/30/solivetti30.shtml]. Лингвисты также относятся к «отражен-

ным» слухам как к полноценному исследовательскому объекту [Крейдлин 2003].

В данном случае в фокус внимания попали историкодетективные романы Бориса Акунина, составляющие цикл «Приключения Эраста Фандорина». Процесс распространения неавторизованной информации играет здесь настолько заметную роль, что его без преувеличения можно назвать важнейшим движущим механизмом сюжета. Приведем несколько типичных примеров:

По Москве поползли слухи. Якобы завелся в городе оборотень. Кто из баб ночью из дому нос высунет, оборотень тут как тут. И будто бы загрыз этот оборотень баб видимоневидимо, да только начальство от народа утаивает, потому царя-батюшку боится (Декоратор); В ту весну в Соленоводске пошаливали: лихие люди подходили к позднему прохожему, били ножом в сердце и забирали часы, бумажник, если были — кольца. Говорили, будто из Ростова на гастроли приехала знаменитая шайка «Мясники» (Смерть Ахиллеса).

Наблюдения над отражением Процесса в романной картине мира Акунина выявили один достойный внимания факт. В его текстах используются два варианта развития информационного действия. Назовем их «сценариями», воспользовавшись терминологией когнитивной лингвистики и теории дискурса [Кубрякова и др. 1996; Желтухина 2003: 296], и обозначим как 1) естественный, или стихийный, и 2) искусственный, или целенаправленный.

Естественный сценарий описывает такой способ обращения неавторизованной информации, когда она транслируется непроизвольно. Участники Процесса не имеют никакого специального интереса, за исключением, пожалуй, желания поделиться с окружением очередной порцией доставшейся между делом новости. Структура естественного сценария включает следующие компоненты:

Каузация (событие, породившее слухи) \rightarrow Трансляция (слухов) \rightarrow Восприятие \rightarrow Обладание (информацией) \rightarrow Запрос экспертизы (на предмет достоверности) \rightarrow Экспертиза \rightarrow Последствие (событие, вызванное слухами), – и может быть оформлена в цепочку типичных предикатов:

Таблица 1

Фазы сценария	Языковая репрезентация
Каузация	непроизвольное событие
Трансляция	говорили, рассказывали
Восприятие	слыхали
Обладание	было всем известно, знали
Запрос экспертизы	правда / неправда?
Экспертиза	правда / чушь, ерунда
Последствие	вся Москва к Дюссо хлынет

Данный сценарий, как видно, включает семь последовательно развертывающихся фаз и носит характер реконструкции на основе анализа множества примеров. Это содержательно-структурная модель, которую автор оригинально использует каждый раз, когда решает задачу художественного изображения Процесса.

Ни одного случая полного развития сценария зафиксировать не удалось, что не влияет, однако, на множественность и разнообразие языковых вариантов. Развивая метафору семантического сценария, правильнее было бы говорить о том, что он имеет несколько конкретных пропозитивных «версий». Сравните, в частности, два предыдущих примера из «Декоратора» и «Смерти Ахиллеса», где слухи описываются исключительно через пропозицию Трансляции (поползли слухи, говорили), и более подробное их описание, включающее три фазы:

Говорили [Трансляция], что [адвокат] нанят неизвестным лицом в знаменитой петербургской фирме «Рубинитейн и Рубинитейн» || и будто бы даже слывет [Существование] докой по уголовным делам. || Однако внешность защитника к себе не располагала <...> поскупился подлый Момус на хорошего адвоката, прислал какого-то замухрышку, да еще еврея евреевича [Экспертиза] (Пиковый валет).

С искусственным сценарием при описании Процесса мы сталкиваемся в случае, когда инициаторами его выводятся субъекты, активно действующие для достижения поставленной цели. Искусственность, следовательно, понимается здесь как намеренная организация Процесса в целом либо элементарных ситуаций, его составляющих:

Провокация / Блокирование (информации) \rightarrow (ее) Сбор \rightarrow Осведомление \rightarrow Осведомленность \rightarrow Рефлексия (осмысление информации) \rightarrow Планируемый результат / Использование (информации); см. таблицу: $_{Taблица}$ 2

Фазы сценария	Языковая репрезентация
Провокация / Блокирование	запустили слух / скры-
	ли информацию
Сбор	выяснили, узнали
Осведомление	доложили
Осведомленность	располагали сведениями
Рефлексия	бюргеры сообразили
Использование	головы чиновников полетят

Так же, как и в случае с естественным сценарием, начальная и заключительная фазы Процесса составляют его причинноследственный каркас и к самому обращению информации не относятся, зато отсылают к событию, ее породившему, и указывают на связь с другими ситуациями авторской картины мира. Провокация факультативна даже на ситуативном уровне: далеко не любая информация, попадающая в устный канал коммуникации, является результатом заранее продуманных действий.

Так же, как естественный сценарий, искусственный – полная семантическая модель, реконструированная в результате анализа сотен примеров. На самом деле автор выделяет и описывает только те ее фазы, которые считает наиболее важными и наиболее ярко отражающими ход событий; ср. одно-, двух- и трехпропозитивные версии сценария:

Мне удалось выяснить через агентуру [Сбор], что некоторое время назад в Москве образовалась маленькая, но чрезвычайно активная группка революционеров-радикалов, сущих безумцев (Азазель);

Он [преступник] был в доскональности осведомлен о том [Осведомленность], что полагалось знать весьма немногим || <...> Кто-то из них, посвященный в мельчайшие подробности плана, выдал наш план революционерам — сознательно или бессознательно [Провокация] (Статский советник);

Мать привязала ребенка на спину и поспешила к мужу на скалу, || но ее выследили [Сбор] и донесли стражникам [Осведомление]. Те окружили маяк [Использование] (Алмазная колесница-2).

Уже на первоначальном этапе семантического анализа Процесса становится понятным, что его языковое отражение далеко от нейтрального: распространение слухов, тем более осведомление, – процессы, которые провоцируют на субъективное к ним отношение. Слишком значим для общества массовый и групповой информационный продукт и слишком глубоко проникнуты этическим аспектом некоторые из технологий его производства и обращения. Это аргументированно подтверждает анализ художественного текста.

Предыдущий материал показывает, что оценочность буквально пронизывает языковую картину Процесса, с завидным постоянством присутствуя в субъективных комментариях автора и героев. «Достоверность» же / «недостоверность» как предмет экспертизы вообще близка к оппозициям из списка специальных оценочных пар «этично / неэтично», «педагогично / непедагогично», «музыкально / немузыкально» и т.п. [Шмелева 1994: 34].

На этом поле субъективности проступают три наиболее ярких, системно проявляющихся оттенка.

Первый из них обозначим как оценку исключительности, приписанную событию / ситуации / явлению, каузирующим Процесс. Они регулярно подаются в акунинских текстах как выдающееся деяние, невероятное (событие), чудесное знамение, чудо → фурор, небывальщина, пикантность → скандал, дебош и жуть; к примеру:

Именно от Заики мы узнали о **невероятных событиях** минувшей ночи <...> Вы, несомненно, обо всем уже осведомлены из ваших источников (Любовница Смерти).

Исключительность события на фоне рутинной повседневности, приводящая к запуску информации о нем в коммуникативный канал, отнюдь не теряется в новом языковом «теле» события, наоборот, как будто усиливается, трансформируясь в сенсационность, то есть в выделенность и исключительность уже информационного плана. Тогда само сообщение начинает именоваться сенсацией, эксклюзивной информацией, новостью

пикантного рода, сногсшибательной новостью, уникальными сведениями или поистине фантастическими слухами и сенсационной вестью:

Подбросить доверчивому Шеймасу «сенсационную» весть труда не составило <...> Он так завидовал Шарлю д'Эвре, так мечтал его обойти! <...> а тут такое фантастическое везение! Exclusive information from most reliable sources! [Эксклюзивная информация из достоверных источников] И какая information! (Турецкий гамбит).

В последнем отрывке Акунин, позволяя герою рефлексировать на выделенную тему, вкладывает в его уста крайнее по степени категоричности ценностное высказывание — За подобные сведения любой репортер душу дьяволу продаст, — показательно завершая им фрагмент.

Далее оценочный вектор идет вглубь пропозиции, указывая своей стрелкой на само содержание информации. Точнее, оценка сосредоточивается на квалификации ее элементов — субъекта действия, артефакта или предметного феномена:

Пора было ехать за Эсфирью на Трехсвятскую, в знаменитый на Москве дом Литвинова (Статский советник); Знаменитая персона! Как говорится, широко известная в узких кругах! <...> Большой был, оказывается, человек — в прежние, долгоруковские времена (Алмазная колесница-1); Государственный канцлер князь Корчаков <...> Личность в некотором роде легендарная (Турецкий гамбит); Вероятнее всего, это легендарный питерский налетчик Тихон Богоявленский (Статский советник).

Согласно замечанию Ю.М. Лотмана, «славе», как знаку словесному, всегда приписываются звуковые признаки: ее «гласят», «слышат». Слава дается не только Богом, но и равными, но в любом случае связана с авторитетным словом и имеет признаки коллективной памяти. Именно поэтому она «доходит до отдаленных язык» и до позднейшего потомства [Лотман 1992: 88–90].

Знаменитость и тем более легендарность – высокие положительные характеристики, резко выделяющие объект из совокупности ему подобных, результат известности – *славы, хвалы* и *почитания* – положительно осмысленного социально-речевого Существования:

«Крадущиеся» славились тем, что очень ловко использовали в своих целях животных (Алмазная колесница-2); Фрол Григорьевич, невзирая на скромное свое положение, почитался в древнем городе особой влиятельной и в некотором смысле даже всемогущей (Декоратор).

На выраженную известность не может не реагировать, причем удовлетворительно, «герой» молвы. В текстах регулярно встречаются комментарии следующего рода:

«Прислуживал младший лакей со странной фамилией Земляной » «...» Пялился на меня во все глаза — должно быть, наслышан об Афанасии Зюкине. Признаюсь, это было лестно (Коронация); — Кто-то вас видел, узнал и донес. Эраст Петрович этому известию нисколько не расстроился, а даже, кажется, был польщен. — Немудрено, меня в Москве знают многие. И, видно, не забывают (Любовник Смерти).

В результате мы выводим определенную последовательность различных элементов, которая демонстрирует, как подвижна и динамично развита оценка исключительности: яркое, невероятное событие \rightarrow эксклюзивная новость \rightarrow легендарная личность \rightarrow известность, слава, почитание \rightarrow лестность (их для самой личности).

Второй оценочный акцент имеет по сравнению с только что обсужденным прямо противоположный знак:

Шпионить на своих товарищей **м-мерзко** <...> Заводите новые знакомства <...> а потом **доносите** в Охранку о своих достижениях. **Как вам не совестно**, ведь вы д-дворянин (Статский советник).

Сбор и Осведомление четко квалифицированы как *шпионаж и донос*, а их отрицательная семантика, проступающая в значениях предикатов, усилена квалификативной лексикой. Субъект этих действий, Осведомитель, в выделенных контекстах приобретает яркий отрицательный ореол, называясь *иудой*, *крысиной породой*, *злыми людьми* или просто *сплетником*.

Нельзя сказать, что презрение, откровенно высказанное в отношении Осведомления и профессионального Сбора информации, преобладает в оценке данных фаз у Акунина. В большинстве случаев они описываются нейтрально. И все же, если определять потенциальную зону действия крайней отри-

цательной оценки, она, вне сомнений, будет смещена на этот участок языковой картины.

Наконец, третий регулярный акцент связан с языковым выражением эмоции удивления.

Строго говоря, удивление не может считаться оценкой. Однако оно есть впечатление, возникшее от восприятия того, что вышло за границы нормы. А значит, провоцирует субъекта на отношение к вызвавшему удивление явлению/свойству, выделяя их особым образом в окружающей действительности.

Маркированной таким способом в языковой картине мира оказывается фаза Блокирования. Именно с ней, точнее, с удачной попыткой препятствовать обнародованию нежелательной информации, связано удивление действующих лиц:

Истинное чудо, что нынче-то удалось замолчать этакую небывальщину (Декоратор); — Что пассажиры? В курсе? — Весь пароход гудит, но подробности пока мало кому известны <...> Барбос посмотрел на Фандорина и рыжего Психа, удивленно покачал головой: — Однако вы, господа, не из болтливых («Левиафан»).

Еще более отмечена вниманием наблюдателя фаза Осведомленности. К ее наличию в порядке вещей относиться нейтрально:

Осведомленность князя о частной жизни своих ближайших помощников Фандорина ничуть не удивила — успел привыкнуть за годы совместной службы (Статский советник); Я не знал, что Фома Аникеевич осведомлен о Фандорине, но ничуть этому не удивился (Коронация).

Осведомленность может впечатлить лишь до некоторой степени:

Этот ваш японец? – проявил **неожиданную осведомленность** Хуртинский. Хотя **что ж удивляться**, такая у человека служба – все про всех знать (Смерть Ахиллеса).

А может вызвать полную меру удивления, сопровожденного оценочным отношением:

«А верно мне рассказывали, будто вы содержите инвалидку-сестру и отказались отдавать ее на казенное попечение?» Такой осведомленности о своих домашних обстоятельствах Анисий не ожидал, однако, находясь в оцепенелом состоянии, удивился меньше, чем следовало бы (Пиковый валет); Грин знал, что Тимофей Григорьевич имеет своих людишек в самых неожиданных местах, но все равно удивился *такой редкостной осведомленности* (Статский советник).

Смещение удивления по поводу Осведомленности в область оценочности репрезентировано в откровенно положительных высказываниях с использованием компаратива и суперлатива; ср:

Они [«охранники»] **лучше**, чем их синемундирные коллеги, были осведомлены о жизни и настроениях большого города, а для начальства кто осведомленней, тот и иеннее (Статский советник) и:

В грядущем столетии <...> самым дорогим товаром станет осведомленность. Дороже золота, бриллиантов и даже морфия! <...> Великое будущее уготовано осведомленности! (Алмазная колесница-2).

Сказанное подводит к выводу, что на устойчивом оценочном фоне Процесса выделяются три ярких пятна; их цвета опишем как «эксклюзивность информации» (+) – «важность Осведомленности» (+) – и «презренность Осведомления» (–).

ЛИТЕРАТУРА

- Желтухина M.P. Тропологическая суггестивность медиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ / М.Р. Желтухина. М.-Волгоград, 2003.
- Крейдлин Г.Е. Слухи, сплетни, молва гармония и беспорядок / Г.Е. Крейдлин, М.В. Самохин // Логический анализ языка: Космос и хаос: Концептуальные поля порядка и беспорядка. М., 2003. C. 117-157.
- Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. М., 1996.
- Лотман Ю.М. Культура и взрыв / Ю.М. Лотман. М., 1992.
- Осетрова Е.В. Неавторизованная информация в современной коммуникативной среде: речеведческий аспект: Автореф. дис. ... докт. филол. наук / Е.В. Осетрова. Красноярск, 2010.
- Речеведение: теоретические и прикладные аспекты: материалы для обсуждения. Новгород, 1996.

- Соливетти К. Сплетня как геральдическая конструкция (Mise en Abyme) в «Мертвых душах) / К. Соливетти // Toronto Slavic Quarterly: Academic Electronic Journal in Slavic Studies / University of Toronto. No 31. Режим доступа: http://www.utoronto.ca/tsq/30/solivetti30.shtml.
- Тынянов Ю.Н. Сюжет «Горя от ума» / Ю.Н. Тынянов // Тынянов Ю.Н. Пушкин и его современники. М., 1969. С. 347–379.
- Шмелева Т.В. Семантический синтаксис: Текст лекций / Т.В. Шмелева. Красноярск, 1994.
- Шмелева Т.В. Речеведение: в поисках теории / Т.В. Шмелева // Stylistyka VI. Opole, 1997. С. 301–313.
- Шмелева Т.В. Языкознание и речеведение / Т.В. Шмелева // Речеведение в теоретическом и прикладном аспектах. Новосибирск, 1998. С. 101–103.
- Шмелева Т.В. Речеведение' 2000 / Т.В. Шмелева // Речеведение: Научно-методические тетради. Великий Новгород, 2000. № 2. С. 6—19.
- Шмелева Т.В. Словесность в свете интеграции и дифференциации / Т.В. Шмелева // Педагогика, психология, словесность. Великий Новгород. 2005. С. 70–96.

Юлия Васильевна Щурина

Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н.Г. Чернышевского

ИНТЕРНЕТ-МЕМЫ КАК ИСТОЧНИК КОМИЗМА

Русскоязычный Интернет рассматривается и как структурный элемент глобальной Сети, и как особое информационное, социальное, психологическое и лингвистическое пространство [Литневская, Бакланова 2005: 46].

К характерным признакам интернет-среды относят следующие: виртуальность, интерактивность, гипертекстуальность, глобальность, креативность, анонимность, мозаичность [Михайлов В.А., Михайлов С.В. 2009].

Специфика интернет-коммуникации определяется глобальностью масштабов и возможностью практически мгновенного свободного распространения любой информации. Это открытое коммуникативное пространство является почти идеальной средой для существования и развития смеховой стихии.

А.А. Сычев отмечает, что интернет-общение как своеобразная форма массовой коммуникации и всенародная карнавальная жизнь Средневековья в трактовке М.М. Бахтина [Бахтин 1990: 17] имеют ряд общих черт. Прежде всего, виртуальное общение, как и карнавал, характеризуется выходом за пределы обыденности и официальных регламентаций и оформляется особым игровым образом [Сычев 2009]. Игра — одна из превалирующих форм коммуникации в сети Интернет; при этом она выходит за пределы обычного развлечения и формирует характерные качества самого общения: обособленность виртуального пространства и времени от повседневности, свободу самовыражения, наличие добровольно принятых правил (например, этикетных норм), позитивную эмоциональность и т.д. [Там же].

Всю совокупность проявлений феномена игры в общении предлагается рассматривать в качестве особого вида дискурса – игрового дискурса, обладающего набором специфических черт

[Шейгал, Иванова 2008]. Игровой дискурс характеризуется такими признаками, как неутилитарный характер общения, двуплановость, гедонистический характер, преобладание положительной эмотивности и др. [Там же: 19].

Реализация игрового компонента в общении связана с использованием языка как средства достижения субъектом определенных целей (в первую очередь — неутилитарных). Постановка говорящим эстетических или творческих задач предполагает экспериментирование над языком, выведение его за пределы стандарта, нормы, сознательное нарушение существующих прагматических канонов. В большинстве случаев указанные цели (связанные с нестандартным использованием языка) реализуются в виде установки на достижение комического эффекта.

Характерные свойства интернет-общения определяют особые возможности достижения комического эффекта и возникновение новых, специфических для интернет-дискурса форм, видов и источников комизма, природа которых обусловлена действием иных, отличных от используемых в бытовом общении механизмов. «Виртуальная языковая личность крайне креативна в выборе и использовании лингвистических средств общения» [Горошко 2008: 389].

Специфическим для интернет-дискурса источником комического, активность использования которого возрастает в последние годы, можно считать так называемые интернет-мемы. Этим термином обозначают вошедшее в употребление в середине первого десятилетия XXI века явление спонтанного распространения некоторой информации или фразы, приобретшей популярность в интернет-среде посредством распространения всеми возможными способами (по электронной почте, в чатах, на форумах, в блогах и др.), а также саму эту информацию или фразу [http://ru.wikipedia.org/wiki].

Вообще мем (англ. meme) — это идея, образ или любой другой объект нематериального мира, который передается от человека к человеку вербально или невербально, или любым иным способом. Понятие «мем» было введено Р. Докинзом, который впервые предложил концепцию репликатора в приложении к социокультурным процессам [Докинз 1993]. В широком

смысле мем рассматривается как механизм передачи и хранения культурной информации. Мем может видоизменяться внутри носителя, оказывая влияние на него и на общество в целом. Основное свойство мема — способность к репликации, то есть к образованию собственных копий.

Интернет-мем (или интернет-феномен) — единица информации, объект, ранее малоизвестный и, как правило, спонтанно получивший популярность в интернет-среде, распространяясь от одного человека к другому. Т. е. интернет-мемы — это мемы, в продвижении которых ключевую роль играют современные технологии распространения информации. Интернет является настолько важной технологией для мемов, что мемы, активно распространяющиеся посредством него, и получили свое особое название (шутки, анекдоты и прочее успешно распространялись и до изобретения сети Интернет). Спонтанному неконтролируемому распространению от одного интернет-пользователя к другому подвержена не всякая информация, а только та, которая каким-либо образом оставляет многих пользователей неравнодушными к ней, вызывает интерес или порождает какиелибо ассоциации.

Места зарождения мемов — это различные интернет-сообщества (блоги, форумы, чаты, группы в социальных сетях и т.п.). Интернет-мемы отличаются разной степенью локальности, в зависимости от того, какую часть интернет-пространства они покрывают; для всех остальных носителей языка они могут быть совершенно непонятны и, соответственно, не вызывают никакой смеховой реакции.

Первоисточники мема различны: горячая новость в СМИ (*иранские ракеты*), предмет искусства (Джоконда), фильмы (Это Спарта!), персонажи аниме, фразы отдельных пользователей и т.д.

Интернет-мемы можно считать разновидностью прецедентных феноменов. Прецедентные феномены в сжатом виде способны передать информацию о тексте-источнике либо о целом культурном/историческом событии, следовательно, обладают особым типом коннотации, которую можно назвать культурной коннотацией. Наличие культурных коннотаций обеспечивает возможность идентификации прецедентного феноме-

на адресатом. Восстановление культурных коннотаций и определенных ассоциативных связей оказывается необходимым для достижения нужного коммуникативного эффекта, в том числе комического [Щурина 2006: 81–82].

Важным оказывается намеренное сужение фокус-группы, на которую ориентирован интернет-мем и которая может его понять и оценить: это может быть группа пользователей определенного ресурса (к примеру, шутки сайта bash.org.ru изначально были предназначены для программистов и близкой к ним аудитории), группа людей, объединенных рамками профессии или социальными рамками, и т. п. Таким образом, комизм оказывается направленным на особую аудиторию, т. е. это юмор «не для всех», а лишь для тех, «кто понимает». Тем интереснее, когда эффект распространения мема превосходит изначально заданные границы.

Традиционно в интернет-среде от пользователя к пользователю распространялись анекдоты, шутки и ссылки на медиа-объекты развлекательного характера, но специальное внимание на явление, названное этим термином, обратили, когда по тому же принципу стали распространяться не только шутки, но и более сложные образования, в которых вербальные и невербальные элементы образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, направленное на комплексное воздействие на адресата, — мемы-картинки, видеомемы и тому подобные текстовые образования креолизованного типа. Возможности достижения комического эффекта в таких креолизованных текстах определяются органическим взаимодействием вербального и иконического рядов.

Итак, в современном интернет-пространстве активно функционируют следующие типы интернет-мемов: 1) текстовый мем, состоящий из слова/фразы; 2) мем-картинка; 3) видеомем; 4) креолизованный мем, состоящий из текстовой и визуальной части.

Рассмотрим некоторые наиболее известные примеры.

Текстовые мемы – мемы, состоящие из слова или фразы: *Превед, Аффтар жжот, Баян, Британские ученые, Горизонт завален, Донки-Хот, Ктулху, Йа криветко!* и др. Сюда же относятся начинающие или оканчивающие высказывание/

сообщение мемы-фрагменты: Мне одному кажется, что..., <Кто-либо> сегодня отжег..., Читать до конца..., ...Занавес! и т. д. Источник возникновения такого мема – часто обычные пользователи. Так, фраза Всеки ему!, появившаяся на одном из форумов, была произнесена в ответ на вопрос Что мне делать с другом, который каждый день приходит ко мне домой, чтобы поиграть в Line Age 2? Буквально в течение нескольких дней мем стал широко использоваться в интернет-сегменте Камчатского полуострова, а затем распространился гораздо шире. Об активности использования фразы свидетельствуют появившиеся в течение небольшого отрезка времени ее варианты: – Посоветуй ему сделать себе самовсеч!, Однозначно всеч!, Кому-то надо всеч!, Навсекай ему или ей или вообще всему что движется! ВсеЧ! и т. п. В основном данная фраза используется как средство иронии в адрес незадачливых пользователей, решивших задать вопрос на форуме о своих друзьях. Важную роль в активизации фразы в качестве интернет-мема играет массовость – когда одновременно эту фразу пишут десятки или сотни человек.

Можно выделить два основных способа распространения текстовых мемов: 1) непосредственная передача от одного пользователя к другому – когда мем приобретает популярность только благодаря людям, которые его используют; 2) использование специальных интернет-ресурсов – когда популярность мема растет механически за счет его частого использования определенным кругом людей (например, многие мемы возникли благодаря известному сайту bash.org.ru).

Мемы-картинки — существуют в двух основных разновидностях: 1) обычная мем-картинка, в которой главное внимание обращено на визуальную часть, — изображения Ктулху, совы или других узнаваемых персонажей; 2) так называемая «фотожаба» — сленговое название результата творческой переработки изображения графического редактора. В «фотожабе», помимо визуальной составляющей, не меньшее внимание уделяется сюжету. Так, известны «фотожабы» с изображением так называемого «свидетеля из Фрязино». Изображение свидетеля помещается посредством фотошопа на самые разные фотографии с целью получения контраста между этим персонажем и его окружением. Особенно удачными считаются мем-картинки,

на которых свидетель присутствует (но малозаметно) при различных исторических событиях, например, в толпе или выглядывая из-за дерева.

Видеомемы - комические видеосюжеты, которые размещаются на личных страницах пользователей социальных сетей, передаются друг другу, отправляются по электронной почте и проч. Специфика использования заключается в возможности неоднократного воспроизведения, повторного просмотра как самим пользователем, так и совместно с друзьями и т.д. Примечательно, что некоторые видеомемы задумываются и снимаются как пародии, а другие, напротив, становятся источником комизма неожиданно для героя видеозаписи. Например, известный мем Mr. Trololo, источником которого является видеозапись выступления советского эстрадного певца Эдуарда Хиля, сделанная в 1967 году. Певцом был исполнен вокализ, некоторые части которого звучат как «ололо» или «трололо» и воспринимаются как отсылки к современному интернет-жаргону. В 2009 году видеозапись была опубликована на YouTube и стала международным интернет-феноменом.

Креолизованный мем – разновидность креолизованных текстов, «фактура которых состоит из двух негомогенных частей (вербальной языковой (речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [Сорокин, Тарасов 1990: 180]. Как отмечает О.В. Мишина, основными компонентами креолизованного текста являются вербальная часть (надпись/подпись, вербальный текст) и иконическая часть (рисунок, фотография, таблица). В разных типах текстов они встречаются в различных комбинациях [Мишина 2007]. «Доминанту поля паралингвистических средств» креолизованного текста образуют иконические средства, т. е. важнейшим компонентом креолизованного текста является изображение [Морозова 2006].

Так, к креолизованным интернет-мемам можно отнести мем «Филологическая дева» (шутки для филологов). Мем представляет собой изображение Вирджинии Вулф на определенном заданном фоне, сверху и снизу обрамленное фразами. Верхняя фраза является завязкой, нижняя — неожиданной развязкой. Контраст, возникающий при последовательном прочтении двух

фраз, эффект неоправданного ожидания и определяет возникновение комического эффекта.

Например:

Обыгрывается типичная орфографическая ошибка в написании глаголов в безличной форме (3 л. ед. ч.) с мягким знаком. Вторая фраза актуализирует значение омонима «спиться» (совершенный вид глагола «спиваться»).

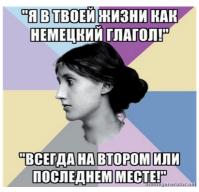

Содержательная часть данных мемов, как правило, связана с филологической или лингвистической тематикой (обыгрываются языковые/речевые ошибки, фрагменты стихотворений, языковые факты и т. п.).

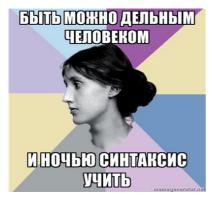
Например:

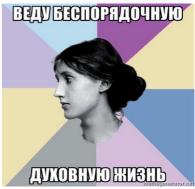
Часто неожиданная концовка известных прецедентных фраз вызывает комический эффект. Для достижения комизма необходимо узнавание адресатом соответствующих прецедентных феноменов.

Отметим, что *Филологи*ческая дева — как и многие другие узнаваемые лица (*Ску*чающий ботан, Кэп и др.)—

чающий ботан, Кэп и др.) — становится самостоятельным мем-персонажем, упоминания о котором, выходя за пределы интернет-среды, распространяются и в бытовом общении, и в других сферах коммуникации. Однако направленность на определенную целевую группу (в данном случае, филологов) при этом сохраняется. Более этого, сужение круга адресатов-«посвященных» способствует повышению значимости мема внутри группы, осознанию его «элитарности», предназначенности только для «избранных».

Источником креолизованных интернет-мемов часто становится специфический комический интернет-жанр – демотиватор. Это составленное по определенному формату изображение, состоящее из рисунка и комментирующей его надписи-слогана. Появление демотиваторов связано с возникновением пародий на мотивационные постеры, или мотиваторы (популярный вид наглядной агитации, предназначенный создать подходящее настроение в школах, университетах, на рабочих местах). Специфика структуры демотиватора заключается в соединении изображения (рисунка, плаката, фотографии) и нестандартной, неожиданной подписи к нему. Для создания и восприятия демотиваторов необходимо не только наличие чувства юмора, но и способность увидеть явления в ином ракурсе.

Надписи на демотиваторах, используемые в них образы и персонажи (Кэп, кот и др.), многократно повторяясь, часто становятся интернет-мемами, обретая независимость. Прецедентный характер демотиваторов обусловлен их культурной значимостью в том или ином сообществе и проявляется как в широком распространении воспроизведения и ссылок на те или иные демотиваторы на сайтах, в блогах, на личных страницах пользователей, так и в цитировании текстового компонента демотиваторов в различных сферах общения вне интернет-коммуникации (в первую очередь, в межличностном неофициальном общении). Так, в общении многих пользователей (преимущественно молодых людей) распространены выражения типа Капитан Очевидность, Капитан снова в деле, Кэп не дремлет,

Кэп с нами, Ну, ты Кэп и т. п., используемые в случаях, когда человек говорит что-то очевидное, обозначая не требующие озвучивания реалии или события. Демотиваторы, в текстовой части которых используются фразы про Капитана Очевидность и отсылки к ним, широко представлены в сети:

В то же время в демотиваторах обыгрываются уже существующие интернет-мемы:

известные ситуации и персонажи, имеющие прецедентный характер, — Анатолий Вассерман, суровые челябинские комары, Шварц, Геннадий Малахов, Фантомас, Юрий Никулин и т.п.

Например:

Для адекватной интерпретации интернет-мемов необходимо совпадение составляющих культурного багажа коммуникантов, общность соответствующих пресуппозиций. Несовпадение элементов апперцепционной базы автора и адресата (незнание адресатом соответствующих рекламных текстов, фразеологизмов, паремий; отсутствие необходимого, хотя бы предварительного, знакомства с литературными источниками, кинофильмами;

незнание исторических или актуальных событий, лозунгов советской эпохи и т.п.) может привести к коммуникативному сбою — отсутствию комического эффекта.

В целом, возможность достижения коми-

ческого эффекта при использовании интернет-мемов любого типа связана с включенностью адресата в контекст, наличием у него определенных предварительных знаний. Этим обусловлена и относительная недолговечность активности мемов. В зависимости от конкретного случая распространение мема занимает от

нескольких дней до нескольких лет. После чего процесс репликации замедляется или останавливается. Наступает период пресыщения — мем вытесняется другими, более свежими мемами, и его стараются более не использовать. Многие мемы исчезают из активного пользования, так и не став известными широкой аудитории. Представляется, однако, что ощущение авторами и адресатами «необщедоступности» мема для понимания, его неизвестности широкой, массовой аудитории, его направленности только на «посвященных» является одной из составляющих механизма достижения комического эффекта.

Литература

- Бахтин М.М. Творчество Ф. Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса / М.М. Бахтин. М., 1990.
- Горошко Е.И. Гендерные аспекты коммуникаций на примере образовательных практик Интернета / Е.И. Горошко // Educational Technology & Society 11(2) 2008. С. 388–411.
- Докинз Р. Эгоистичный ген / Р. Докинз. М., 1993.
- Литневская Е.И. Психолингвистические особенности Интернета и некоторые языковые особенности чата как исконного сетевого жанра / Е.И. Литневская, А.П. Бакланова // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2005. № 6. С. 46–61.
- Михайлов В.А. Особенности развития информационнокоммуникативной среды современного общества / В.А. Михайлов, С.В. Михайлов. Режим доступа: http://russcomm.ru/ rca biblio/m/mihailov-mihailov/shtme.
- Мишина О.В. Средства создания комического в видеовербальном тексте (на материале английского юмористического сериала «Monty Python Flying Circus»): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / О.В. Мишина. Самара, 2007.
- Морозова С.С. Принципы гармонизации смыслов креолизованного текста при переводе / С.С. Морозова // III Международные Бодуэновские чтения: Труды и материалы: В 2 т. Казань, 2006. Т. 1. С. 99–101.
- Сорокин Ю.А. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция / Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов // Оптимизация речевого воздействия. М., 1990. С. 180–181.
- Сычев А.А. Юмор в интернет-коммуникации: социокультурный аспект /A.А. Сычев. Режим доступа: www.abc-globe.com/sichev. htm.

- Шейгал Е.И. Игровой дискурс: игра как коммуникативное событие / Е.И. Шейгал, Ю.М. Иванова // Известия Российской академии наук. Сер. лит. и яз. Т. 67. № 1. 2008. С. 3–20.
- Щурина Ю.В. Прецедентные элементы в структуре малых речевых жанров комического / Ю.В. Щурина // Российский лингвистический ежегодник: Научное издание. 2006. Вып. 1(8). Красноярск, 2006. С. 77–84.

http://ru.wikipedia.org/wiki

Татьяна Васильевна Тарасенко

Сибирский государственный аэрокосмический университет имени ак. М.Ф. Решетнева

ЭТИКЕТНЫЕ РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ СЕГОДНЯ

К теме «Речевые жанры» я обратилась, будучи студенткой филологического факультета Красноярского государственного университета и членом спецсеминара Т.В. Шмелевой в 1985 году, в 1988 г. была написана дипломная работа «Этикетные речевые жанры: опыт описания (Фрагмент обыденной риторики)», а в 1999-м — защищена кандидатская диссертация «Этикетные жанры русской речи: благодарность, извинение, поздравление, соболезнование» [Тарасенко 1999]. В настоящей статье мне хотелось бы остановиться на тех изменениях в функционировании этикетных речевых жанрах (далее — ЭРЖ), которые произошли в последнее время.

Прежде чем говорить об изменениях, вернемся к самому объекту наших рассуждений – ЭРЖ: благодарность, извинение, поздравление и соболезнование. Эти жанры выделены в особую группу по следующим признакам: 1) ЭРЖ представляют собой реакцию на событие, в отличие от таких этикетных жанров, как: приветствие, прощание, объявление, которые являются жанрами-событиями; 2) ЭРЖ представляют собой реакцию на событие с перфектной перспективой, в отличие от таких этикетных жанров, как: просьба, предложение, приглашение, отказ, согласие, угроза, которые являются жанрамиреакциями с футуральной перспективой; 3) ЭРЖ имеют особое языковое воплощение: глаголы-перформативы, выражающие одновременно акт речи и действия. В основу описания ЭРЖ положена концепция речевого жанра М.М. Бахтина [Бахтин 1979] и методика описания речевого жанра Т.В. Шмелевой [Шмелева 1990].

Что изменилось в функционировании ЭРЖ в последнее время и каковы причины этих изменений?

В связи с вручением всевозможных премий: литературных, телевизионных, театральных, кинематографических и т.п. в средствах массовой коммуникации закрепился такой жанр, как ответная благодарственная речь, причем за образец жанра был взят американский аналог, например, при вручении премии «Оскар» [Лихачев 1997]. При этом можно было наблюдать, как происходило освоение данного жанра или неприятие западного образца. Ср. следующие примеры: (1) Лауреатам было заранее предложено написать речи. Справился с этим тяжелым заданием лишь Гандлевский (кстати, совсем недавно он был обласкан и малым Букером). Савельев после долгой паузы устало выдавил одно слово: «Спасибо». А Бакин вообще не пришел, поручив зачитать текст в три строчки своей супруге (газ.) и (2) Господа тривиально шутили, дивы бессловесно раздирали конверты, публика визжала, награжденные благодарили жюри, маму, президента и пускали слезу (М. Арбатова). В первом случае журналист описывает вручение премии Букер современным литераторам и новые этикетные правила церемонии вручения: лауреат после вручения премии должен произнести ответную благодарственную речь. Данная речь должна быть написана заранее, произнесена или прочитана на церемонии вручения самим лауреатом. Итак, предметом обсуждения в СМИ становится нарушение церемонии или несоблюдение жанровой формы. Ответная благодарственная речь – это развернутый текст, состоящий не только из одного стандартного клише «Спасибо»; в ней должны быть упомянуты те лица, имена которых лауреат хочет отметить особо (причем набор лиц может быть стандартным или оригинальным; как показывает церемония вручения «Оскара», американские звезды обычно благодарят Бога, родителей, супругов, съемочную группу). В первом случае обсуждается неявка лауреата на церемонию вручения и перепоручение своих обязанностей супруге. Жанр «ответная благодарственная речь» может включать в себя и невербальные элементы: слезы, поклоны, прижимание рук к груди, воздушный поцелуй, которые обычно функционируют как эквиваленты ЭРЖ благодарности (см. об этом подробнее [Тарасенко 1999: 93]. Свидетельством освоения данного жанра служит и факт свободного продуцирования подобных текстов молодым поколением -

студентами-культурологами на практических занятиях в курсе «Стилистика русского языка и культура речи»: Здравствуйте! Благодарю за оказанную честь, ведь я – первый русский сценарист, получивший столь престижную премию. Хочу поблагодарить семью за поддержку. Маме и папе – отдельное спасибо за рождение столь гениального ребенка. Большое спасибо всем, кто меня любит! Я вас тоже люблю! Или речь аспиранта на вручении государственной премии Красноярского края в октябре 2009 года: Уважаемая Ольга Анатольевна! (О.А. Карлова – заместитель губернатора Красноярского края). От имени лауреатов Государственной премии Красноярского края разрешите поблагодарить Вас и почетных гостей нашей торжественной церемонии за то внимание, которое правительство Красноярского края, законодательное собрание Красноярского края и Вы лично уделяете молодым ученым и специалистам. Это поддержка молодых исследователей – свидетельство иеленаправленной политики, которую проводят Президент РФ, губернатор и правительство Красноярского края. Верю, что мои личные научные планы и планы моих коллег будут полностью реализованы. <...> Еще раз спасибо за поддержку.

В современном российском обществе произошли изменения в семиотике праздников: наравне с советскими праздниками – это Первомай, День Победы, отмечаются даты, которые потеряли свою идеологическую окраску, – День защитников Отечества (23 февраля) и Международный женский день (8 марта); отмечаются старинные русские (Масленица, День Ивана Купалы, Радуница) и христианские праздники (Рождество, Пасха). На площади Котельникова г. Красноярска в апреле этого года симметрично друг против друга висели следующие поздравительные тексты – с одной стороны: 2011 – год Космоса. Поздравляем с Днем космонавтики!; с другой – С праздником Светлой Пасхи!

В молодежной среде закрепились праздники День святого Валентина (14 февраля) и Хэллоуин (31 октября). Следует отметить, что День святого Валентина получил широкое распространение благодаря СМИ. Например: День святого Валентина хорош и тем, что его нет в официальном календаре. А для подарка достаточно какой-нибудь мелочи, которая непременно

должна иметь «знак» Дня влюбленных – сердце. Это может быть самодельная открытка, а в ней несколько нежных слов, коробочка конфет или ароматного чая в форме сердца, вкусный пирог, а впрочем – любая вещь, преподнесенная вместе с «валентинкой» (журн.). Главный атрибут Дня всех влюбленных – это «валентинка», поздравительная открытка в форме сердца или с его изображением. Вот какое наставление дается в молодежном журнале: «Ты, конечно, помнишь, какой самый важный день в феврале. Без сомнения, День святого Валентина! Если тебе приятно радовать своего парня и подружек, делая им маленькие сюрпризы, настало время действовать! В этом месяце не обойтись без валентинок. Хорошо бы соблюсти два условия: валентинка не должна быть слишком дорогой и еще ее принято дарить инкогнито. А значит, ты можещь с утра пораньше бросить в почтовый ящик своего молодого человека или друзей открытку без подписи. Получить валентинку приятно всем без исключения, тем более что кто-то, может быть, еще не нашел себе пару и обречен провести День всех влюбленных в одиночестве» (журн.). В Англии и США «валентинки» – это открытки с уже напечатанными поздравлениямичетверостишиями, которые не требуют дополнительного текста, анонимные. Эта же традиция закрепляется в России, можно купить открытку с текстом, в который нужно только при желании написать подходящее имя, например: Хочу быть с тобой в День Св. Валентина... и всегда! или Неважно, мы счастливы или грустны... или ужасно раздражены... Неважно, богаты мы... или бедны... А важно лишь то, что мы влюблены! Особенность подобных поздравлений в том, что в них не присутствует сама формула поздравления Поздравляю с Днем влюбленных (Днем святого Валентина), которая была бы обязательной в русской традиции. Эта же тенденция наблюдается в поздравительных открытках последних лет, их можно не подписывать от руки, так как текст в них уже присутствует, например, поздравления с Новым годом: Папочка, ты напоминаешь мне Деда Мороза – своим веселым смехом, добрым сердцем... и даже фигурой. С Новым годом! или поздравление с днем рождения: Мама, спасибо, что ты всегда рядом... когда мне так нужна твоя поддержка! С днем рождения!

Первичная и основная сфера функционирования ЭРЖ – обыденная: первичные РЖ реализуются в процессе непринужденного общения; вторичные реализуются в сфере научного, делового, политического общения, а также в художественной речи [Бахтин 1979]. В последнее время наблюдается активное функционирование ЭРЖ в других сферах общения. Причина этого – изменение роли данных сфер общения в жизни рядового носителя языка.

ЭРЖ в деловой сфере общения приобрели новую функцию: они стали одним из элементов рекламной продукции и имиджа, поэтому широко представлены в городской коммуникации. При использовании ЭРЖ рекламодатель преследует особую цель - доставить удовольствие себе и адресату, привлечь внимание потенциального клиента; и таким средством становится щитовая реклама: Поздравляем. 2001. С Новым тысячелетием. Красалка (Красноярский ликеро-водочный завод); С Днем Победы! Петр I (реклама сигарет); С Новым годом! Соca-cola; Банк «Российский кредит» поздравляет с 370-летием Красноярска!; или другие формы: магазинные чеки – Спасибочки за покупочку (на чеке в супермаркете «Красный яр» г. Красноярска); открытки Фирма «Паркер» желает Вам успеха в Новом году! Parker; объявления в маршрутном такси – Cnacuбo, что Вы выбрали наше такси. Кроме этого, ЭРЖ активно используются для создания благоприятного имиджа организации, независимо от формы собственности или муниципального статуса. Например: 29 ноября 23 года Железнодорожному району. С днем рождения, любимый район! (щитовая реклама г. Красноярска); Спасибо, что Вы не курите (объявление в кафе); Уважаемые посетители! Приносим извинения за неудобства в связи с ремонтом бассейна. Будет только лучше, а не хуже! (объявление в фойе бассейна). Интересно, на наш взгляд, наблюдать и случаи «неправильного» функционирования ЭРЖ, например, когда официальная информация соседствует с новогодним поздравлением из повседневной сферы в пределах одного объявления: С Новым годом! С новым счастьем мы спешим поздравить вас! Пожелать здоровья, счастья и поднять бокал за вас! Уважаемые жильцы! Просим вас погасить задолженность по квартилате за год. ЖПЭТ; или случай, описанный в газете:

Необычное поздравительное послание накануне праздника Победы обнаружили в своих почтовых ящиках ветераны, проживающие на одной из улиц Орла. Как выяснилось, поздравил их некто Шмыга, «авторитет» уголовного мира, контролирующий со своей группировкой район, в котором они проживали. В поздравительном послании он заверил, что все фронтовики находятся под его надежной защитой и поэтому могут ничего не опасаться (газ.).

Нельзя не остановиться и на политической сфере общения. В данной сфере ЭРЖ функционировали до 2000 года в качестве элементов тактик предвыборных кампаний. Это было проанализировано нами на примере предвыборной кампании на пост губернатора Красноярского края, проходившей весной 1998 г. Как известно, основная деятельность политика направлена на завоевание и удержание симпатий и доверия электората через создание у населения определенных иллюзий, что знания и убеждения политика как раз соответствуют интересам населения. Имидж политика является одним из средств воздействия на чувства, эмоции и подсознание адресата. На последний этап выборов на пост губернатора вышли два кандидата – В.М. Зубов, действующий губернатор, и генерал А.И. Лебедь. У А.И. Лебедя до губернаторских выборов в Красноярске был имидж «жесткого политика», вызывающий уважение и пользующийся популярностью. В ходе предвыборной кампании к этому имиджу добавился имидж «чужого» (неместного), которому противопоставлялся «свой» (сибиряк) В.М. Зубов. В ходе первого тура выборов произошла корректировка имиджа А.И. Лебедя, генерала представили как политика вежливого, благодарного, внимательного. Одним из таких средств корректировки имиджа стали ЭРЖ благодарности и поздравления. После первого тура выборов всюду появились плакаты: Красноярцы! Спасибо за поддержку! Александр Лебедь; в почтовых ящиках – листовки: По результатам первого тура ясно главное – для 45 человек из 100 я уже не «чужой». Спасибо всем, кто пришел на выборы. Спасибо за доверие. Спасибо за гражданскую позицию. Моя задача – задача чести – не обмануть Вашу надежду. Для многих она – последняя. Я Вас не подведу. А.И. Лебедь. Так как время выборов совпало с майскими праздниками, то были вы-

вешены плакаты, посвященные Дню Победы: С Днем Победы, дорогие ветераны! А.И. Лебедь. В ходе предвыборной кампании весь город был оклеен предвыборными плакатами в самых неподходящих местах, это вызвало негативную реакцию у горожан. Штаб в поддержку А.И. Лебедя выпустил следующую листовку: Дорогие красноярцы! Просим извинить за неудобства, связанные с расклейкой агитационных материалов Лебедя А.И. Из-за информационной блокады, объявленной губернатором, мы вынуждены были это делать. Вы знаете, что мы начали расклейку последними. Мы обещаем, что в день субботника мы очистим город от плакатов всех кандидатов. Штаб поддержки А.И. Лебедя. Можно сказать, что, используя ЭРЖ извинения в тексте листовки, авторы преследуют и косвенную цель – дискредитация другого кандидата через подачу субъективного мнения штаба поддержки в виде объективного факта, не требующего доказательств. Накануне губернаторских выборов в местных СМИ появилась информация о тиражах предвыборных материалов штаба А.И. Лебедя. «По словам специалиста по технологиям управления выборов Ефима Островского (...) только на первом этапе кампании было выпущено 7 миллионов экземпляров газет, более сотни листовок (тиражами от 500 тысяч экземпляров каждая)» (Комсомольская правда. 2002. 11 июня).

В современной практике депутаты, политики используют ЭРЖ как имиджевый элемент, например, депутат Законодательного собрания Красноярского края А.М. Клешко присылает поздравительные открытки преподавателям вузов, которых он знает со студенческой скамьи. Другим примером могут служить поздравления местных чиновников с профессиональными праздниками (С Днем энергетика! или С Днем нефтинка!) работников тех отраслей, которые важны для региона.

В связи с вхождением вновь в коммуникацию рядового носителя сферы церковного общения, в том числе и через СМИ, в храмах появились тексты-инструкции «Как вести себя в храме», где регулируется поведение (в том числе и этикетное) человека, непосвященного в религиозное таинство. Из этой инструкции можно узнать, как следует обращаться к священнослужителю или как правильно извиниться: Если Вы случайно кого-то задели или побеспокоили, Вам нужно извиниться. Сле-

дует извиниться и в том случае, если причиной беспокойства являетесь не Вы.

В светской жизни ЭРЖ служат показателем взаимоотношений известных людей, звезд шоу-бизнеса, политиков и т.п. Например, мнение Галины Вишневской о конфликте с художником Глазуновым. На Глазунова подали в суд, когда узнали, что он сказал в какой-то телепередаче: «Меня упрекают, что мне принадлежит какой-то зал, а вот Собчак Ростроповичу подарил за 60 тысяч (даже не сказал чего) особняк на Неве.» И теперь, мол, мне в Смольном предлагают квартиру в этом доме за 600 тысяч долларов. Он бегает теперь за нами, просит извинения, пишет письма. Звонит по телефону. Когда у Ростроповича был концерт в Москве, то он просто нахально вылез на сцену с букетом роз и повис на шее. Нас потрясла эта ложь Глазунова... (газ.).

ЭРЖ из жанров интимного общения (по линии: автор – адресат) становятся жанрами городской (массовой) коммуникации. Так в Красноярске зафиксирована щитовая реклама с частными поздравлениями: С днем рождения, Аленка; С днем рождения, котенок; С днем рождения, Оксана Юрьевна. В апреле 2002 г. друзья поздравили с днем рождения депутата Законодательного собрания Красноярского края С. Блинова подобным образом: в городе появилось 8 поздравительных щитов, а местные СМИ обсуждали стоимость такого поздравления. ЭРЖ благодарности, извинения, поздравления заняли прочные место на страницах газет, радио и телеэкранов. Стоит отметить, что сейчас изменяется и фактура поздравительных текстов: с газетных полос она перемещается на рекламные стенды, например: Денис и Ира! Совет вам да любовь! Родные (август 2011, г. Красноярск); на световые панно, стены и заборы, любые поверхности и буквально «под ноги» – на асфальте: Наташечка! С днем рождения! 09.07. 2011.

Другим примером появления и освоения новых этикетных форм стал мобильный телефон и Интернет. Сегодня можно сказать, что они вытеснили эпистолярные поздравления (открытки) на периферию общения, это подтверждает и отрывок из частного электронного письма в ответ на новогоднюю открытку: «Спасибо за открытку – Вы из немногих почитате-

лей этого жанра, я давно сошла с дистанции, ограничиваюсь электронной почтой».

СМС-поздравления посылаются точно в день праздника, в отличие от открыток, которые посылаются заранее или вслед, как особый знак. Примеры разных СМС-поздравлений (адресаты разного возраста — от 14 до 60 лет): 1) А. Привет дорогая! Поздравляю тебя с днем рождения, желаю счастья, здоровья, любви и всего самого наилучшего!!! Целую!!!! Б. Тимачка, зайка Спасибки!!!!; 2) А. Поздравляю с новым годом! Пусть начнется новым взлетом к лучшим жизненным высотам и хорошим в банке счетом, принесет в делах согласье, в личной жизни много счастья! Б. Твои бы слова да богу в уши © С Новым годом! 5) Спа-си-бо! Поздравляю тебя, А., В.! Будьте! Пусть год будет добрым, надежным, счастливым! 6) С 8 Марта! Мечты сбываются©; 7) С праздником, чудо-женщина! Весну в мыслях, душе и сердце! 8) Желаю вам, девушки, обновления, любви, любви!

Поздравление посредством Интернета может иметь разные формы: через электронную почту, через соцсети «Твой мир», «Одноклассники», «В контакте» и т.д., но суть этикетного общения остается прежней, меняется скорость доставки, масштаб общения. Сейчас на сайтах «Открытки.ru», «Давно. ru» и т.п. используются специальные электронные открытки, например: 1) (08.03. на сайте «Погода. Mail.ru» Красноярск) Роман Антоненко сообщает: -8°С 08.03.2009 17:47 Красноярочки! С 8 Марта! Счастья, Любви, Долголетия и всего-всего...! А также маленьких россиянчиков!!!; 2) (электронная поздравительная открытка) Т., дорогая, с праздником! Радости, любви, удачи, исполнения даже самых невероятных проектов. Л.; 3) (из электронного письма) Т., с праздником! Желаю Вам побольше радостей из самых разных источников, в том числе неожиданных. И пусть на все хватает здоровья и сил!

Анализ исследуемого материала показал, что ситуации общения, отношения между автором и адресатом в СМС-сообщениях мало отличаются от функционирования этикетных речевых жанрах в повседневной коммуникации, примеры из переписки школьниц 16 лет: 1) А. Привет! Что делаешь? Б. Ем. Спасибо ©; 2) В. Настюх!!!=))) Настюх а ты че покрасилась?

Г. Я по природе блондинка, но уже лет 5 скрываю это))) Как самочувствие? В) Норм! Спасибо большое!!!!!!! А это переписка более взрослых авторов: 3) Здравствуйте. Это Н. Нужна помощь. Срочно нужна однокомнатная квартира. Где-то на полгода. Поделитесь информацией. Заранее спасибо; 4) А. Это Г. Технику с утра устанавливать? Б. Сегодня мне техника не нужна, спасибо за беспокойство; 5) В. Здравствуйте, извините, я сегодня не смогу приехать: отравилась. Г. Выздоравливайте. В. Спасибо. 6) Все получила. Спасибо. Вы завтра на совещание едете? Подвезти? [Тарасенко 2010].

Для англоговорящих пользователей существует сайт извинений scsly sorry, где, по словам издания «F5», «каждый пользователь Интернета может принести извинения кому угодно — маме, бывшей подружке, боссу, человечеству или даже себе», например: *Крис Тиус Дорогой Дружок, мой первый пес. Мне было шесть, и я очень тебя любил. Я так любил тебя, что готов был сделать для тебя все что угодно, лишь бы ты был счастлив. Прости, что я имел отношение к твоей смерти от переедания шоколада. Во-первых, я давал тебе кучу конфет в качестве лакомств, а потом случайно забыл пакет с ними на заднем крыльце. Ты просто не сумел устоять перед таким вкусным шоколадом. Родители нашли тебя несколькими часами позже... Спи спокойно, мой друг (F5. № 32(121). 19.09.2011. http://f5.ru/magazine).*

СМС-соболезнования возможны, пример из переписки коллег: А. Н., передай, что я не смогу прийти на конференцию. Б. Не могу, меня самой не будет. У меня утром умер папа. А. Сожалею. Держись. Извини, не знала.

Итак, изменения в социальной и культурной жизни современного российского общества привели к изменению функционирования ЭРЖ: они функционируют не только в личной сфере коммуникантов; ЭРЖ стали активнее использоваться в таких сферах общения, как деловая, политическая; появились новые формулы и клише ЭРЖ в связи с появлением новых средств общения – мобильного телефона и Интернета.

Литература

- Бахтин М.М. Проблема речевых жанров / М.М. Бахтин // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
- Лихачев Д.С. Историческая поэтика русской литературы: Смех как мировоззрение и другие работы / Д.С. Лихачев. СПб., 1997. С. 208–231.
- Тарасенко Т.В. Этикетные жанры русской речи: благодарность, извинение, поздравление, соболезнование: Дис. ... канд. филол. наук / Т.В. Тарасенко. Красноярск, 1999.
- Тарасенко Т.В. Этикетные речевые жанры в динамике / Т.В. Тарасенко // Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы. М., 2010. С. 214–215.
- Шмелева Т.В. Речевой жанр (Возможности описания и использования в преподавании языка) / Т.В. Шмелева // Russistik. Русистика. Berlin. 1990. №. 2. С. 20–32.

Татьяна Владимировна Кадаш

Издательство «Исрадон», Герцлия, Израиль

Алон Амир

Компания «Дори Медиа От», Тель-Авив, Израиль

«НА УГЛУ ПУШКИНА И ГОРЬКОГО...», или НАЗВАНИЯ УЛИЦ ТЕЛЬ-АВИВА: СЕМАНТИКА И СЕМИОТИКА

Город как текст — одна из популярных тем современной культурологии. Как текст воспринимается и годонимия, причем не только исследователями, но и людьми, принимающими решения по поводу названий улиц, а также жителями города и его гостями. Мы попытаемся в самых общих чертах рассказать о тельавивской годонимии как тексте — о том, как этот текст создавался (и создается до сих пор), как он устроен и как его читают.

Почему из всех городов Израиля мы выбрали именно Тель-Авив? Дело в том, что, так же, как годонимия Москвы стала эталоном для других российских городов, власти израильских городов и более мелких населенных пунктов в своей годонимической политике ориентируются на названия улиц Тель-Авива, выбирая большинство названий из имеющегося «ассортимента». Кроме того, большое количество годонимов (в Тель-Авиве их более 2000) дает возможность получить наиболее полное представление о принципах номинации улиц в Израиле.

Нам представляется, что история Тель-Авива и его годонимии, как и сама годонимическая система, несмотря на существенное различие языков и культур, дает основания для многочисленных и порой неожиданных параллелей с российской годонимией, что может быть интересно не только филологам, но и людям, принимающим решения в области годонимической политики.

Под годонимами мы будем понимать названия всех городских линейных объектов: улиц, переулков, площадей и т.п., — рассматривая их как единую систему и не касаясь годонимической терминологии.

Латинская транскрипция названий улиц приводится по изданию [А Carta Map, 2010]. При толковании годонимов мы использовали справочник, выпущенный мэрией Тель-Авива [Padan, 2005].

Лингвисты выделяют три задачи годонима: дифференцирующую – позволяющую ему отличать свой объект от других; семантическую – способность что-то сообщать об именуемом объекте; семиотическую – фиксирование социально значимых смыслов. [Шмелева 2008]. Система наименований улиц Тель-Авива с самого начала носила семиотический характер, что было обусловлено историей города и страны в целом. Подобно годонимам, существовавшим в России в годы советской власти, названия улиц Тель-Авива не рождались спонтанно в речи горожан, а создавались властями в течение довольно короткого времени, ведь и сам город был построен очень быстро и практически «на пустом месте».

Тель-Авив был основан в 1909 г. как еврейский пригород Яффы, которая была населена преимущественно арабами. Напряженность между арабским и еврейским населением города росла, и евреи основали к северу от Яффы собственный район — Ахузат-Байт, из которого и вырос Тель-Авив — первый современный город, построенный евреями в Палестине. Его строительство воспринималось одновременно как строительство нового мира и как реконструкция заново обретенного мира старого. И названия улиц, по замыслу властей и жителей города, тоже должны были отвечать этой задаче.

История названий улиц Тель-Авива до возникновения государства Израиль описана в работах израильского географа Йорама Бар-Галя [Bar-Gal 1989; 1988]. Названия улицам давала выбранная всеми жителями Ахузат-Байта комиссия, предложения которой обсуждались на общем собрании. Как правило, улицы называли в честь знаменитых людей. Сам этот принцип, по всей видимости, не вызывал возражений — споры возникали только по поводу конкретных «кандидатур». Так, уже в первый год существования Ахузат-Байта группа жителей улицы, носившей имя врача, философа и сиониста Пинскера, обратилась в комиссию с просьбой о присвоении их улице имени барона Ротшильда — представителя знаменитой еврейской династии банки-

ров, принимавшего активное участие в организации еврейских поселений в Палестине: «Мы не согласны с названием Пинскер, которое дали нашей улице. Наш главный довод заключается в том, что мы не считаем покойного доктора Пинскера настолько выдающейся личностью, чтобы назвать его именем улицу. Мы просим назвать нашу улицу именем Ротшильда, основателя еврейских поселений, и смеем предположить, что это будет способствовать сближению барона и сионистского движения» [Ваг-Gal 1988: 119]. (Здесь и далее перевод наш. – T.K., A.A.) Вскоре одна из улиц действительно была названа именем Ротшильда.

Уже на собрании жителей в 1910 г. были предложены общие принципы наименования улиц. Среди них были:

- 1) использование для названий улиц только языка иврит (это требование было отнюдь не очевидным, т.к. в то время государства Израиль с государственным языком иврит еще не существовало и не все еврейские жители Палестины говорили на иврите);
 - 2) краткость;
- 3) использование имен исторических личностей [Там же: 120].

После Первой мировой войны город стал расти. Возникла потребность в большом количестве названий для новых улиц. Жители города и даже представители еврейских общин вне Израиля оказывали давление на комиссию, предлагая имена наиболее достойных. Среди них было немало известных людей, в том числе и живущих в то время. Пытаясь упорядочить и регламентировать процесс наименования улиц и избежать давления со стороны общественности, комитет принял решение, во-первых, не называть улицы именами живущих людей, вовторых, предпочитать именам людей названия местных исторических и географических объектов. [Ваг-Gal 1989: 43].

Следующий этап формирования годонимической системы Тель-Авива начался в 1934 г., когда комиссию по наименованию улиц возглавил писатель и журналист Аарон Зеев Бен-Ишай, решивший систематизировать названия улиц. Он рассматривал Тель-Авив как символ возрождения еврейского народа на своей Родине и хотел, чтобы названия улиц «отражали историю еврейского народа на земле Израиля». По замыслу Бен-Ишая, «прогулка по Тель-Авиву от северной его границы, Яркона, по направле-

нию к центру должна быть путешествием по периодам рассеяния и возвращения народа Израилева. Такая экскурсия будет иметь особое воспитательное значение в молодом Тель-Авиве, который сам по себе не имеет древней истории» [Там же: 45]. Бен-Ишай предложил называть улицы по кустовому принципу. Тематикой «кустов» должны были стать периоды истории евреев и Израиля. У этого предложения был и прагматический аспект: кустовой принцип должен был помочь ориентироваться в городе. Так, в северо-восточной части Тель-Авива улицы предполагалось назвать именами людей, способствовавших расширению границ Израиля в разные эпохи. Среди них были царь Давид, царь Соломон, Хасмонеи и др. Рядом был куст наименований по названиям древних городов земли Израилевой – Иерихона, Мицпы и Гезера. Улицы северо-западной части должны были носить имена пророков – Исайи, Иеремии и др. План Бен-Ишая был одобрен комиссией и в той или иной мере воплощался в жизнь на протяжении нескольких ближайших лесятилетий.

По всей видимости, несмотря на стремление Бен-Ишая увековечить непреходящие национальные ценности, споры вокруг имен недавно скончавшихся современников, достойных попасть на годонимическую «доску почета», не утихали, т.к. в 1942 г. городской совет принял новые правила, разработанные комиссией по наименованиям. В этом документе, в числе прочего, указывалось, что имена людей могут рассматриваться только через 2 года после их смерти. Предлагаемые имена должны представлять ценность для всего народа. Кроме того, правила рекомендовали отдавать предпочтения «символическим названиям», связанным с еврейской историей, а также названиям объектов природы и ландшафта [Там же: 47].

Нетрудно догадаться, что в результате описанной годонимической политики, реализующейся до сих пор, современная система названий улиц Тель-Авива в целом является семиотической. Только единичные годонимы выполняют лишь семантическую задачу, будучи полностью свободными от семиотической нагрузки, как, например $Hagina\ (Ca\partial u\kappa)$: так называется переулок, идущий вдоль небольшого садика.

Гораздо чаще годоним, являющийся по своему характеру семантическим, т.е. несущим информацию о «своей» улице,

выполняет также семиотическую задачу. Так, улица, расположенная рядом с рынком, носит имя *Aluf Batzlut* (*Генерал лука*), отсылая к названию поэмы Х.-Н. Бялика «Генерал лука и генерал чеснока». Таким образом, годоним одновременно метонимически указывает на местонахождение улицы (продуктовый рынок, где, помимо всего прочего, можно купить лук), и сообщает о ценимом обществом человеке — знаменитом еврейском поэте и прозаике, писавшем на иврите и идиш и жившем в Тель-Авиве.

Наиболее обширную группу представляют так называемые семиотические годонимы; в них фиксируются ценимые обществом понятия, события, лица [Шмелева 1991]. В Тель-Авиве такие названия складываются в довольно стройную систему — своеобразную «еврейскую энциклопедию», охватывающую широкий временной и пространственный диапазон. Пожалуй, основные черты этой системы — ее универсальность и национальная ориентированность. Названия улиц можно разделить на следующие тематические группы:

- 1) еврейская история от древних времен до наших дней;
- 2) еврейская культура и религия;
- 3) география Израиля;
- 4) природа Израиля;
- 5) история государства Израиль;
- 6) еврейские и израильские учреждения и организации;
- 7) различные виды человеческой деятельности и связанные с ними орудия и материалы;
 - 8) мировая культура.

Среди названий улиц Тель-Авиве представлены как демонстративы – годонимы, предъявляющие обществу определенные ценности, так и меморативы, назначение которых – увековечивание ценимых обществом личностей и событий [Там же].

Как и следовало ожидать, часть **демонстративов** Тель-Авива связана с возрождением государства: Am Israel Hai (Haрод Израиля жив), Hamedina (Государство), Hatehiya (Воскресение), Hatekuma (Возрождение), Котетіуит (Независимость), На'aliya (Алия, т.е. репатриация евреев в Израиль), Hatzionut (Сионизм), а также с иудаизмом: Moshi'a (Спаситель, Мессия), Netzah Yisrael (одно из имен Бога — Вечность Израиля). В тель-авивской годонимии представлены также предприятия и организации, сыгравшие роль в становлении государства: еврейское агентство «Сохнут», спортивное общество «Маккаби», сионистские фонды «Керен а Есод» и «Керен Каемет» и др. Не забыто и общество «Ахузат Байт», давшее начало городу. О борьбе за независимость напоминают улицы, названные в честь тайной военной организации «Хагана», которая после образования государства Израиль стала основой его армии, а также военных организаций «Эцель» и «Лехи». Об «армии, которая всегда воюет» напоминают также улицы, названные в честь бригад армии Израиля — «Гивати» и «Кирьяти».

Евреи называют себя «народом Книги», и это тоже отразилось в названиях тель-авивских улиц. Несколько десятков улиц носят названия книг (в основном написанных выдающимися раввинами разных эпох) и еврейских периодических изданий.

Около 10 % всех годонимов связаны с географическими названиями. Можно сказать, что на карте Тель-Авива представлена в миниатюре вся карта Израиля. Здесь есть и города, например Ашдод, Ашкелон, Бер-Шева, Бат-Ям, Димона, Гедера, и небольшие поселения — мошавы и кибуцы. Некоторые из этих названий, видимо, призваны продемонстрировать «необъятные просторы» страны, а некоторые увековечивают бои, которые шли в этих местах во время войны за независимость [Azaryahu 1993]. В список тель-авивских годонимов вошли и такие значимые для еврейской и израильской истории объекты, как горы Синай, Сион и Кармель, Голанские высоты, Галилея.

«Карта Израиля» разворачивается не только в пространстве, но и во времени: некоторые улицы связаны с темой исторической памяти и увековечивают древние города и поселения. Среди них города Коразим, Гезер, Гуш-Халав, крепости Масада и Иродион.

Очень небольшая часть улиц (около десятка) носит имена стран и городов, находящихся за пределами Израиля. Некоторые из них (Кордова, Франкфурт, Вильно) демонстрируют единство еврейских общин разных стран [Bar-Gal 1989: 46]. Годоним Вигта (Бирма) увековечивает эпизод войны за независимость, с которой он связан с помощью целой цепочки метафор и метонимий: улица названа так в честь дороги, по которой доставлялись провизия и боеприпасы в осажденный Иерусалим; эта дорога была

так трудна и опасна, что ее сравнивали с так называемой Бирманской дорогой, через которую во время Второй мировой войны в блокированный Китай поступала американская помощь.

«Путеводитель по Израилю» дополняют годонимы, связанные с его флорой. На карте города представлен целый парк. Здесь есть и деревья, являющиеся своего рода атрибутами Израиля (dekel – пальма, hashikma – сикомора, hashita – акация, fikus – фикус, habrosh – кипарис), и растения, издавна возделывавшиеся в сельском хозяйстве (например, hazayit – олива, hahita – пшеница, hashifon – рожь, harimon – гранат, hatamar – финик), и растения, использующиеся в обрядовых целях (ha'etrog – этрог, особый вид цитрусовых). Довершает картину цветочная «клумба»: атпоп vetamar – анютины глазки, dam hamaccabim – бессмертник, halotus – лотос, hatziporen – гвоздика, hinanit – маргаритка, ра'атопіт – колокольчик, seifan – гладиолус, hakalanit – анемона, hanarkis – нарцисс и др.

Особую часть этого годонимического «гербария» составляют довольно редкие растения, растущие в Израиле, такие как *ahiluf – биарум пирами*.

Среди демонстративов немало годонимов, представляющих почитаемые обществом группы людей. Большую их часть составляют еврейские общины различных стран (Австралии, Канады, Бразилии) и городов (Будапешта, Черновиц, Киева, Львова, Кракова, Одессы, Житомира, Варшавы и др.). Представлены также hama 'apilim — нелегальные penampuaнты в Палестину в период британского мандата, hanesi 'im — главы Синедриона во время Второго храма, hanevi 'im — пророки, mordei hageta 'ot — повстанцы гетто (герои гетто, восстававшие против нацистов во время Второй мировой войны). О войнах напоминают улицы Накоvshim — Завоеватели, Hatayasim — Летчики, Hatzanhanim — Парашютисты.

Идея всеобщего труда была для отцов государства Израиль одной из основных. Отразилась она и в годонимии: к ней отсылают названия улиц, связанные с разными областями трудовой деятельности. Открывает список улица Ha'avoda~(Paбoma). Другие улицы носят названия орудий труда (Hahermesh-Koca, Hapatish-Monom, Hapelech-Bepemeno, Hamehoga-Циркуль), профессий (Hamasger-Cnecapb). Цель *меморативных* годонимов – увековечить значимые для общества имена людей, события, даты. Такую задачу выполняют около половины названий улиц Тель-Авива. Подавляющее большинство таких годонимов увековечивают имена людей, связанных с еврейской историей и историей государства Израиль. Среди них библейские персонажи, известные раввины Древнего мира и Средневековья, еврейские писатели и ученые, жившие до возникновения сионизма. Что касается деятелей эпохи сионизма, то большинство улиц названы именами «отцов» государства Израиль (Герцля, Жаботинского, Бен-Гуриона и др.), а также еврейских и израильских политиков различного ранга.

На тель-авивской «доске почета» представлены также еврейские и израильские писатели, актеры, художники и скульпторы, ученые.

О трагедии еврейского народа во время Второй мировой войны напоминают улицы, названные в честь руководителя восстания в Варшавском гетто Мордехая Анелевича, немецкого промышленника Оскара Шиндлера, спасавшего евреев от нацистов, и др.

Отдельную главу «книги памяти» составляют имена военных, в том числе героев, погибших в войнах Израиля.

«Своих» улиц удостоились и зарубежные деятели, сыгравшие большую роль в становлении государства Израиль или посетившие его. Среди них английский фельдмаршал Алленби, английский политик Артур Бальфур, король Великобритании Георг V.

Особое место уделено людям, чьи жизнь и деятельность были связаны с Тель-Авивом: это мэры города, землевладельцы, раввины города и т.п.

Наконец, небольшая часть «почетного списка» посвящена ценимым в Израиле деятелям мировой культуры. В их число входят Аристотель, Ибн Сина, Данте, Микеланджело, Рембрандт, Ганс Христиан Андерсен, лорд Байрон, Ламартин, Виктор Гюго, Эмиль Золя, Луи Пастер, Пушкин, Горький, Короленко.

Среди имен меморативного типа есть и такие, которые увековечивают события, значимые для истории Израиля. Среди таких годонимов – *Bet Benovember* (2 ноября – в этот день в 1917 г. была подписана декларация Бальфура о создании в Палестине национального очага еврейского народа).

Для годонимической системы важно и расположение улиц по отношению друг к другу. В Тель-Авиве распространен кустовой принцип именования улиц. Так, улицы старой Яффы носят имена знаков зодиака; есть куст наименований, посвященный мировой культуре (рядом находятся улицы, носящие имена Песталоцци, Ромена Ролана, Пушкина, Горького, Микеланджело). Так же сгруппированы улицы, названия которых связаны с разными видами труда и творчества; темой «куста» может быть определенная группа лиц (раввины-сионисты, генералы, композиторы, актеры и т. п.).

Надо заметить, что семиотическим названиям тельавивских улиц отнюдь не чужда семантичность. Так, например, улица, на которой жил поэт Бялик и где сейчас расположен его дом-музей, называется его именем; площадь, на которой был убит премьер-министр Израиля Ицхак Рабин, была впоследствии переименована в площадь Рабина. Улица, идущая вдоль Яффского порта, носит семантическое название Namal Yafo – Яффский порт. Портовая тематика метонимически обыгрывается в названиях улиц, расположенных рядом: Hatzedef – ракушка, Hadolfin – дельфин, Hashahaf – чайка, Hatoren – мачта, Hamifras – парус, Hamalahim – матросы, Rav Hahovel – шкипер, Накавагпіт – капитан. Все эти годонимы являются одновременно семиотическими (демонстрируя положительное отношение к труду моряков и являясь «позитивами» с пляжно-морской тематикой) и семантическими (указывая на близость порта).

А как воспринимают названия тель-авивских улиц те, кто ими пользуется, т.е. жители города? Отметим, что и для них годонимия является прежде всего семиотической системой – энциклопедией израильской жизни, в которую каждый хочет быть вписанным, или, точнее, пирогом, который должен быть справедливо поделен между всеми группами населения. Недостаточная представленность в годонимии той или иной части общества нередко становится предметом дискуссий и поводом для обращения к городским властям для «восстановления справедливости» — пусть даже в ущерб прагматике уличных имен. Так, на сайте газеты «Едиот Ахронот» (06.03.2006) была опубликована статья под названием «Там, где улица Обделенных пересекается с улицей Дискриминации» [http://www.ynet.co.il/

аrticles/0,7340,L-3224156,00.html]. Ее автор, Ронен Таль, констатирует, что из 2500 улиц Тель-Авива лишь 60 названы именами женщин. Таль рассказывает об экскурсоводе Эйлат Эйлон, которая обратилась в мэрию Тель-Авива с просьбой назвать улицы в честь ряда женщин, внесших вклад в становление государства Израиль. Когда из мэрии ответили, что в городе нет достаточного количества улиц, чтобы удовлетворить все просьбы такого рода, Эйлон предложила «взять слишком длинные улицы и разделить их». Представители мэрии предположили, что жители этих улиц не захотят менять адреса, но Эйлон возразила: «Когда улицу Петах-Тиква переименовали в улицу Бегин, а улицу Хайфа – в улицу Намир, через полгода люди привыкли».

21 сентября 2010 г. на сайте mynet, где освещаются вопросы жизни в Тель-Авиве, появилась статья с характерным заголовком «Увековечение в Тель-Авиве? Без женщин, арабов и выходцев из восточных стран». Ее автор Моран Азулай пишет: «Комиссия по увековечению и наименованиям остается в своем амплуа: она одобрила 9 новых названий улиц и площадей в честь евреев, мужчин, выходцев из западных стран». Автор обвиняет членов комиссии в дискриминации арабов, женщин и евреев из восточных стран [http://www.mynet.co.il/articles/0,7340,L-3957012,00.html].

Бывают, правда, и обратные случаи, когда жители города отстаивают прагматический принцип именования улиц, а представители мэрии настаивают на семиотическом. 16 ноября 2009 г. сайт газеты «Гаарец» опубликовал статью Юваля Азулая «В северном Тель-Авиве не хотят мрачных названий улиц» [http://www.haaretz.co.il/news/education/1.1290329]. Жители улицы Kdoshei Hasho'a (Жертвы Холокоста) не раз обращались в мэрию с просьбой поменять название их улицы, которое представляется им «мрачным и траурным». Высказывались опасения, что такое название может понизить стоимость квартир. Председатель Комиссии по увековечению и наименованиям ответила на эти просьбы следующее: «Ко мне не раз обращались с просьбой поменять название этой улицы на более жизнерадостное. Но мы отклонили все эти просьбы. Ведь существует улица с названием Olei Hagardom (Взошедшие на эшафот, Повешенные – 12 казненных бойнов еврейского подполья в Палестине

времен британского мандата), и на ней тоже живут люди. Это не должно быть проблемой. У еврейского народа есть история, и ее надо увековечивать всевозможными способами. Я нахожу, что было бы неправильно удовлетворить эту просьбу». Далее председатель комиссии пожаловалась на недостаток улиц, которым можно дать имена знаменитых людей, и высказала надежду, что размах строительства в северном Тель-Авиве предоставит такую возможность. Также она сообщила, что на ближайших заседаниях комиссия планирует рассмотреть увековечение недавно скончавшихся знаменитостей — актеров, певцов и композиторов.

Таким образом, мы видим, что отношение к годонимии как семиотической системе довольно прочно укоренилось в Израиле и в конфликте прагматики и семиотики чаще всего побеждает последняя.

Литература

- Шмелева Т.В. Современная годонимия: семантика и семиотика / Т.В. Шмелева // Лингвистическое краеведение. Пермь,1991. С. 33–37
- Шмелева Т.В. Улицы Красноярска. Опыт лингвистического описания. (Архив кафедры русского языка).
- Шмелева Т.В. Советское наследие в новгородской годонимии / Т.В. Шмелева // Советская культура в современном социопространстве России: трансформации и перспективы. Екатеринбург, 2008. Режим доступа: http://elar.usu.ru/handle/1234.56789/1797.
- A Carta Map. Tel-Aviv with Ramat-Gan, Givataim and Bnei-Brak. Jerusalem: Carta, 2010.
- Azaryahu M. Bein shtei arim: antzahat ha'atzmaut be Haifa ve be Tel-Aviv / M. Azaryahu // Cathedra. Vol. 68. 1993. PP. 98-126
- Bar-Gal Y. Naming city streets a chapter of the history of Tel-Aviv, 1909-1947 / Y. Bar-Gal // Contemporary Jewry. Vol. 10. №2. 1989. PP. 40-49.
- Bar-Gal Y. Shmot lerechovot Tel-Aviv: perek behistoria tarbutit ironit (1909-1933) / Y. Bar-Gal // Cathedra. Vol. 47. 1988. PP.118-131
- Padan Y. Tel-Aviv Yafo. Madrih Harehovot. Tel-Aviv: Hotza'at iriyat Tel-Aviv-Yafo, 2005.

Ирина Григорьевна Маланчук

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

СООТНОШЕНИЕ СИСТЕМ РЕЧИ И ЯЗЫКА В КОММУНИКАТИВНОМ СОЗНАНИИ по данным эмпирического исследования детской речи

Проблема речи в ее собственной феноменологии, дифференциации от системы и форм (средств) языка в последние 25 лет стала особенно актуальной в отечественном языкознании и речеведении в связи с изучением речевых жанров, прежде всего, в научных школах Т.В. Шмелевой [Шмелева 1990; 1994; 1995; 1997; Маланчук 1994; 1995; Осетрова 2003; 2010; Подберезкина 1996; Тарасенко 1999; Щурина 1997, Сперанская 1999 и др.], К.Ф. Седова [Седов 1999; Дементьев 2002; см. также Жанры речи 1997-2009], а также некоторыми другими исследователями (А.Н. Барановым, Г.И. Богиным, Е.Н. Гуц, Н.М. Кожиной, Т.В. Матвеевой, О.Б. Сиротининой, В.А. Салимовским, М.Ю. Федосюком). Однако и в исследованиях речевых жанров доминирующим остается лингвоцентрический подход: жанр определяется как стандартная языковая форма передачи типизируемого содержания [Карасик 1992: 22]; «вербальное оформление типичной ситуации социального взаимодействия» [Седов 1999: 15].

Эволюционно-генетический и онтогенетический подходы к исследованию форм речи позволяют утверждать изначально внеязыковой, но знаковый характер речи как совокупности речевых («вокально-речевых», в современной психофизиологической интерпретации) единиц и врожденный характер речи; интеграцию языковых средств в формы речи и взаимоинтегра-

цию речи и языка в их собственных возможностях и ограничениях; реализацию интенциональных комплексов в высказывании на уровнях речи и языка; постулируем также корреляцию речежанровой семантики с просодическим комплексом в его звуковысотной, временной и интенсивностной динамике [Маланчук 2009; 2011].

Проведенное нами эмпирическое исследование систем речевых жанров в динамике детского возраста (1–8 лет) позволяет, в частности, разграничить речь и язык как специфические знаковые системы, а также установить уровень их интеграции при продуцировании высказывания. Анализ проведен в отношении сегментов высказывания, идентифицируемых как те или иные речевые жанры (более 7000 единиц); при этом задано 37 параметров анализа (расшифровка содержания параметров дана ниже при описании результатов математикостатистического анализа).

Кластерный анализ по методу одиночной связи, или ближайшего соседа, предпринятый нами в отношении всего массива данных (см. ниже рис. 1), показывает, что один из кластеров составляют – с увеличивающейся дистанцией связи внутри него – параметры, отражающие прагмасемантическую составляющую высказывания, а именно: тип жанра 2 (инициативное/ответное высказывание), тип жанра 3 (прямой/косвенный), ситуация (естественной коммуникации или игры), прагматическая ситуация (определяемая нами через тип адресата), а также потребность 9 (выразить свое состояние, мысль), коммуникативный статус говорящего (по сравнению с адресатом высокий или низкий), наконец, пол говорящего. Это, на наш взгляд, означает, что при продуцировании высказывания эти факторы целостной коммуникативно-речевой ситуации, вероятнее всего, определяют последующую программу развертки сообщения (от форм 0-речи, вокализаций до сложной структуры вербальных высказываний) и задают соотношение реализуемого высказывания с ними. Это подтверждает тот факт, что, по результатам данного вида анализа, все виды рефлексии «стянуты» во второй кластер, представленный параметрами R0-R9 и П1-П8, П10-П11, а также параметрами «ошибок», характеризующими особенности реализации речи – языка с

точки зрения адекватности высказывания условиям и характеристикам прагматической ситуации, а также выражаемому содержанию (замыслу – в самом широком смысле слова, а не только как намерению в отношении партнера по коммуникации, которое выражается, прежде всего, средствами и определенными характеристиками речи).

Вероятнее всего, что данные в отношении П9 (потребность выразить себя, свое состояние), входящей в другой кластер, означают, что наличие социального существа или квазисоциального объекта как потенциального адресата высказывания запускает механизм речи как, прежде всего, возможности выразить себя при формировании специфической интенции, направленной на другого. Это подтверждает следующий наш теоретический постулат: экспрессивная речь актуализируется в ситуации присутствия другого в пространстве, субъективно определяемом как коммуникативное. Можно предполагать также, что первоначально актуализируются определенные типы жанров – инициативный или ответный, а также прямой или косвенный, характеризующие реальность коммуникативных ролей партнеров, их «психологический вес» в организации речевого взаимодействия.

Полученные результаты также показывают, что два обсуждаемых кластера объединяются значимым для реализации потенциального высказывания фактором адресата как конкретного лица или конкретного объекта адресации, и далее фактором «тип жанра 1» (с его потенциалом реализовывать конкретную, «уточненную» интенцию говорящего в отношении адресата). Это может означать, что именно эти два параметра ситуации речи – высказывания являются интеграторами структур и характеристик высказывания, актуальных на этапе, предшествующем моторному акту звукопроизводства, и генерализованными факторами моторной реализации высказывания, когда высказывание можно квалифицировать как конкретный речевой жанр. Последнее отражено в структуре дендрограммы: как видим, параметр «жанр», отражающий жанровую специфику высказывания уже не с точки зрения его принадлежности к тому или иному типу, а в тонко дифференцированной жанровой семантике, объединяет, наряду с

параметром возраста, все последовательно образовавшиеся кластеры.

Сказанное позволяет предположить, что множество смыслов потенциального высказывания, смыслов иерархически организованных, «заполняют» или организуют речежанровую форму высказывания – в его конкретном содержании, соотносимом с генеральной интенцией автора (императивного, оценочного, информативного, перформативного, аффективноэкспрессивного характера). Поэтому важным в отношении темы статьи является то, что тесную связь обнаруживают такие параметры высказывания, как П8 (потребность изменить ситуацию, привлекая партнера по речи, и в том числе изменить характер взаимодействия с партнером), П1 (потребность в социальном существе), R9 (рефлексия высказываемого содержания), R8 (речевая рефлексия по поводу коммуникативных правил), параметр ПЗ (потребность в позиционировании), образующий группу с R6 (рефлексия речевой стратегии), и через П2 (потребность во внимании) и П10 (потребность в сотрудничестве) - с «прагмасемантическим» кластером. Таким образом, тесную связь обнаруживают факторы ситуации речи, задающие 1) возможность реализации речи 2) с определенным коммуникативным намерением. Отметим здесь, что речевая стратегия и теоретически, и эмпирически соотносится с понятием и феноменом речевого жанра, а возникновение рефлексии по поводу речевой стратегии (как частной, так и генеративной) означает, что ребенок оценивает последовательно предъявляемые фрагменты целостного высказывания с точки зрения их адекватности своему генеральному коммуникативному намерению.

Заданы параметры:

возраст (на рисунках – ВОЗРАСТ; далее в скобках также указаны обозначения параметров на рисунках); пол (ПОЛ); коммуникативный статус говорящего (КОМ_СТАТ); социальная роль адресата (АДРЕСАТ; реализуется в 16 выявленных в детских текстах позициях: Ребенок, Мать, Отец, Бабушка, Дед, Воспитатель, Другие взрослые, <говорение> Себе (автокоммуникация), Игрушка, Животное, др.); тип прагматической ситуации в аспекте взаимодействия автора и определенного типа

адресата – конкретного, потенциального и др. (ПРАГМ СИТ); форма социального взаимодействия (естественная коммуникация/игра; СИТУАЦИЯ); речевой жанр (ЖАНР); типы жанров 1, 2 и 3 (императивный/информативный/оценочный/перформативный/экспрессив; ответный/инициативный; прямой/косвенный. На рис. обозначены ТИП Ж1, ТИП Ж2, ТИП Ж3); типы коммуникативно-связанных потребностей (11 зафиксированных нами по детским текстам типов потребностей. Обозначены символами П1-П11, содержание их расшифровано далее при анализе взаимодействующих мотиваторов речи, полный список типов потребностей см. в: [Маланчук, 2009]); типы рефлексии: автоматизм/отсутствие автоматизма при реализации высказывания (R0); языковая рефлексия (фонетическая, лексическая, словообразовательная, синтаксическая, грамматическая – R1-R5 соответственно); речевая рефлексия (фиксируется наличие/отсутствие речевой рефлексии в отношении речевой стратегии, осознания особенностей использования формы речи и рече-коммуникативных правил – R6-R8); рефлексия содержания, передаваемого вербальными средствами (R9); уровни связности вербального текста – прагматический, коммуникативный, семантический, а также особенности («ошибки») связности (СВЯЗ ОШ1 – СВЯЗ ОШ3); наконец, ошибки языковые, речевые, логические (ошибки содержания) по сравнению с речеязыковой нормой (ЯЗЫК ОШ, РЕЧ ОШ, СОД ОШ).

Представленные данные обнаруживают также определенную связь типической структуры речи («тип жанра 1») и ее реализации в конкретном жанре («жанр») с возрастом ребенка (см. рис. 1).

Кластерный анализ по методу полной связи, или дальнего соседа (см. рис. 2), дает чрезвычайно важные результаты, подтверждающие изложенное выше: один из кластеров также составляют прагмасемантические характеристики минимальных фрагментов высказывания (первичных речевых жанров, в нашей трактовке) — типы жанров 2, 3 (инициативные/ответные и прямые/косвенные жанры соответственно), ситуация (естественной коммуникации/игры), прагматическая ситуация (заданная типом адресата), которые обнаруживают тесную связь с П9 (потребность выразить свое состояние, мысль) и

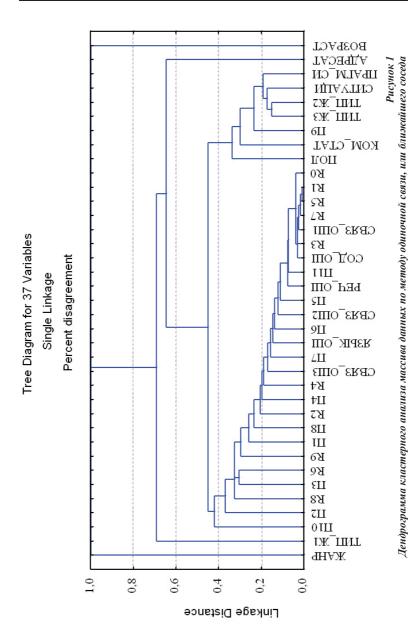
далее — с подгруппой пол — коммуникативный статус говорящего по отношению к адресату. Данный кластер оформляется связью названных факторов с фактором адресата (имеется в виду конкретный адресат) и типом жанра 1 (императивный/информативный/оценочный/др.). Таким образом, если обсуждать продуцирование высказывания и моторную часть речевого акта, в их основе лежат факторы взаимодействия потенциального автора и потенциального адресата в их характеристиках, потребность потенциального автора выразить свои состояния, мысли, а также выбор речевых форм в их типических характеристиках, позволяющих ребенку сделать первичную грубую «прикидку» речевой формы к характеристикам прагматической ситуации.

Тесная связь описанного кластера фиксируется с такими характеристиками высказывания, как жанр, а также возраст. Менее тесная связь «прагмасемантического кластера» – жанра – возраста обнаруживается с другим сложно организованным кластером. Он формируется рядом подгрупп:

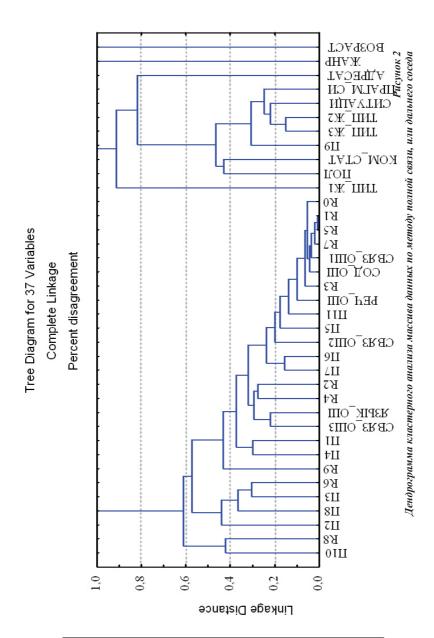
R1 (фонетическая рефлексия) — R5 (грамматическая рефлексия) — R7 (рефлексия жанра — формы высказывания) — ошибка связи 1 (связь конситуация — текст) — ошибка содержания — R0 (факт автоматизма реализации высказывания или его нарушения) — R3 (словообразовательная рефлексия). Через речевую ошибку эта группа связана с П11 (потребность в идентификации) — П5 (потребность в материальном объекте) и далее — через ошибку связи 2 (коммуникативная ошибка) — с подгруппой П6 (потребность предотвратить потенциальный ущерб) — П7 (потребность изменить свое эмоциональное состояние);

связанные между собой подгруппы формируются факторами R2 — R4 (рефлексии лексическая и синтаксическая соответственно) и языковой ошибкой — ошибкой связи 3 (семантическая), посредством которых подгруппа 1 связывается с П1 (потребность в социальном существе) — П4 (потребность в информации) и далее — с R9 (рефлексия содержания);

группа ПЗ (потребность в позиционировании) – R6 (рефлексия речевой стратегии) посредством связи с П8 (потребность изменить ситуацию, в том числе коммуникативную) и П2 (потребность во внимании) связана с кластером, образованным подгруппами 1 и 2;

172

173

образование кластера завершает подгруппа $\Pi10$ (потребность в сотрудничестве) — R8 (рефлексия коммуникативных правил); ее связь с подгруппами 3 и 1-2 задает связь кластера с прагмасемантическим кластером, а также жанром и возрастом.

Таким образом, результаты кластерного анализа дают возможность обсуждать в структуре факторов (а также процессов) речепорождения (имеем в виду порождение высказывания как в формах 0-речи, вокальной экспрессии, так и в формах вербального высказывания, поскольку нами проанализированы все возможные виды высказываний) несколько групп: 1) характеризующие прагматическую ситуацию как востребующую речевую связь между потенциальными автором и адресатом и отвечающие ей типы взаимодействия (на уровне речи – типы речевых жанров), когда высказывание начинает моделироваться в самых общих, базовых, глубинного порядка характеристиках; 2) отражающие языковую рефлексию автора по поводу адекватности выражения тех или других потребностей, 3) отражающие речевую рефлексию с точки зрения эффективности используемых речевых стратегий и коммуникативных правил и связанные, в частности, с использованием языковых средств; при этом рефлексия многопланового содержания высказывания R9 и рефлексия соответствия коммуникативным правилам или их нарушения R8 определяют связь кластера 2 с кластером 1, образованного параметрами жанровой семантики. Следовательно, можно утверждать, что полученные данные доказывают существование нескольких функциональных блоков в структуре коммуникативного сознания, обеспечивающих обработку прагмаречевой информации и, в дифференцированности от нее и в интегративных связях с ней, информации языкового порядка. Т. е. прагматическая ситуация в ее структуре, интенциональная основа социальной коммуникации, речь, язык являются в коммуникативном сознании различными, но интегрирующимися и интегрируемыми системами.

Литература

- Дементьев В.В. Коммуникативная генристика: речевые жанры как средство формализации социального взаимодействия / В.В. Дементьев // Жанры речи. Саратов, 2002. Вып. 3. С. 18–40.
- Жанры речи: Сб. статей. Саратов, 1997-2009.
- Карасик В.И. Язык социального статуса / В.И. Карасик. М., 1992.
- Маланчук И.Г. Избирательная кампания в России: в поисках жанров / И.Г. Маланчук // Политическое поведение и политические коммуникации. Красноярск, 1994. С. 73–77.
- Маланчук И.Г. О соотношении речевого жанра и речевого акта / И.Г. Маланчук // Филология Журналистика' 94. Научные материалы. Красноярск, 1995. С. 50–51.
- Маланчук И.Г. Речь как психический процесс / И.Г. Маланчук. Красноярск, 2009. Красноярск, 2011 (в печати).
- Подберезкина Л.З. Корпоративный язык: принципы исследования и описания (на материале языка столбистов) / Л.З. Подберезкина. М., 1996.
- Тарасенко Т.В. Этикетные жанры русской речи: благодарность, извинение, поздравление, соболезнование. Дис. ... канд. филол. наук / Т.В. Тарасенко. Красноярск, 1999.
- Осетрова Е.В. Слухи в речевой и языковой действительности / Е.В. Осетрова // Русский язык сегодня: Сб. статей. Вып. 2: Активные языковые процессы конца XX века. М., 2003. С. 493–501.
- Осетрова Е.В. Неавторизованная информация в современной коммуникативной среде: речеведческий аспект: Автореф. дис. ... докт. филол. наук / Е.В. Осетрова. Красноярск, 2010.
- Седов К.Ф. Становление дискурсивного мышления языковой личности: Психо- и социолингвистический аспекты / К.Ф. Седов. Саратов, 1999.
- Сперанская А.Н. Правила речевого поведения в русских паремиях. Дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 1999.
- Шмелева Т.В. Речевой жанр (Возможности описания и использования в преподавании языка) / Т.В. Шмелева // Russistik Русистика. Научный журнал актуальных проблем преподавания русского языка. Berlin. 1990. № 2. С. 20–32.
- Шмелева Т.В. Жанровая система политического общения / Т.В. Шмелева // Политическое поведение и политические коммуникации. Красноярск, 1994. С. 55–57.
- Шмелева Т.В. Речевой жанр: опыт общефилологического осмысления / Т.В. Шмелева // Collegium. № 1–2. Киев, 1995.
- Шмелева Т.В. Модель речевого жанра / Т.В. Шмелева // Жанры речи. Саратов, 1997. С. 88–98.
- Щурина Ю.В. Шутка как речевой жанр: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю.В. Щурина. Великий Новгород, 1997.

Институт филологии и языковой коммуникации Сибирский федеральный университет

ОЦЕНКА ВАРИАНТОВ ПЕРЕВОДА (на материале переводческих интернет-форумов)

В одной из концепций перевод принимает вид процесса многократного перебора и отсеивания вариантов в контексте переводящего языка, его норм, а также представлений переводчика о правильной и, возможно, красивой речи на языке перевода [Гарбовский 2004: 241]. Каким образом происходит отбор вариантов, каковы представления переводчика о красоте и нормативности речи, можно судить по проявлениям языковой рефлексии в личных текстах переводчика.

Как известно, языковой рефлексией называют тип языкового поведения, предполагающий осмысленное использование языка, т.е. наблюдение, анализ его различных фактов, оценку их, соотношение своих оценок с другими, нормой, узусом; возможно и более широкое понимание этого явления - как рефлексии по отношению ко всему, что имеет какое-либо отношение к языку и его использованию [Шмелева 1999: 108-110]. Языковая рефлексия реализуется в рефлексивах, под которыми понимают «законченное (хотя бы относительно) высказывание, содержащее оценку употребительному слову или выражению, формально включающее лексическую единицу «слово» или глаголы говорения и именования» [Там же: 110]. Изучение языковой рефлексии представляет собой большой интерес для лингвистики (см. обзор [Вепрева 2005: 28]). Можно предполагать, что размышления переводчика, зафиксированные в рефлексивах, могут пролить свет на то, каким образом осуществляется выбор наиболее походящего варианта перевода.

Переводческая рефлексия проявляется в мемуарных источниках (примером может служить книга Норы Галь «Слово живое и мертвое»), отдельных высказываниях и суждениях

практических переводчиков, которые можно обнаружить в интервью и публицистике. Еще одним источником подобной информации могут служить переводческие форумы, такие, как форумы сайтов «Город переводчиков» (http://www.trworkshop.net) и «Школа перевода В. Баканова (http://www.bakanov.org). Эти сайты созданы профессиональными переводчиками и объединяют профессиональных переводчиков. На сайтах размещены библиотеки, коллекции ссылок, материалы рекламного характера, но особенно популярны форумы. Так, за полгода в период с 01.06.2009 по 01.12.2009 на сайт «Город переводчиков» зашли 267 865 абсолютно уникальных посетителей из 144 стран¹³.

В переводческих интернет-форумах посетители могут оставлять свои сообщения по тематике, связанной с переводом, и знакомиться с сообщениями своих коллег. Одним из видов сообщения является ответ (отклик) на чью-то информацию, ранее уже размещенную на этом форуме. Сообщения могут объединяться по тематике в специализированные разделы, как например, на форуме «Города переводчиков», но могут и не и классифицироваться. Основные темы сообщений: просьба о помощи в решении конкретной терминологической проблемы, более общая просьба, например, помочь разобраться с темным местом в тексте, обсуждение проблем, представляющих интерес с точки зрения переводческой профессии, поиск информации, новая информация, интересная с переводческой точки зрения, просьба о помощи в решении проблем с техникой или программами.

Объектом исследования послужили высказывания, содержащие вариант перевода и его обоснование или оценку. Например:

Андрей Чудецкий> Коллеги, кто может подсказать перевод словосочетания «Молодильные яблоки»? «Rejuvenating apple», увы, не годится...

<Alexis> В английских переводах русских народных сказок встречаются the apples of youth, the apples of immortality. Ну и the living water...Кстати, в скандинавской мифологии они тоже есть (apples of youth)

<Андрей Чудецкий> Спасибо!

¹³ По данным Google analytics (http://vsego.wordpress.com/2009/12/09/ samie-popyliarnie-zaprosi/).

Как мы видим, переводческий рефлексив представляет собой двухчастную структуру: во-первых, собственно языковая единица, предлагаемая как вариант перевода — «Rejuvenating apple»; во-вторых, оценка пригодности данного варианта — «не годится». В ответе же предлагаемые варианты аргументируются отсылкой к узусу — уже имеющимся текстам на английском языке, в которых встречается это слово.

Подобного рода высказывания могут быть как «просьбой о помощи», так и частью дискуссии. Особенно интересно данное явление представлено в так называемых «конкурсах» («Школа перевода Владимира Баканова») и «семинарах» («Город переводчиков»). Участникам форума предлагается перевести небольшой прозаический или стихотворный текст, затем в форуме выкладываются варианты перевода, и начинается обсуждение.

Весь корпус высказываний можно разделить на две группы — в первой объектом рефлексии является иноязычная языковая единица или «темное место в тексте», во второй — вариант перевода.

В первом случае рефлексив представляет собой уточнение значения слова или словосочетания на основе личного опыта (1), словарную статью (2) или контексты, в которых данное слово употребляется (3).

1. **<Clara>** И что же все-таки такое эти las vainillas? Я представляла себе что-то вроде порционного пудинга. Пыталась посмотреть, чем по правилам нужно закусывать портвейн, но никакой «ванильной» еды, кроме бисквитов, не нашла. В переводах мы имеем пирожные, выпечку, десерт, печенье, аромат ванили и портвейн с ванилью. А что имел в виду автор?

la fonda de la media cuadra — мне кажется, скорее это уж в середине/в центре квартала...Еще у меня была мысль (додумать я ее не успела), что media cuadra — это территориальное деление (может, неофициальное) — половина квартала. Например, в Испании есть какое-то слово (никак не могу сейчас его вспомнить, что-то вроде тапѕа, у меня все время с мансардой ассоциировалось), которое обозначает несколько домов между двумя улицами. Схематично примерно так: идет улица, от нее ответвляются перпендикулярные ей улочки, между этими перпендикулярными улочками стоят дома (например, четыре дома квадратом), даль-

ше опять улочка, опять четыре дома, опять улочка и т.п. Хотя, может, это слово как раз латиноамериканское, т.к. <u>говорил мне его аргентинец</u>, но дело происходило в Испании.

- 2. <Alexis > Максим, позвольте не согласиться. Suffer в английском языке уже содержит коннотацию «добровольно приемлю». За неимением доступа к OED Merriam-Webster ... (Далее следует словарная статья глагола to suffer.)
- 3. **<L.В.>..** С чем в оригинале «увязана» iconography? С моей точки зрения, существенные увязки таковы: huts [were] colonizing the avenues with their iconography. «Their» здесь относится к «huts», которые «колонизировали» проспекты своей (huts-кой) «иконографией» (*примеры из Oxford English Dictionary*: «They that would thus colonize the stars with Inhabitants», «It is a part of the English system to colonize with criminals», «Floaters are retainers of political organizations, and it's still common practice to 'colonize' doubtful districts with them»).

Данный тип рефлексива можно назвать «метаязыковым комментарием, который по своей природе эпистемичен, пополняет информационный фонд адресата» [Вепрева 2005: 80].

Высказывания второго типа объектом рефлексии имеют сам перевод и обосновывают его выбор или отказ от предлагаемого варианта перевода.

<sk > Коллеги, контекст: Tell us about a time when you built or developed a team (Из опросника Стенфордск. ун-та) Затрудняюсь, как перевести 'team' в разговорном варианте? «Команда» имеет не том оттенок (вне спорта): пожарная, похоронная и т. п. «Группа» – слишком протокольно («группа лиц»). Похоже, в русском разговорном вообще нет позитивно-окрашенных синонимов такого рода. Есть лишь: шайка, банда, и т.п., в лучшем случае – «бригада»..

Показатель рефлексии — метаоператор (подходит — не подходит, соответствует — не соответствует) — чаще всего имплицитен, так как ведется диалог и автор отвечает на запрос или объясняет причины своего уже сделанного выбора. Аргументы к использованию предлагаемого варианта можно разделить на три группы: глубинное понимание, интерпретация значения слова (1), стилистика переводимого отрывка (2), интерпретация текста (3).

- 1. <pol@> По-моему, «потенциальный» как раз сочетает в себе и «предполагаемый», и «по случаю/при оказии», как потенциальный клиент, «могу копать могу не копать». «Подозреваемый» это более определенный, что ли, термин, для подозрения нужны уже какие-то конкретные основания. А здесь, мне кажется, речь шла о том, что, судя по роду деятельности и образу жизни этого Ньято, можно предположить, что он может торговать или торгует наркотиками.(1)
- 2. <austrannik>...Юноша/юнец? Что же он отправил? Помоему, не письмо и не депешу. Заметку? Текст? Das Schreiben... Мне кажется, такие словечки мало смысла обсуждать в отдельности, вне глобального контекста. Смотрите: он отправил три заметки (das Schreiben). Точно так же «брюнет» и «молодой человек» повторяются в тексте энное количество раз. Известно, что в немецком такие повторения в порядке вещей, а в русском стилистическая небрежность. Поэтому при переводе мы выбираем отдельные слова с учетом текста как целого его интонации, стиля, драматургии... На мой взгляд, тут важнее варьировать слова, чем ломать голову над тем, что же именно он отправил. Заметку, письмо, депешу, текст, записку, доклад, донесение, отчет, сочинение, обращение, творение все это в данном рассказе легитимно, главное вписать слово в микро- и макроконтекст
- 3. <Jewelia> «Хозяюшку» я написала потому, <u>что было</u> ощущение молоденькой женщины, которая еще пока играет в домохозяйку (very blonde and very houde-wifely для меня никаких отрицательных коннотаций не несет). Светлоголовая (как ребенок), мне кажется, было бы еще лучше, чем белокурая.

ходу еще наткнемся на них. Такое выражение выбрала не случайно, не потому что это оказалось первое, что легло под руку и на монитор, а именно в попытке передать этот смысловой диссонанс.

Интересно, что переводчики — участники форума, не используя терминологию теоретического переводоведения (трансформация, адекватность, эквивалентность), прибегают к терминологии лингвистической (текст, выражение, коннотация, стилистическая небрежность) или к метафорическому описанию (текст плавно скользит вверх-вниз, как океанская волна — от неприглядной конкретики до «мировых обобщений»). «Рефлексивы данного типа оцениваются как аксиологические высказывания с преобладанием рациональной или эмоциональной реакции, направленной на собственное отношение к слову, но апеллирующей к мнению адресата» [Вепрева 2005: 81].

Таким образом, анализ сообщений в форумах позволяет сделать вывод, что языковая рефлексия переводчиков в интернет-текстах двунаправлена — она имеет объектом как язык переводимого текста, так и язык перевода. При этом используются разные виды рефлексивов — комментарий и оценка. Отличительной особенностью аргументации на форумах является опора на мнение сообщества и узус — бытование данного варианта в уже существующих текстах, что возможно только в условиях интернет-общения.

Литература

Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху / И.Т. Вепрева. М., 2005.

Гарбовский Н.К.Теория перевода / Н.К. Гарбовский. М., 2004. Шмелева Т.В. Языковая рефлексия / Т.В. Шмелева // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Вып. 1(8). Красноярск, 1999. С. 108–110.

Татьяна Витальевна Михайлова

Сибирский государственный аэрокосмический университет им. академика М.Ф. Решетнева Красноярск

ОЦЕНОЧНЫЕ СМЫСЛЫ И СЕМАНТИКА ПРИЧИННОСТИ В ДРЕВНЕРУССКИХ ТЕКСТАХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XV-начала XVII вв.

Модусные смыслы текста важны для понимания замысла создателя, степени его воздействия на адресата, а в конечном итоге — эффективности текста. Древнерусские публицистические тексты предоставляют исследователю субъективной семантики текста возможность интерпретации динамики средств их выражения в исторической перспективе. Репертуар средств экспликации интенций автора в современном тексте, описанный в ряде трудов Т.В. Шмелевой, и методики изучения субъективной стороны текста, разработанные ею, позволяют более точно выявлять и анализировать авторскую субъективность и оценочность в древнерусском тексте, не привнося позднейших аксиологических представлений.

Использование конструкций с семантикой причинности в оценочных высказываниях в древнерусских текстах потестарной семантики далеко не случайно. Причинность и оценочность оказываются глубинным образом связанными. Семантика причинности сложна для описания и в то же время очень заманчива для исследования. Обсуждение понятия причинности в гуманитарных науках имеет очень долгую историю и восходит к трудам Аристотеля и стоиков [Степанов 1997: 753–775].

Причинность – частный случай отношений обусловленности. Представления о значениях причины, цели, условия, уступки, следствия как о близких значениях традиционны для науки, история развития этих представлений демонстрирует их очевидную гомогенность [Евтюхин 1997: 5–7].

На наш взгляд, существует определенная связь между причиной и оценкой. Дело в том, что видение причинной связи между тем или другим событием, с одной стороны, и приписывание той или иной ценности чему-либо (событию, факту, субъекту), с другой стороны, связано с существованием в тексте автора высказывания или, как принято было говорить в 1980-е годы, «человеческим фактором». Так, например, М.В. Ляпон считает, что «человеческий фактор (а именно интерпретатор), являясь реальным актантом текста, определяет не только внутреннюю логику текста вообще... но и внутреннюю логику любого его коммуникативно завершенного отрезка» [Ляпон 1986: 8]. Поэтому закономерным представляется, что при анализе категорий каузальности, уступительности, обусловленности, мотивированности ключевой категорией является категория оценки. Оценка, по мнению М.В. Ляпон, это прежде всего мыслительная процедура, операция умозаключения. Естественно, что реализация оценки в тексте означает, что в дотекстовом состоянии произведена интеллектуальная или эмоциональная «обработка» какого-либо потенциального фрагмента текста [Там же: 26].

В.Б. Евтюхин говорит, что важным фактором является семантика двух ситуаций, связанных между собой отношениями обусловленности, или «смысловая координация между частями в двухчастных структурах обусловленности» [Евтюхин 1997: 16].

Таким образом, значимость субъективного фактора при изучении категории причинности не подлежит сомнению. Изучение же оценки должно быть связано, например, хотя бы в поисках оснований оценки, позиций (точек зрения) оценки, способов выражения (или включения в текст) оценки с функционированием категорий сравнения, обусловленности, причинности и другими.

Православная картина мира накладывает свой отпечаток на причинно-оценочные отношения, проявляемые в древнерусских текстах властной семантики. Специфике описания религиозной картины мира посвящено достаточно много работ [Бугаева 2008; Верещагин 1996; Колесов 1999, 2002]. Религиозная картина мира «представляет собой когнитивную структуру,

вобравшую в себя совокупность духовно-нравственных ценностей, основанных на религиозном учении, которое исторически формировало мировоззрение и культурно-национальное самосознание народа » [Бугаева 2008: 14]. Особенностью религиозного сознания является то, что все рассматривается как единое целое. Религиозная картина мира предполагает «чувство реального присутствия в жизни, в бытии всех людей и всей Вселенной некоего Высшего Начала, которое направляет и делает осмысленным как существование Вселенной, так и наше собственное существование» [Мень 1981: 66]. Семантика каузально-оценочных отношений в православных текстах имеет отличные от мирских текстов репрезентации. Понятие причины для религиозно-этических представлений христианства тесно связано с представлениями о Добре и Зле. Православная традиция имеет свои определенные трактовки о побудительных причинах совершаемых действий.

Связь между семантическими категориями причинности и оценки в текстах, посвященных описанию древнерусской власти, является, кроме того, и отражением историософских представлений древнерусского книжника. Благополучие государства напрямую связывается с наличием благости в правителе.

Публицистические тексты XV — начала XVII вв. насыщены государственно-политическими идеями. Рост национального самосознания с одной стороны, актуализация эсхатологических настроений, с другой, объясняют, почему этот период является очень важным для Руси с точки зрения осмысления природы царской власти, осознания своего места в мировом историческом процессе.

Именно в это время обсуждение причин гибели царств было очень значимым для России. Симптоматичны, например, даже названия произведений данного периода, ср. «Описание вин или причин, которыми к погибели или к раззорению всякие царства приходять и которыми делами в целости и в покою содержатся и строятся» [здесь и далее орфография упрощена. — *Т.М.*]. В этой повести представляется известное мнение: царства изменяются и погибают от главных причин: ...от злобы, хотения, гордости и неправды властителей и начальников... [Салмина... о гибели царств 1954: 242].

Нестор Искандер описывает историю создания Константинополя, его процветание и гибель в духе христианской историософии. Как и в сказаниях о Вавилонском царстве, важна была не только сообщаемая фактическая сторона происшедших событий, но и тот строй идей, который нашел в тексте свое выражение. Этот текст в глазах древнерусского читателя был не только рассказом о трагическом конце Византийской империи. Некоторые исследователи уверенно относят этот текст к произведениям, которые разрабатывали теорию «Москва – третий Рим». Например, Н.К. Гудзий основной публицистический смысл повести видит в том, что «падение Константинополя должно было необычайно окрылить Московскую оппозиционную мысль и укрепить в ней представление о том, что погибшие религиозные и политические византийские ценности должны вновь возродиться уже на русской почве» [Гудзий 1950: 245].

По мнению М.О. Скрипиль, Царьград уже с самого момента своего основания окружается в греческой литературе целым рядом литературных произведений провиденциального или мистического характера. В них речь шла о чудесном возникновении Царьграда, о его святых и о его гибели. Такие произведения появлялись у греков еще задолго до действительного падения. Историческая мысль Византии, основанная на различного рода религиозно-мистических учениях, предсказывала, что Византийская империя, как и ряд государств древнего мира, падет под ударами внешнего врага, но в конце концов будет «спасена посланным свыше царем» [Скрипиль 1954: 177–181]. Автор «Истории...» соединяет точное описание событий падения города с легендарным сюжетом об основании, гибели и возрождении Царьграда.

Нестор Искандер видит в достойном «преславном» поведении правителей Константинополя причину того, что «пренепорочная Владычица» Богородица хранила и берегла город. Историософские представления автора Повести проявляются и в объяснении причины падения Царьграда, благополучие города зависит от нравственности его правителей и жителей; с падением нравов падет и сам город: ...яко же есть писано: Злодеяниа и безакониа превратят престолы сильных <...>

Расточи гордыя мысли, сердца их, низложи сильныя с престол.... Тако же и сий царствующий град неисчетными съгрешенми и безаконми от толиких щедрот и благодеянми Пречистые Богоматери отпадшеся [Повесть о взятии Царьграда... 1982: 222].

Для исследователей, занимающихся изучением истории эволюции аксиологических представлений древнерусского общества, эксплицированных в текстах письменности, является несомненным то, что эта Повесть была важна для построения московской идеологии именно как модель-образец христианских православных представлений о том, каким должно быть православное государство, дабы устойчиво развиваться и не испытать судьбу падшего Константинополя.

Казалось бы, понятия об идеологии христианского государства и его правителях у русских уже были сформированы в домосковский период. Однако трагическая история Константинополя, рассказанная в Повести Нестора Искандера, делает вопросы, связанные с нравственностью государства в целом, его правителей и граждан в частности, исключительно актуальными в указанный период. Этот текст дал толчок для последующей эволюции оценочных представлений древнерусского общества о государстве и власти, и на первый план вышли понятия, связанные с фигурой государя, который правил бы согласно этим принципам и утвердил их в государственной практике.

Иван Пересветов в своих публицистических текстах обсуждает те же самые темы и на примере той же самой ситуации – падение города Константина. Можно сказать, что писатель предлагает некий проект праведного государства.

Среди рассматриваемых нами текстов Повести о Смуте начала XVII века в своих названиях не содержат прямых указаний на причинность, не содержат перечня причин описываемых в них событий, тем не менее их содержание основывается на описании причин Смуты.

Изучение семантики причинности в русской языковедческой науке связано прежде всего с изучением сложных синтаксических конструкций с союзным подчинением [Якубинский 1953: 254–272; Ломтев 1956: 368–394, 512–519; Коротаева 1964: 198–224]. Однако сложные логические отношения, возникаю-

щие между причинами возникновения определенной ситуации и оценкой этой же ситуации, выражает чаще всего паратаксис. Как известно, пик активности древнейших паратаксических конструкций падает на период XV–XVII вв. по причине проникновения народно-разговорной стихии в письменно-литературные формы речи [Тарланов 1999: 51].

Как правило, оценочными высказывания становятся именно в тех случаях, когда описываются причинные отношения между сверхъестественным субъектом-протектором и человеком-объектом.

Рассмотрим способы проявления подобных отношений.

1. Экспликация двух и более ситуаций, интерпретируемых адресантом с точки зрения причинно-оценочных взаимосвязей.

Оцениваемая ситуация и причина либо причины, ее порождающие, соположены в пределах фрагмента текста. Православная картина мира объясняет эксплицитное и имплицитное присутствие оценочных и причинных стереотипов в древнерусском тексте, понятных автору и адресату того времени. Субъектно-объектные отношения, проявляемые в текстах оценочно-каузальной семантики, представлены почти обязательным наличием субъекта-протекторатора (Бога, Богородицы, Ангелов, Святых): Тако же и сий царствующий градъ неисчетными съгрешенми и безаконми от толиких щедроть и благодеянми Пречистые Богоматери отпадшеся тмочислеными бедами и различными напастьми много лета пострада [Повесть о взятии Царьграда... 1982: 222].

2. Оценка предлагается как вывод: Вельможи руского царя сами богатеют, а ленивеют, а царьство оскужают его. И темь ему слуги называются, что цветно и конно и людно выезжают на службу его, а крепко за веру християнскую не стоят и люто против недруга смертною игрою не играют, темь Богу лгут и государю [Там же: 224]; Вельможи греческия при царе Констянтине Ивановиче царьством обладали и крестное целование ни во что же ставили, и изменяли, и царьство измытарили своими неправедными суды, от слез и от крови християнския богатели и богатство свое наполнили нечистым собранием. А сами обленивели, за веру християнскую крепко не стояли и царя укротили от воинства своими вражбами, и

прелестными путми, и ерестными чародействы. И темъ царьство греческое, и веру християнскую, и красоту церковную выдали иноплемянником турским на поругание [Там же: 228].

- 3. Параллелизм общей оценки и частной используется для экспликации причины: гордости не любит Господь и порабощения. А греки за то же погибли за гордость и за порабощение [Там же: 234].
- 4. Ситуация описывается с внутренней оценкой (причина равна оценке): Девятдесят лет, како греческое царство разорися и не созижется: сия вся случися грех ради наших, понеже они предаша православную греческую веру в латынство [Послание Филофея Василию 1984: 438].

Соотношение описания причины и следствия в пределах фрагмента текста можно считать одним из приемов выражения оценки, так как, например, достойный, благой поступок может получить достойное ему вознаграждение, то есть если человек будет делать благо, то ему воздастся за это благо благом же, и наоборот. Причина благого поступка описывается как императив заведомо благого субъекта (высшего в наличной духовной иерархии) — Бога, Богородицы, святых. Важно отметить, что в подобной модели и при такой мотивации поступков проявляется также и высшая степень положительной оценки объекта оценки, принимающего повеление от заведомо благого субъекта: охрабри же тогда великии чюдотворец сергии во осаде слугу ананию селевета... тои же ананиа мужествень бе шестнадесять языков нарочитых во осаде тогда сущыи во градъ приведе... [Сказание Авраамия Палицына 1909: 1119].

 $5.~S_{\text{Бож}}$ (высший) каузирует $S_{\text{чел}}$ и одновременно Obj (человек) для совершения BonFac. (благой поступок). Семантические основы процесса оценивания в этой модели состоят в следующем: объект каузации должен обладать некими благими качествами, чтобы быть способным воспринять каузацию высшего субъекта. И наоборот: объект каузации настолько плохой, что воспринимает каузацию от низших субъектов и потому совершает негативно оцениваемые поступки.

Для выражения оценочных смыслов возможно использование различных падежных форм, в частности форм творительного падежа в каузативном значении.

- 6. Качество объекта как благого каузируется качеством ситуации или действия: милость божия усмире не казнити князя... [Временник Ивана Тимофеева 1909: 325]. Модель 'качество $S_{_{\text{чел}}}$ каузирует качество $S_{_{\text{Бож}}}$ и вызывает действие $S_{_{\text{Бож}}}$ и далее вызывает действие $S_{_{\text{чел}}}$ ': ...бояре крепко и непоколебимо милостию божією спасены в граде и сотвориша пакость еретику [Там же: 1120].
- 7. Выражение оценки с помощью творительного падежа в каузативном значении. Как известно, синтаксические конструкции с творительным падежом с семантикой причинности были одними из самых распространенных для выражения каузации. По мнению Т.П. Ломтева, «грамматический объект в творительном причины... является основанием, мотивом для совершения субъектом действия, которое выявляется, совершается и достигает прямого объекта или цели независимо от указанного объекта или без его участия» [Ломтев 1956: 247–248].

В творительном причины употреблялись в древнерусском языке имена, обозначавшие физические предметы и явления, собственные и нарицательные названия лиц, отвлеченные явления. В первой группе оказываются обозначения ситуаций, в которые попадают люди, оценка же относится не к лицам, а к ситуациям: и яко изнемогоша гладом... 'от голода' [Синод I Новг. лет. 1950: 16]; обри... изомроша гневомъ божиим... 'от Божьего гнева' [Никон 1904: Л. 5]; ...седоша бояре росииския... крепко и непоколебимо в городе девять недель, и божиею милостию спасен бысть от злаго еретика гришки отрепьева, и много ему пакости сотвориша из града [Слово о Гришке 1909: Стлб 725].

Существуют разные варианты этой модели: «качество — непосредственная причина действия». Субъект действия прямо не назван (он может быть назван в соседствующих контекстах). Представляется, что оценка «размыта» во всей модели, единого центра нет: милость, благодать — эти качества — постоянные атрибуты высших субъектов. Эти их качества и являются причинами развития ситуаций, которым автор приписывает положительную оценку (например, поражение вражеских войск). Субъект может быть назван, поскольку важно использовать дополнительно градационный ряд для усиления оценки.

8. Выражение оценки с помощью предлогов по, из-за, для, ради. В современном русском языке конструкции с семантикой оценочное качество или оценочная ситуация с названными предлогами приобретают причинное значение в тех случаях, когда в их состав входят слова, обозначающие эмоциональное состояние субъекта. В памятниках XVII в. эти конструкции широко распространены. Когда они сопрягаются с идеологической моделью 'причинности', в конструкциях создается оценочный смысл: и хотя кои немногия люди и вознавали ся в него, да не смели страха ради говорить, уже то такъ богу изволившу попустити грех ради наших... [Слово о... Борисом Годуновым 1909: Стлб 805–806]; но всещедрый господь бог наш не нас ради окаанныхъ, но имени своего ради святаго и за молитв угодников своих сергия и никона отъ таинаго умышления избави насъ... [Сказание Авраамия Палицына 1909: Стлб 1118]; богу смотрителне се попустившу и терпящу предваршему, он явственну братиа тогожде, попущением ему за страх, царевича Димитрия убииству надеяся, судив в себе, еже и бысть... [Временник Ивана Тимофеева 1909: Стлб 291].

Для создания оценочной ситуации используются сочетания отглагольных существительных с семантикой перехода действия на прямой объект (излияние, наказание, попущение и под.) с предлогами временной и пространственной семантики (по, за, из-за).

Основанием или причиной этих оценочных ситуаций оказываются либо действия либо качества объектов оценки. Качество оценки зависит от *качества* субъекта. Бог выступает как высший субъект, либо вознаграждающим либо карающим.

Семантические роли в этой смысловой модели могут меняться.

- а. $S_{_{\text{чел}}}$ поступает положительно, так как $S_{_{\text{Бож}}}$ дает ему возможность поступать так.
- b. $S_{_{\text{чел}}}$ поступает отрицательно, поскольку $S_{_{\text{Бож}}}$ не изменяет его отрицательных качеств.
- с. $S_{\text{Бож}}$ допускает развитие ситуации в отрицательном направлении по причине согрешений $S_{_{\text{цеп}}}$.
- d. $S_{\text{бож}}$ попускает $S_{\text{чел}}$ совершить отрицательный поступок. $S_{\text{автор}}$ в этом случае включается обычно в число согрешающих,

для чего используются местоимения 1-го лица и притяжательные от них (насъ, мы, нашь, нашихъ и под.).

- е. $S_{\text{бож}}$ совершает поступок ('наказание') в пользу $S_{\text{чел}}$. f. $S_{\text{наблюд}}$, включающий автора, оказывается подверженным страданиям по причине действий $S_{\text{Бож}}$.

Таким образом, оценка в рассмотренных ситуациях выражения оценочной семантики в текстах может быть эксплицирована различными способами. Общим смыслом конструкций с оценочной семантикой оказывается выявление несамостоятельности субъекта из человеческого уровня (хотя бы и коллективного) в его общении и взаимодействии с высшим субъектом.

Нормативизирующий вывод из анализа этих текстов следующий: следование Божественным заповедям хотя и не гарантирует избежания нежелательных ситуаций, но может быть завершено конечным вознаграждением - спасением: И тако говорит Петръ, волоский воевода: «Ленилися греки за християнскую веру крепко стояти против неверных, и оне ныне неволею бусурманскую веру берегут от находа. Царь турский у греков и у сербов дети отнимает седми лет на воинскую науку, и во свою веру приводит их, и они же з детми своими разстоваючися великим плачем плачутся, да никтоже себе не пособит». И тако начитают мудрые философи, что не будет таковые правды под всею подсолничною: яко в сем царьстве государстве от твоей мудрости великой грозы царьской лукавые судьи яко от сна возбудятся, да и посрамятся от дел своих лукавых, да будут сами о себе дивитися, что собирали безчисленно. Ино тако пишут о тебе благоверном царе: ты, государь грозный и мудрый, грешных на покаяние приведешь и правду во царьство свое введешь, Богу сердечную радость воздашь [Большая челобитная Пересветова 1984: 608].

В кратком изложении ряда средств выражения оценки через каузальность в древнерусских текстах XV-XVII вв., разумеется, опущен большой ряд более дробных механизмов экспликации оценки через описание причинных отношений между частями текста, тем не менее автор полагает, что ею намечены важнейшие специфические направления воздействия на восприятие содержания текста читателем, которые применялись древнерусскими книжниками.

Источники

- Временник Ивана Тимофеева // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека. Т. XIII. Изд. 2-е. СПб. 1909. [Временник Ивана Тимофеева]
- Летописный сборник, именуемый Патриаршией, или Никоновской, летописью / Полное собрание русских летописей. Том 13. СПб., 1904. [Никон]
- Новгородская первая летопись старшего извода (Синодальный список) // Новгородская первая летопись старшего и младшего извода. М.-Л., 1950. С. 13–100. [Синод I Новг. лет.]
- Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 году // Памятники литературы Древней Руси: вторая половина XV века. М., 1982. С. 216–267. [Повесть о взятии Царьграда]
- Послание старца Филофея к великому князю Василию // Памятники литературы Древней Руси: конец XV первая половина XVI века. М., 1984. С. 436–441. [Послание Филофея Василию]
- Салмина М.А. «О причинах гибели царств», сочинение начала XVII века // Труды отдела древнерусской литературы. М.-Л., 1954. Т. X. C. 332–352. [Салмина... о гибели царств]
- Сказание и повесть... о расстриге и разбойнике Гришке Отрепьеве и о похождении его // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека. Т. XIII. Изд. 2-е. СПб., 1909. [Слово о Гришке]
- Сказание об осаде Троице-Сергиева монастыря Авраамия Палицына... // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека. Т. XIII. Изд. 2-е. СПб., 1909. [Сказание Авраамия Палицына]
- Слово о восхыщении царския власти... Борисом Годуновым... // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека. Т. XIII. Изд. 2-е. СПб., 1909. [Слово о... Борисом Годуновым]
- Сочинения Ивана Семеновича Пересветова... 2. Большая челобитная Пересветова // Памятники литературы Древней Руси: конец XV первая половина XVI века. М., 1984. С. 602–624. [Большая челобитная Пересветова]

Литература

- Бугаева И.В. Язык православных верующих в конце XX начале XXI века. М., 2008.
- Верещагин Е.М. Христианская книжность Древней Руси. М., 1996.
- Гудзий Н.К. История древней русской литературы. М., 1950.

- Евтюхин В.Б. Категория обусловленности в современном русском языке и вопросы теории синтаксических категорий. СПб., 1997.
- Колесов В.В. «Жизнь происходит от слова...». СПб., 1999.
- Колесов В.В. Философия русского слова. СПб., 2002.
- Коротаева Э.И. Союзное подчинение в русском литературном языке XVII века. М.-Л.. 1964.
- Ломтев Т.П. Очерки исторического синтаксиса русского языка. М., 1956.
- Ляпон М.В. Смысловая структура сложного предложения и текст: К типологии внутритекстовых отношений. М., 1986.
- Мень А.В. Как читать Библию. Брюссель, 1981.
- Скрипиль М.О. «История» о взятии Царьграда турками Нестора Искандера // Труды отдела древнерусской литературы. М.-Л., 1954. Т. X. С. 166–184.
- Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.
- Тарланов З.К. Становление типологии предложения в русском языке в ее отношении к этнофилософии. Петрозаводск, 1999.
- Якубинский Л.П. История древнерусского языка. М., 1953.

Ирина Венадьевна Башкова

Институт филологии и языковой коммуникации Сибирский федеральный университет

ЦЕННОСТНАЯ И ОБРАЗНАЯ СОСТАВЛЯЮЩИЕ КОНЦЕПТА «ПЕЧАЛЬ» В ПРОЗЕ В.П. АСТАФЬЕВА

Любимому Учителю Татьяне Викторовне Шмелевой – с пожеланием радости во всех сферах жизни.

Эмоции во многом определяют отношения личности с миром внешним, с природой и социумом, поэтому реконструкция внутреннего мира творческой личности невозможна без характеристики эмоционального отношения человека к миру, без анализа того, как представлены базовые эмоции в авторской картине мира.

Эмоции — это «общественное явление, связанное с эпохой, культурой, образованием, воспитанием и полом» [Баженова 2004: 28]. «В обозначениях эмоций представляется форма существования культуры, кроме того, они являются продуктом определенной исторической эпохи, а также вскрывают мировоззрение писателя» [Там же: 377].

В задачи данной статьи входит анализ ценностной и образной составляющих концепта «Печаль» в художественной концептосфере В.П. Астафьева, который в своих произведениях точно и объемно отразил ментальность русского народа и в то же время обладал самобытным индивидуальным взглядом на мир.

Печаль была одной из определяющих творчество Астафьева эмоций, особенно в последний период его жизни. На что указывает ряд факторов: частотность существительного печаль в астафьевской прозе, активное использование писателем прецедентных текстов с этим словом, вхождение данной лексемы

и ее производных в названия нескольких произведений (это миниатюры в книге «Затеси»: «Печаль веков», «Вам не понять моей печали», «Печален лик поэта», а также роман «Печальный детектив»). Сказанное позволяет сделать вывод о значимости концепта «Печаль» в художественной концептосфере Астафьева.

Концепт «Печаль» представляет собой единицу культуры в авторском ментальном мире, который включает в себя информацию об актуальном или возможном положении вещей в действительности. «Как известно, концепт имеет многослойную структуру, которая включает в себя понятийный, образный и ценностный компоненты. Иногда выделяют также индивидуальнопсихологическую и этнокультурную составляющие концепта» [Фельде 2009: 213].

Анализ основных толковых словарей современного русского языка показывает, что понятийный слой концепта «Печаль» включает следующие концептуальные признаки: «чувство грусти, скорби», «состояние душевной горечи», «забота». К этому перечню необходимо добавить признаки, выделяемые через описание ситуации, в которой возникает данная эмоция: чувство *печали* предполагает, что «случилось нечто плохое» (не обязательно со мною), а также, говоря более обобщенно, что результатом случившегося стала ситуация, которая тоже рассматривается «как плохая» [Вежбицкая 2001: 27].

Психологи делят эмоции на положительные и отрицательные. «Если субъективная потребность удовлетворения эмоции велика, и есть надежда на ее удовлетворение, то возникают положительные эмоции. Однако если что-либо препятствует удовлетворению потребностей или осознается невозможность ее удовлетворения, то складывается отрицательное эмоциональное отношение к препятствующим факторам» [Баженова 2004: 26]. Лингвисты подтверждают данную точку зрения, и вслед за психологами рассматривают существительные печаль и горе как обозначающие одну и ту же отрицательную эмоцию [Там же: 69].

Таким образом, специфика концепта «Печаль», как и других эмоциональных концептов, состоит в том, что его понятийный и ценностный слои взаимосвязаны.

Ценностная составляющая концепта «Печаль» в художественной концептосфере В.П. Астафьева может быть выявлена в следующих характеризующих контекстах:

С возрастом я узнал: радость кратка, преходяща, часто обманчива, печаль вечна, благотворна, неизменна [Капля // Царь-рыба. Часть первая.].

В последней, неоконченной симфонии звучит вечная печаль расставания, вечная мечта о несбыточной любви, которую все мы ощущаем каким-то вторым сознанием или неразгаданным еще чувством и стремимся, вечно стремимся дотронуться до небес, где и сокрыто все самое недосягаемое, все самое пресветлое, то, что зовется печалью, горькой сладостью, которой вознаградил нас Создатель [Аве Мария // Затеси. Тетрадь шестая].

Из приведенных примеров видно, что В.П. Астафьев дает самую высокую оценку печали. Это приводит к тому, что ценностный слой концепта «Печаль» в авторской картине мира становится одновременно и индивидуально-психологической составляющей концепта, поскольку такая положительная оценка печали отличается от общепринятой отрицательной оценки, отраженной в толковых словарях.

Проанализировав русские пословицы с лексемой *печаль*: День меркнет ночью, а человек печалью; Ржа железо ест, а печаль сердце; Железо ржа поедает, а сердце печаль изнуряет; Моль одежду ест, а печаль человека; Что червь в орехе, то печаль в сердце, Н.А. Красавский приходит к выводу, что в русском этносе «печаль ассоциирована с ночным временем суток, которое, как известно, противопоставляется дню, обладающему (по крайней мере, в европейской культуре) положительной образной коннотацией <...> печаль, овладевшая человеком, лишает его сил, энергии и жизнерадостности» [Красавский 2001: 112].

«Образная составляющая концепта находит яркое выражение в тропах: метафорах, компоративах, олицетворениях и эпитетах. <...> Опыт лингвокультурологического исследования творчества многих русских писателей свидетельствует, что в текстах их произведений отражена «наивная картина мира», которая, как известно, создана по «антропологическому канону» и находит выражение в самой возможности мыслить аб-

страктные понятия или явления природы как живые существа или «опредмеченные» константы, обладающие динамическими и ценностными свойствами (см. об этом: [Телия]). И Астафьев — не исключение» [Фельде 2009: 214].

Печаль в авторской картине мира В.П. Астафьева персонифицируется. Печаль может быть доброй и благодарной, мудрой и бесхитростной, она взросла, строга и молчалива. И в то же время, Как говорит матушка Екатерина Петровна: «Бабьи печали нас переживут и поперед нас от могилы убегут» (Пир после победы // Последний поклон. Книга третья).

В следующих примерах содержится метафора Печаль — причиняющее боль Существо (или Рука): ...сердца моего вдруг коснулась и сжала его нежданная печаль (Пир после победы // Последний поклон. Книга третья); ...сохранил великий композитор современности тот нежный и непреклонный звук, ту пространственную, высокую мелодию, что стонет, плачет, сжимает сердце русское неизъяснимою тоскою, очистительной печалью» (Приговор Федора Александровича // Затеси). Последний пример указывает на то, что даже боль отрицательно не оценивается.

Авторская оценка печали, представленная в прозе Астафьева, кардинально отличается от оценки, выраженной в русских пословицах. «Носители русского языка при распредмечивании концепта печали ярко и экспрессивно изображают психосоматическое воздействие соответствующей эмоции на душевное и физическое состояние человека. Образы, ими при этом избираемые, нередко граничат с натурализмом (печаль – это червь, моль и т.п.). Русское языковое сознание ассоциирует печаль с «идеей пожирательства» <...> Печаль подобно некоему мифическому существу или же существу реальному медленно поедает человека, его тело и душу» [Красавский 2001: 112].

«Говоря в целом об эмоциях и эмоциональных состояниях, следует, по-видимому, считать доминирующим представление о них как о жидком теле, наполняющем человека, его душу, принимающем форму сосуда» [Арутюнова 1999: 389]. При репрезентации концепта «печаль» в прозе Астафьева метафора жидкости тоже преобладает: В глуби светящихся тоскливой темью глаз настоялась глубокая печаль... (Туруханская лилия //

Царь-рыба. Часть вторая); ...сквозь его бесхитростные, такие простые детские думы просачивалась очень уж древняя печаль (Ясным ли днем); Я доживаю свою жизнь богоданную, человеческую и вместе с нею домалываю долю среднего провинциального писателя. Доживание первой наполняет меня печалью и сожалением о чем-то несвершившемся (Тельняшка с Тихого океана).

Метафора Печаль – Источник тепла и света, сравнения со свечой и звездой выражают высокую оценку печали: и только печаль, тихую печаль возжигать в себе желтой свечкой и греться от слабого ее огня, слышать, как медленно и сладко истлевает она, усыпляясь вместе с тобою... (Приворотное зелье // Последний поклон. Книга третья); Печаль светит тихо, как неугаданная звезда, но свет этот не меркнет ни ночью, ни днем... (Капля // Царь-рыба. Часть первая).

То же оценочное значение имеет метафора Печаль — Лекарство: ...одинокий певец посылает приветствие небу, людям, земле... врачуя душевные недуги спокойствием и потусторонней мудрой печалью веков... (Печаль веков // Затеси. Тетрадь вторая).

Метафора Печаль — Запах выражает авторское ощущение природы, точнее передает настроение: Горькой струей сквозящую печаль донесло до меня — так может пахнуть только увядающее дерево, и не слухом, не зрением, а каким-то, во мне еще не отжившим, ощущением природы я уловил неслышное движение, заметил искрой светящийся в воздухе и носимый воздухом березовый листок (Падение листа // Затеси. Тетрадь первая); Необъяснимой усталостью и мудрой печалью веяло от этих сморщенных, иссохиих от времени книг (Последний поклон. Книга вторая).

В завершении рассмотрения образного слоя авторского концепта «Печаль» проанализируем метафору Печаль – Почва в следующем фрагменте: ... что ж из печали той, боли и жалости произрастает? Новая песня? Новое стихотворение? (Печален лик поэта // Затеси. Тетрадь шестая). Здесь выражена причинно-следственная связь между печалью и вдохновением, что в очередной раз подтверждает высокую авторскую оценку данного эмоционального состояния.

Таким образом, проведенный анализ показал, что специфика концепта «Печаль» в художественной концептосфере В.П. Астафьева связана, в первую очередь, с его ценностной составляющей. Печаль — это чувство, которое причиняет боль, но эта боль благотворна для человека, именно она делает человека человеком — неравнодушным к людям и окружающему миру.

В заключение отмечу, что близким людям Астафьев все же желал больше радости. Например, в письме В.Я. Курбатову от 2 декабря 1989 г. он писал: «С наступающим Новым годом тебя и твое стойкое семейство, еще, надеюсь, пока не перешедшее границу эстонского государства за продуктами питания. Здоровья, работы по сердцу, тихой молитвы и радостей больше, чем горестей» [Астафьев 2009: 435].

По-видимому, можно говорить о двух системах ценностей творческой языковой личности: художественной и бытовой. Эти системы не вполне совпадают.

Литература

- Арутюнова Н.Д. Метафора в языке чувств. Язык и мир человека. М., 1999. С. 385–398.
- Астафьев В.П. Нет мне ответа... Эпистолярный дневник 1952—2001. Иркутск, 2009.
- Баженова И.С. Обозначение эмоций в художественном тексте (прагматический аспект). Дис. ... докт. филол. наук. М., 2004.
- Вежбицкая А. «Грусть» и «гнев» в русском языке: неуниверсальность так называемых «базовых человеческих эмоций» // Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. М., 2001. С. 15–42.
- Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: Монография // Волгоград, 2001.
- Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира / В.Н. Телия. URL: http://www.nspu.net/fileadmin/librery/books
- Фельде О.В. Образная составляющая концепта «Жизнь» в индивидуальной языковой картине мира В.П. Астафьева (на материале произведений пермского и вологодского периодов) // Юбилейные Астафьевские чтения «Писатель и его эпоха». 28–30 апреля 2009 г. Красноярск, 2009. С. 212–220.

Алевтина Николаевна Сперанская

Институт филологии и языковой коммуникации Сибирский федеральный университет

ФИЛОЛОГ И СМИ: ВОЗМОЖНОСТИ КУЛЬТУРНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Библиографический указатель трудов Татьяны Викторовны начинается с газетных публикаций [Шмелева 2010: 16]. О тесном сотрудничестве Татьяны Викторовны со средствами массовой информации хорошо известно. Она неутомимо пропагандирует филологию для широкого круга читателей, осуществляя «гуманитарную помощь» (так назвалась одна из многочисленных рубрик, придуманных Татьяной Викторовной для красноярской газеты «Городские новости»). Эта деятельность, представляющая собой один из способов включения филологических знаний в социальную жизнь, всегда востребована в картине мира Татьяны Викторовны. Серьезность и ответственность этой работы очевидна. Сделаю отсылку к выступлению Л.П. Крысина «Популяризация лингвистических знаний в средствах массовой информации» на круглом столе «Русский язык в эфире: проблемы и пути их развития», проведенном 14 ноября 2000 г. комиссией «Русский язык в средствах массовой информации» Совета по русскому языку при правительстве Российской Федерации [http://www.gramota.ru/rlefir].

Известный ученый говорит о популяризации правильных представлений о языке и нормах его использования как об одной из насущных задач культурного строительства в России. Такой ракурс позволяет смотреть на сотрудничество филологов и СМИ не как на желательное, а как на необходимое. Примеров таких действий немало. Как правило, это колонки в газетах и программы на телевидении и радио. О серьезности такой работы говорят два факта. Во-первых, вслед за этими выступлениями авторы выпускают книги (в списке литературы приведены некоторые издания, составленные из подобных малых жанров

[Клубков 2001, Королева 2005, Кронгауз 2007, Северская 2005]). Во-вторых, публикации в научных сборниках подобных заметок и статей «на злобу дня, то есть просветительской направленности [например, Крысин 2003]. Добавлю еще одну возможность использования подобных текстов в преподавательской деятельности. Они могут выступать в качестве иллюстративного материала на занятиях по культуре речи. Именно так оформлена рабочая тетрадь по русскому языку и культуре речи для студентов негуманитарных специальностей СФУ [Сперанская 2011].

Позволю себе высказать некоторые мысли о работе филолога в газете и привести свой скромный результат подобного сотрудничества. Нет нужды говорить, что профессионализм и энтузиазм Татьяны Викторовны вдохновил некогда меня на тесные контакты с красноярскими массмедиа. Л.П. Крысин назвал, какой должна быть популяризация лингвистических знаний в СМИ: профессиональной, систематической, разнообразной по форме и содержанию, интересной для неспециалиста [http:// www.gramota.ru/rlefir]. Эти высокие требования каждому дано реализовать по мере своих возможностей. Корпоративная газета сначала Красноярского госуниверситета, а затем Сибирского федерального университета предоставила свои страницы для постоянной рубрики о языке и речи (первоначальное название которой – «Неотложная лингвистическая помощь» – изменилось на «В слове – жизнь»). Открывая эти рубрики, я исходила из убеждения, что следует создать ситуацию, когда студент получает много возможностей по овладению речевой культурой и – главное – для развития в себе потребности в речевой культуре.

Основные проблемы несформированности устной речевой культуры хорошо известны:

- школьная практика направлена на речь письменную института по формированию хорошей устной речи у общества нет, таким образом, речевой авторитет складывается в обществе стихийно;
- микроклимат семьи не всегда располагает к культуре речи, а сформированные с детства речевые привычки формируют изначальный вкус, корректировать который бывает весьма трудно;
- речевое окружение студента отнюдь не придерживается ориентации на высокий уровень речевой культуры, а скорее ори-

ентировано на моду, задает те узуальные нормы, которые следует соотнести с кодифицированной (литературной) нормой.

Действия лингвистов в практике популяризации лингвистических знаний направлены на анализ речевых и языковых явлений современности, на выработку целесообразных оценок, на формирование вкуса к хорошей речи. Выполнить эти цели возможно за счет развития у читателя главного, на мой взгляд, коммуникативного качества — речевой рефлексии. Развить это ментальное действие помогает обсуждение таких речевых маркеров, как речевой (языковой) авторитет, мода, вкус, привычки.

Стилистическая дифференциация языка / речи, известная студенту еще из школьного курса русского языка и объясняющая систему, не всегда удачно может быть применена при анализе речевой практики. Круг маркеров, поясняющий специфику языкового знака и накладывающий в связи с этим ограничения на его применение, должен быть расширен за счет прагматического контекста. Главной особенностью современного состояния речи, как отмечают многие лингвисты (назовем лишь известную работу [Колесов 1999]), является процесс «либерализации», или «демократизации» языка. Отражается это в перемещении стилевых вариантов. Мне кажется важным отметить, почему «демократизации» языка произошла столь стремительно. Дело, очевидно, в смене языкового (речевого) авторитета. Литературная речь, вместе с носителями, перестала быть значимой для общества. Если долгое время литературная речь рядовых носителей языка находилась под влиянием театра, то сейчас на массовое сознание воздействует СМИ (телевидение, радио, журналы, газеты). В сегодняшней российской действительности СМИ имеет общепризнанное влияние.

Следование авторитету создает языковую (речевую) моду. Такие модные знаки, как, например актуальный, инновационный, антикризисный, знаковый, выполняют не столько информативную функцию, сколько являются маркером следования «модным тенденциям». Мода может распространиться не только на лексемы, но и на большой круг языковых фактов, например, на идиомы, при этом мода не предполагает точного знания. Модным может стать и речевое действие (например, цитирование толкований, взятых из словаря В.И. Даля) или прием (како-

вой сейчас остается языковая игра). Грамотное использование модных знаков предполагает использование метатекста: как это принято сейчас говорить/называть, как сейчас все говорят, назову это модным нынче словом (см. об этих и других прпвилах речевого поведения [Шмелева 2006]).

Если рассмотреть явление маркированной речи полнее, то станет очевидным, что мода определяется совокупностью вкусов и привычек. Языковые общественные пристрастия, т.е. языковые (речевые) вкусы задают узуальную норму, знать которую носитель языка должен.

Языковые (речевые) привычки общества менее заметны, они выдают склонность использовать тот или иной языковой знак в привычном для носителей виде. Иногда они составляют область «нерешенных» вопросов кодифицированной русской речи, что выражается в противостоянии нормы и узуса. Но рефлексия, выражаясь в метатексте, позволяет отклонить упреки в незнании нормы или использовать привычный вариант как часть языкового образа. Неосознаваемая привычка делает языковую личность уязвимой, т.к. лишает возможности выбора. Такой привычкой для современной речевой практики стало использование лексем «проект», «озвучить». Семантика многих слов настолько расширилась, став обобщенной и потеряв конкретность, что заменяет десяток синонимичных слов.

Таким образом, при изучении современной речевой практики невозможно обойтись без названных маркеров, которые помогают ориентироваться в современной российской общественной языковой (речевой) практике.

Совершенствовать собственную речь затрудняют несколько причин. Одна из них весьма специфична и характеризует отношение человека к языку и речи — это убежденность говорящего во власти над своей речью. Взгляд на свою речь сквозь призму упомянутых маркеров позволит говорящему решить: он владеет своей собственной речью по своему коммуникативному замыслу или речь «владеет» им.

В заключение приведу конкретные примеры трех публикаций, которые дадут представление о реализации представившейся мне возможности поучаствовать в, будем надеяться, культурном строительстве.

АББРЕВИАТУРЫ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Среди афоризмов Козьмы Пруткова, придуманного литературного персонажа, есть такой: «Специалист подобен флюсу – полнота его одностороння». Это изречение весьма напоминает выводы современных психологов, что человек постепенно приобретает профессиональную деформацию. Не может человек «безнаказанно» получать и накапливать знания и опыт, они постоянно дают о себе знать в различных ситуациях.

О чем может думать лингвист, прогуливаясь по городу? Да о чем угодно! Только глаз его невольно будет цепляться за любой текст, встречающийся на пути. Даже если это самые обычные тексты, привычные и не замечаемые большинством горожан вывески, баннеры, афиши, объявления, надписи в автобусах и пр. Время от времени в этих текстах встречаются ошибки или казусы, которые заметны всем. Часть этих нелепостей попадает юмористам и на страницы газет. В нашей газете они не раз публиковались в рубрике «Любимый город».

Я обращу ваше внимание на правильные тексты нашего города. Вы скажете, что их очень много, ведь неграмотная надпись — это все же исключение, чем норма, и будете абсолютно правы. Речь немного о другом. Много ли в городе текстов, которые не только грамотно написаны, но и еще содержат в себе культурный подтекст? Это происходит, например, если на табличке написано не только современное название улицы, но и перечислены все ее исторические сменившиеся именования.

Я приведу два примера, которые совсем по-разному выполняют эту работу — быть культурным текстом. Первый пример — афиша (фото 1). Меня порадовало, насколько ненавязчиво, через графику авторы донесли простую мысль (не всем очевидную!): аббревиатура ГорДэКа, которой красноярец очень часто пользуется в речи, не всегда осознавая ее значение и грамматический род этого слова, эта аббревиатура в тексте афиши как будто «расшифрована»: городской Дворец культуры. Вы спросите: что тут удивительного? Да то, что красноярцы часто произносят ДэКа как слово среднего рода: городское ДК. И в названии остановки так было написано! Думаю, что афиша ясно показала, что ДК — слово мужского рода и ошибок в речи не будет.

Второй понравившийся мне пример — надпись в автобусе (фото 2). Здесь, наверное, комментарии не требуются: когда же мы, наконец, поймем, что сокращать название Великой Отечественной войны — это дикость, варварство, бескультурие. Посмотрите, как просто быть грамотным и культурным красноярцем! Как легко сохранить уважение к людям, к истории своей страны, к своему языку. Не язык ведь создал аббревиатуру ВОВ, а невежественные варвары нашего времени. И насколько легко другие люди, понимающие смысл и значение таких ценностей, как память, язык, культура, без труда пишут тексты, в которых соблюдены не только нормы языка, но и нормы человеческих отношений.

ПИСЬМЕННОСТЬ

От берестяного прошлого к электронному настоящему

12 апреля 1961 года человек совершил полет в Космос. Десятью годами раньше, 26 июля совершилось событие столь же космического масштаба – в Великом Новгороде была найдена первая берестяная грамота.

Поверьте, что события по своей грандиозности вполне сопоставимы. Оба они изменили представления человека о возможном. Только исследуя космическое пространство, человек осваивал неизвестное будущее, а обнаружив берестяную

письменность, человек узнал свое малоизвестное до этой находки прошлое. Узнал человек немало и обрел мощный пласт русской древней письменной культуры. До этого открытия соминтельна была сама мысль о поголовной грамотности жителей XI–XII и более поздних веков. До этих находок берестяных грамот археологи ломали головы над загадочными металлическими продолговатыми предметами, заостренными с одного конца. Предметы эти фигурировали в археологических описаниях то как гвозди, то как шпильки для волос, а то просто как «неизвестные предметы». Сейчас каждый школьник при взгляде на них (в музее, конечно) скажет, что это древние инструменты для письма — писала. Но для того, чтобы современный школьник и студент смог это сказать, потрудилось немалое количество видных ученых — археологов, лингвистов, историков, палеографов.

Удачно начавшиеся в 1951 году находки берестяных текстов продолжаются и по сей день, на сегодня известно более 1100 грамот.

О чем эти тексты древних славян? Вот краткие описания некоторых, взятых с сайта «Древнерусские берестяные грамоты»: Жалоба прогнанной мужем жены; Дело о покупке краденой рабыни; Церковный текст; Документ о расчете Якова с Гюргием и Харитоном по бессудной грамоте; От Ярилы к Онании (о бедственном положении на Городище); Договор Бобра с Семеном об условиях займа; Загадка о Ноевом ковчеге; Заговор на немецком языке; Упражнения в письме мальчика Онфима...

В основном это бытовая переписка людей. Именно поэтому она велась на непрестижном и дешевом писчем материале – бересте, которая всегда была под рукой.

Когда читаешь эти документы, приходит банальная мысль, что ничто не ново под луной: людей волновали те же страсти, заботили те же стороны жизни, что и нас, сегодняшних: От Рожнета к Коснятину. Ты взял в Киеве у моего отрока гривну серебра. Пришли деньги. Если же не пришлешь, то [это станет займом] в половину (т.е. под 50% роста). Иначе говоря, если Коснятин не отдаст долг немедленно, в дальнейшем ему придется отдать в полтора раза больше.

Или такая записка-приглашение: *Будь в субботу ко ржи или подай весть*. Чем не смска, написанная восемь веков назад? Хотя кажется, что написано это кем-то знакомым.

Конечно, чтобы это наше знакомство состоялось, должны были найтись люди, посвятившие себя расшифровке и переводу этих текстов. Я назову только двоих. Реставрация берестяных грамот производилась Владимиром Ивановичем ПОВЕТКИ-НЫМ, жителем Великого Новгорода, талантливейшим человеком, реконструировавшим древность. Андрей Анатольевич ЗАЛИЗНЯК, блестящий лингвист-историк, дал научное описание языка берестяных грамот. За «открытия в области древнерусского языка раннего периода...» А.А Зализняк награжден Большой золотой медалью Российской академии наук (2007 г.). Кстати сказать, А.А. Зализняк известен своими лекциями о «любительской лингвистике», в которых подверг критике идеи маргинальной лингвистики (особенно А.Т. Фоменко) как дилетантские и построенные на примитивных ассоциациях.

Юбилейная дата — 60 лет со дня обнаружения первой новгородской берестяной грамоты — прекрасный повод понять, что наша письменность, в каких бы материалах она ни воплощалась, всегда служила человеку. И забавно, что, казалось бы, непрочная древесная фактура — кора березы — прожила века, а современные столь хвалимые инновационные технологии смогли создать непрочную и недолговечную электронную письменность с ее смсками и Интернетом.

№ 9 от 9 июня 2011 г.

ПОЧЕРК

Личное дело или общая договоренность?

Первая сентябрьская встреча посвящена поступившим. Но и постоянные читатели получат пищу для размышлений.

Летом я проверяла сочинения по ЕГЭ. Называется это, кстати, быть экспертом ЕГЭ по русскому языку. На языке цифр это значит проверить 100 и более рукописных текстов, средний объем которых — лист формата А4. Сочинения проверяются по двум обобщенным критериям: содержательность и правиль-

ность речи (далее они дробятся до 12). И нет среди этих требований третьего – графическое исполнение, то есть оценки почерка пишущего. Хорошо ли это? Для того, кто пишет сочинение, конечно, да. А для проверяющего? Если переводить вопрос в область человеческих взаимоотношений, то звучит он так: чьи интересы должны превалировать при создании текста, заведомо предназначенного для другого? Только не торопитесь сейчас формулировать мою позицию и приписывать мне желание снижать оценку за плохой, невнятный, нечеткий, плохо читаемый почерк. Я далека от столь прямолинейных решений. Я хочу разобраться.

Начнем с того, что уясним место рукописного текста в мировой и личной культуре. Человек овладевал грамотой через чтение и письмо. Последнее осуществлялось с помощью подражания образцовому, принятому в этом сообществе начертанию букв. Содержались эти образцы в специальных книгах, а точнее сказать — тетрадях, прописях. И настолько обязательным был этот путь вхождения в письменную культуру своего народа, что в русском языке закрепилось выражение прописная истина, то есть всем известные, элементарные, тривиальные знания.

В прописях содержится два образца написания букв — больших и маленьких. Так вот, большие буквы иначе называются прописными, а маленькие — строчными. Говорю это специально для того, чтобы знали, что прописная буква — это именно заглавная, большая, а не «письменная, написанная от руки». И словарь-справочник называется «Прописная или строчная» (впрочем, уже видела справочники с названием «Большая или маленькая», очевидно в переложении для современного полуграмотного пользователя).

А сейчас я прошу вспомнить, как долго лично у вас длился этот процесс – писание по прописям, подражания образцу. Люди очень пожилые скажут: два-три года, люди просто старшего возраста – год-два, помладше – полгода, а современный школьник, наш завтрашний студент, скажет: только первую четверть. Чувствуете разницу в ответах? Она сказывается и на ясности нашего почерка. Мой отец, которому 73 года, пишет на удивление ясно и четко. Заметьте, я не употребляю слово «кра-

сиво» (это все же субъективный критерий), я говорю о понятности нашего почерка. Конечно, мне могут возразить и привести примеры плохих почерков у весьма достойных людей. Но это не аргумент. Это то же самое, что и оправдывать свои недостатки тем, что ими страдали великие люди. Да и речь не о них, а о нас с вами, и не о прошлом, а настоящем.

А настоящее таково. Из школы исчезла каллиграфия – искусство писать четким и красивым почерком, и с ней исчезает понимание того, что начертание букв в письменном тексте – это нечто большее, чем персональное желание каждого. В современной личной культуре человека объем рукописных текстов невелик, в основном это школьные тетради, студенческие конспекты и экзаменационные листы. Эти тексты (исключая, пожалуй, конспекты, и то мы знаем, как востребованы бывают понятно написанные конспекты лекций) находятся на границе личного и коллективного, ведь читать приходится не только автору написанного.

Встает вопрос: почерк – это частное дело каждого пишущего или все же некий общественный договор, конвенция, помогающая людям понять друг друга, поддерживающая общение, а не затрудняющая его?

Тут уместна параллель с речью. Если хорошее владение речью, то есть культура речи заключается в том, чтобы менять стиль в соответствии с коммуникативной ситуацией, то владение письмом предполагает, что почерк должен быть не только «для себя», но и «для других». Кстати сказать, я знаю многих людей, осознающих, что у них как бы два почерка: один — парадный, то есть разборчивый, на него уходит больше времени, тратится больше сил. Другой же — скорописный, беглый, более неряшливый.

Каким бы маленьким ни был объем наших рукописных текстов, письменный текст не исчезнет полностью из нашей жизни. Любому пишущему необходимо знать, что неразборчивый почерк вызывает не лучшие чувства у читающего, который испытывает как минимум раздражение. Слово «почерк» имеет переносное значение — стиль, манера. Сказать о человеке, что он обладает своим почерком в профессии — значит высоко оценить его индивидуальность.

Попытки связать характер человека и его почерк привели к возникновению графологии. Впрочем, юристы предпочитают именовать это направление почерковедением. Письмо — это искусство речи, перенесенное на писчий материал. Поэтому как по речи судят о человеке, так и по почерку создается соответствующее представление о том, кто пунктом 8 сентября 2011 г.

Литература

- Клубков П.А. Говорите, пожалуйста, правильно / А.П. Клубков. СПб., 2001.
- Колесов В.В. «Жизнь происходит от слова...» СПб.: Златоуст, 1999.
- Королева М. Говорим по-русски с Мариной Королевой / М. Королева. М., 2005.
- Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва / М. Кронгауз. М., 2007.
- Крысин Л.П. Популяризация лингвистических знаний в средствах массовой информации // Русский язык в эфире: проблемы и пути их решения. Материалы круглого стола. Москва, 14 ноября 2000 г. www.gramota.ru/rltfir.
- Крысин Л.П. Заметки об иноязычных словах // Аванесовский сборник. М., 2003. С. 323–329.
- Северская О. Говорим по-русски с Ольгой Северской / О. Северская, М., 2005.
- Сперанская А.Н. Русский язык и культура речи: Рабочая тетрадь / А.Н. Сперанская. Красноярск, 2011.
- Шмелева Т.В. Кодекс речевого поведения // Шмелева Т.В. Текст как объект грамматического анализа: учеб.-метод. пособие. Красноярск, 2006. С.12–19.
- Шмелева Т.В. Шмелева Татьяна Викторовна: библиогр. указ. / сост. Е.М. Власова; науч. ред. Т.Г. Никитина / Т.В. Шмелева. Великий Новгород. 2010.

<u> Другие горо</u>да

Фото Т.В. Шмелевой

Татьяна Леонидовна Каминская

Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого

КОММУНИКАТИВНОЕ СОУЧАСТИЕ АДРЕСАТА В МЕДИЙНОМ ОБРАЩЕНИИ НОВОСТИ

С развитием Web 2.0. и появлением у аудитории непосредственных возможностей принимать участие в создании контента, актуальным вопросом медийной повестки дня стал вопрос об изменении роли журналиста в современном обществе. Обсуждения изменения этой роли на форумах и конференциях превращаются чуть ли не в эпитафию по профессии: журналист в условиях новых технологий и активности адресата утрачивает монополию на сбор и распространение информации. Речь идет преимущественно о социальных сетях и блогах, однако в данной статье будет затронута тема участия адресата в создании профессионального новостного продукта. Эту тему мы активно обсуждаем с Татьяной Викторовной Шмелевой на протяжении последних лет, работая не только на одной кафедре журналистики в НовГУ, но и в совместных научно-исследовательских проектах. Кстати, и название данной статьи - очередная идея Татьяны Викторовны, а своими идеями она щедро делится с коллегами и общественностью.

Вообще-то, говорить о присутствии адресата в качестве автора в профессиональном медиапространстве как о чем-то кардинально новом не совсем логично. Отчасти, эта ситуация является ремейком участия адресата своими текстами в газетах советского времени: существовавшие правила советской журналистики заставляли журналиста готовить к публикации читательские письма в гораздо большем объеме строк, чем своих собственных. Данную практику вклада адресата в информационное пространство сегодня мы имеем в новых технологиче-

ских условиях и с новыми акцентами. Что касается информагентств с новостными лентами, то роль журналиста здесь порой сводится к роли инициатора или даже модератора общественного диалога.

Если обратиться к новостному интернет-сайту, то журналистский текст новости вместе с комментариями к ней можно назвать сверхтекстом [Купина 1994]. Согласно нашим наблюдениям, в конечном итоге в таком сверхтексте чаще всего трудно отделить и удержать в памяти журналистский компонент в описании события и привнесенный комментаторами. Обычно новость с сопровождающими ее подробностями комментаторов, уточнениями и мыслями по поводу воспринимается целиком.

Наши наблюдения показали, что не слишком велик процент (не более 20%) региональных новостей даже «раскрученных» и активно посещаемых сайтов, в создании сверхтекстов которых участвуют комментаторы. Чаще всего комментируются новости, связанные с решениями властей, с чрезвычайными происшествиями и преступлениями, и новости, касающиеся известных медиаперсон региона. Впрочем, как отмечалось, комментаторы редко реагируют на само существо новости; поводом для комментирования выступают микротемы инициативного текста [Васильева 2011]. Из исчерпывающего, на наш взгляд, списка этих микротем В.В. Васильевой и В.А. Салимовского на сайтах новгородского региона чаще всего встречаются: различия в благосостоянии людей в России и Европе; недостойные условия жизни в российской провинции; мера ответственности российских властей за положение дел в регионе. Как отмечалось, благодаря возможности анонимности авторства в Интернете новости комментируют чаще всего недовольные существующим положением дел, выбирая себе самую распространенную социальную роль комментаторов - роль критика или обличителя [Каминская 2011]. В рамках данного исследования рассмотрены комментарии, которые не просто предъявляют эмоции их авторов, но несут в себе фактическую информацию. Именно благодаря таким комментариям мы можем говорить о соучастии адресата в создании новости.

Основываясь на определении стратегии, данном с позиций прагмалингвистического подхода как «совокупности рече-

вых действий» [Труфанова 2001: 58], «цепочки решений говорящего, его выборов коммуникативных действий и языковых средств» [Макаров 2003: 192], можно указать на наиболее частотные стратегии комментаторов, связанные с коммуникативным соучастием в создании новости. Нами выделено 3 стратегии: стратегия уточнения, верификации и опровержения.

Стремление комментатора к **уточнениям**, как более сведущего (очевидца события, обладающего большими, чем журналист, знаниями по данной теме и т.п.), означает солидаризацию комментатора с журналистской позицией; они развивают тему, дополняя ее новыми подробностями в противовес иным точкам зрения.

Так, например (пунктуация и орфография комментариев сохранены), на новость регионального сайта «Ваши новости» http://vnnews.ru «В Великом Новгороде началась "неделя добрых мероприятий"» 12 апреля 2011 года известный комментатор сайта под ником посадник пишет: Очень хорошо. Но вы посмотрите на ул. Космонавтов и Менделеева. Их даже забыли включить в список убираемых улиц. А под Григоровским виадуком? Это самое грязное место в городе. А ведь именно эти территории видны с вагонов поездов гостям которые приезжают в Великий город. Не стыдно??? Пускай волонтеры там убирают грязь тогда это можно назвать что убрали город. А не в центре города где и без них уборщиков хватает. Наличие гражданской позиции автора комментария, его переживаний за имидж города – настоящий пример зарождения гражданской журналистики, о необходимости которой говорят теоретики СМИ.

Новость того же сайта «Новгородская пенсионерка написала заявление на начальника отдела УГИБДД за расстрел ее собаки» обросла благодаря комментаторам новыми подробностями: qwerty11 Пострадавшая собака пенсионерки Гавриловой по своим размерам немного больше взрослого кота и отроду ей месяцев 7-8, домашняя. Так что она врядли «нападала». Владимир Л. Как он объясняет стрельбу? Да он и на работе то не особо чего объяснял. По сведениям, конечно не проверяемым, Андреев находился на больничном. И почему-то решил пострелять. Его машина носилась по селу на высокой скорости. Это у

нас нормально. Комментаторы подчеркивают свое личное знакомство с фигурантами эксцесса, то, что они — земляки упомянутых. Комментаторы идут дальше, выполняя по сути работу журналиста, разыскав в социальной сети фотографию оскандалившегося начальника и разместив в комментариях ссылку на нее: qwerty11 Фотку достать не проблема «В Контакте» рулит. http://s60.radikal.ru/i168/1103/a0/d45f6c12940c.jpg.

Новость на том же ресурсе «В Великом Новгороде водитель сбил на пешеходном переходе велосипедиста» от 29.04.2011 получает такой комментарий: Со слов очевидцев, велосипедист ана также описание места события очевидцем постфактум: mirade Проезжал 28 апреля в районе 8-00 / 8-15 велосипедиста уже не было. только башмак и раскуроченный велик.

Стратегия **опровержения** используется в случае, если сообщаемое неприемлемо для комментатора по идеологическим причинам, или он считает себя более компетентным, чем автор новости. Комментатор предлагает альтернативную интерпретацию события, либо полностью опровергает саму возможность его осуществления. В качестве примера такого рода можно привести новость, вызвавшую наибольшее количество просмотров (1680) и комментариев (7) за март 2011 года на «Ваших новостях» «Новгородец устроил акт самосожжения перед окнами областной администрации». Комментатор предлагает свою версию развития событий, имитируя журналистскую стилистику: Starij Вчера вечером в районе 22-00 были очевидцами данного происшествия.

То что написано в данной статье не соответствует действительности. Ни какого бензина на месте происшествия не было, и только по счастливой случайности ни кто не пострадал. На самом деле, автомашина toyota corona, находилась у главного входа администрации новгородской области, в начале водитель долго нажимал на звуковой сигнал, дабы привлечь к себе внимание. через некоторое время после приезда ППС и ГИБДД (по старым названиям) на площадь были стянуты также силы пожарных расчетов и скорой помощи. движение через площадь было прекращено. после чего проводились переговоры высокопоставленными лицами полиции и администра-

ции. в машине находился баллон с пропаном и на сколько известно мужчина угрожал себя поджечь в машине. через несколько минут переговоров автодорога была открыта для движения через площадь, и на какой то момент показалось что мужчину убедили и все нормализовалось. однако мужчина двинулся в сторону магазина «зодиак». через 5-10 метров от администрации салон машины вспыхнул. проехав метров 200 автомобиль врезался в торговый павильон напротив офиса «Билайн»... (22.03.2011. 12:27. http://vnnews.ru/news/novgorodec_utroil_akt_samosozhzheniya pered oknami oblastnoj administracii/).

Новость «Губернатор Новгородской области рассказал журналистам о новых проектах» у комментатора вызывает сомнения в связи с обсуждением темы расхода бюджетных средств, автор поста считает себя компетентнее журналиста в этом вопросе: Loki *Как интересно область рассчитается до 1 июля и какие такие средства выделит Администрация на новые проекты, если областной бюджет на этом год с дефицитом около 1,6 млрд. рублей?* (02.04.2011. http://vnnews.ru).

Стратегия **верифицирования** новости используется очень редко, как правило, касается новостей в политической сфере, преимущественно негативных: УМКА, в 21:48 Островский создал «черный список» журналистов, которых не приглашают, а порой и не пускают на мероприятия, «забывают» предупредить и т.д. В свою очередь, журналисты отвечают «взаимностью» не только ему, но и губернатору в своих СМИ. Вот такой продвинутый главный конструктор... («Островский «завалил» Митина». 27.03. http://novgorodinform.com).

adlapezz Вообще за такое надо с должностей снимать, а начать следует с вышеупомянутого министра образования! («Чиновники поглумились над миллионами выпускников: изменен перечень вступительных экзаменов». 05.05.2011. 01:31. http://vnnews.ru/news).

Интересно, что, часто используя данную стратегию, комментаторы протаскивают в комментарий скрытую рекламу, запрещенную законом о рекламе: в своих постах рекомендуют сайты, товары или услуги, связанные с темой статьи (примеры такого речевого поведения не приводятся по понятным причинам).

И, наконец, наиболее редкий случай внесения вклада в новостной контент профессионального сайта — комментарий в виде собственной новости. Однако нижеследующий пример говорит о том, что авторами таких постов могут быть политики или даже сами журналисты, скрывающиеся под «говорящими» никами:

Знайка: А намедни, прямо у здания областной администрации, были изъяты «права» на право управления транспортным средством у г. Неофитова (того самого, что пророчили на место г. Островского) за управление автомобилем КИА Соренто в состоянии алкогольного опьянения. Обошлось без сопротивления сотрудникам ДПС, в камеру идти побоялся, а еще на дожность собирался, да-а-а, мельчает чиновник, нет уж былого куража...(31.03. 2011. http://novgorodinform.com).

В связи со всем вышесказанным, признав фактическое равноправное участие в создании новости журналиста и комментатора, можно встать на сторону тех, кто говорит о трансформации и даже о смерти журналистской профессии. Однако в этом хоре раздаются голоса экспертов, которые предвидят новые витки ее развития в Интернете. Так, например, Андрей Мирошниченко, основатель Школы эффективного текста, предлагает создавать платный журналистский контент в сети, который формировался бы без вмешательства непрофессионалов, поскольку «готовность публики воспринимать и даже покупать в открытой среде закрытый контент рождает для медиа некоторую новую реальность» [Мирошниченко 2011]. На наш взгляд, эта реальность пока далека от региональных условий, и в настоящий момент для разграничения роли журналиста и комментатора как авторов новости можно выделить некоторые различия в их речевом поведении. Эти различия как раз и отделяют сегодняшнего профессионала, создающего новости, от «любителя».

Во-первых, отличие профессионального, журналистского, подхода к созданию контента должно быть выражено в более взвешенной позиции и отсутствии предвзятой критичности к российским реалиям. Во-вторых, в новых условиях технологического равноправия профессионалов с «людьми с улицы» важность журналистского мнения и комментария к новости только

повышается. Как известно, даже отбор новости для публикации журналистом выражает его личностную и социальную позицию. Журналист должен уметь осмыслить новость и встроить ее в контекст с тем, чтобы выполнить те самые социальные функции по организации общественного диалога. О выражении собственной позиции журналистом следует сказать особо. Приверженцам американской модели журналистики это выражение покажется существенным недостатком. При этом, принимая во внимание традиционную литературоцентричность и философичность русской журналистики, можно считать это сильной ее стороной. Новость всегда являлась в России поводом для более широких рассуждений о том, что происходит в обществе, каково общество, в каком направлении оно движется. Требование американской модели гласит, что если комментарий присутствует, то это должен быть не журналистский комментарий, но комментарий эксперта, политика, даже простого прохожего. В действительности же российской аудиторией журналистский комментарий востребован, потому что журналист, как традиционно считается в российском социуме, пишет историю современности, и только он способен профессионально понимать эту историю через поток новостей. В-третьих, журналист как одну из составляющих профпригодности должен гарантировать аудитории грамотность и релевантность предъявляемых в своих постах фактов.

Сегодня целостное восприятие новости как сплава журналистского текста и комментариев к нему связано, на наш взгляд, с тем обстоятельством, что как журналисты, так и комментаторы актуализируют популярные идеологические доктрины и стереотипы массового сознания общества. Читателями данные сверхтексты соотносятся с уже оцененным политическим/социальным контекстом.

Литература

Васильева В.В. О механизме продуцирования массмедийного политического текста / В.В. Васильева, В.А. Салимовский // Мысль, Текст. Стиль. СПб., 2011. С. 43–51.

- Каминская Т.Л. Комментарии к текстам в Интернете как способ реализации социальных ролей / Т.Л. Каминская // Современное общество: актуальные проблемы и направления развития. Вып. 3. Великий Новгород, 2011. С. 39–41.
- Купина Н.А. Сверхтекст и его разновидности / Н.А. Купина, Г.В. Битенская // Человек — текст — культура. Екатеринбург, 1994. С. 214–233.
- Макаров М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. М., 2003. Мирошниченко А. Публикаторы и публика / А. Мирошниченко. Режим доступа: 05.05.2011 http://www.gipp.ru/openarticle.php?id=36471.
- Труфанова И.В. О разграничении понятий: речевой акт, речевой жанр, речевая стратегия, речевая тактика / И.В. Труфанова // Филологические науки. 2001. № 3. С. 56–65.

Виктория Генриховна Дидковская

Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого

ОБЩЕРОССИЙСКИЕ И НОВГОРОДСКИЕ СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ДОМИНАНТЫ ИМЕНИ (ВЕЛИКИЙ) НОВГОРОД

Статьи Т.В. Шмелевой, посвященные новгородской теме, объединены новым и новаторским подходом к городу как к тексту. Татьяна Викторовна предлагает внимательно читать городское пространство, не забывая, что оно создается не только архитектурными, но и в значительной степени языковыми формами. Язык в этом случае предстает не только как «дом духа» и «дом бытия», но и как «дом, в котором мы живем» здесь и сейчас. Названия улиц, вывески, реклама и даже речевые жанры городского общения — все это создает своего рода языковой контекст, отражающий и создающий стиль жизни, круг интересов жителей, а в нашем древнем городе — еще и понимание его роли в историко-культурной жизни российского государства. В предлагаемой статье отражены некоторые результаты конструирования «новгородского текста», который существует в свернутом виде в языковом сознании наших современников.

Важнейшим компонентом «новгородского текста», как и текста вообще, является заглавие, роль которого выполняет в нашем случае само имя *Новгород*, теперь — *Великий Новгород*. Оно располагается в «сильной позиции», перед въездом в город, и входит в «городской эпиграф» — «Великий Новгород — родина России». Развивая новгородскую тему, попытаемся выяснить, что связано с этим словом в языковой памяти современного носителя русского языка и русской культуры. Источником сведений для этой статьи послужил Русский ассоциативный словарь (РАС), позволяющий «проникнуть в социально-историческую

память носителей русского языка и получить ответ на вопрос: «Как мыслят русские в современной России?» [РАС 2002: 3]. Он составлен на основе эксперимента, в котором участвовали студенты российских вузов, поэтому характеризуется его авторами-составителями как «выход в массовое сознание русских» на 10-20 ближайших лет.

Имя собственное Новгород входит в обширный круг онимов, представляющих в РАС невербальную часть знаний человека о мире. Оно появилось как одна из реакций на стимул город на первом этапе ассоциативного эксперимента, вошло в число стимулов второго этапа, вновь было выделено по частоте воспроизведения и использовано в качестве стимула уже в «уточненном» виде – Великий Новгород. Закрепленность этого имени в ассоциативно-вербальной сети позволяет рассматривать его как единицу русского ассоциативного ономастикона, включающего преимущественно прецедентные имена, выступающие знаками-вербализаторами тех культурных знаний в языковом сознании говорящих, которые Ю.Н. Караулов назвал «местами памяти русского» [Там же: 780]. Прецедентность понимается нами как общеизвестность, т.е. известность каждому носителю данного языка, и включенность в фонд общеобязательных для национальной культуры знаний. Прецедентным именам, как и лексическому фонду языка в целом, принадлежит ведущая роль в хранении и передаче культурной информации.

Такое имя является своего рода «узелком на память» в системе культурных знаний. Однако, как заметил Ю.Н. Караулов, собственные имена часто «создают иллюзию знания и владения им: если название нам известно, то и явление, носящее это имя, представляется знакомым» [Там же: 755]. Одним из путей выявления объема реальных сведений о прецедентных феноменах, стоящих за прецедентными именами, может стать анализ качественно-количественного состава ассоциативных полей, приведенных в РАС. Как и любое слово, прецедентное имя не существует изолированно (в сознании, в памяти, в речи), а, напротив, связано множеством связей, семантических, грамматических, ассоциативных, с другими словами языка, которые образуют его ассоциативное поле, репрезентирующее вербализованную информацию о данном феномене, актуальную для

носителей языка. Что же стоит за онимом *Новгород* для нашего молодого современника, что он знает и вспоминает, встречая это слово, например, в СМИ, где оно появляется все чаще в связи с приближающимся юбилеем российской государственности?

Объем ассоциативного поля этого прецедентного имени вполне сопоставим с полями других исторических топонимов: оно включает 109 слов-ассоциатов и только одну минусреакцию на стимул Новгород и соответственно 103 и 4 на стимул Великий Новгород (ср. Москва 105, Ленинград 102). Однако актуальность и значимость самого прецедентного имени и стоящего за ним феномена определяется не общим количеством слов-ассоциатов, а числом разных реакций [Куликова 2007: 71]. Для «культурного имени» (Великий) Новгород это количество оказывается неожиданно низким и составляет примерно одну треть общего числа ответов (47 и 43 разных реакций). Такое соотношение можно объяснить высокой частотой первой реакции. создающей эффект занятого места и в силу этого сокращающей число других реакций: Новгород – город 30 и Великий Новгород – город 28. «Географическая» родо-видовая ассоциация не является специфически культурной и «новгородской», но оказывается устойчивой: так, в составе слов-реакций находим непрямые повторы старинный город, старый город, город в России, древний город. Даже такие реакции, как старинный 3, старый 1 и древний 2 не являются специфически «новгородскими», т.к. оказываются достаточно устойчивыми ассоциациями слова город «вообще» (древний 4; старый 3).

Географическая линия ассоциирования продолжена в реакциях-топонимах: *Москва, Киев, Горький, Самара, Сталинград, Устьог.* Одни из них относятся к реакциям, несущим информацию из области гуманитарных знаний, связанных с известными стереотипными оценками роли Новгорода в становлении русской государственности (*Новгород – Киев – Москва*), в других отражены актуальные знания о современных реалиях общественной жизни, в частности, ситуация, связанная с «неразличением» двух Новгородов – Великого и Нижнего (Новгород – *Великий* 17; *Нижений* 6). Единичная реакция *Устьог*, появившаяся на стимул Великий Новгород, обусловлена скорее всего не только географическими, но и лингвистическими

(синтагматическими) ассоциациями — *Великий* Новгород и *Великий* Устюг.

Вторая по частотности реакция Великий 17 может рассматриваться как компонент «новгородского текста», закрепленный в лексиконе средней языковой личности: Новгород Великий — это обозначение имеет длительную историческую и литературную традицию употребления, его присутствие в языковой памяти современников свидетельствует о значимости связанной с ним культурной информации. Можно отметить, что в сознании носителей языка закреплено еще одно имя города, восстанавливающееся из суммы полученных реакций, — Господин Великий Новгород, причем устойчивость этой ассоциации значительна: «достраивающие» реакции были получены первоначально именно на стимул господин — Великий Новгород 4 (пятая по частотности), Новгород 1.

Сопоставление качественного состава ассоциативных полей, полученных для вариантных форм онима Новгород и Великий Новгород, дает возможность выявить общие направления ассоциирования, отражающие стандартные знания об этом городе: он принадлежит истории и олицетворяет собой историю (история 6+1; это история 1), причем ее древний период (Русь 6+3; древний город 1+1; старина 2+1). Знания о древнем Новгороде выражены в таких реакциях, как церковь 2+1; вече 1+2; кремль 1+1; крепость 1+1, Александр Невский (Невский) 1+1. Анализ разных реакций на те же стимулы приводит к интересному наблюдению: употребление разных языковых форм одного и того же знака-стимула изменяет состав слов-реакций, т.е. ведет к смене точки зрения на предмет, изменяет его признаковое видение [Там же 2007: 78]. Так, стимул Новгород не вызывает в сознании современных студентов и школьников реакций, связанных с историко-культурной информацией, кроме одной - колокола. Но зато его ассоциативное поле содержит реакции пропозитивно-дескриптивного типа: эмоциональнооценочные прилагательные и слова глагольного типа (великолепный, красивый, милый, родной, сильный, средневековый; был, вырос, не сдался, стоит, строят). Ассоциативное поле стимула Великий Новгород создает иной образ, аккумулирующий более определенные и сложные представления. Во-первых, в

нем появляются слова культурной тематики (культура, храм, крестный ход, берестяные грамоты, Садко), и во-вторых, его историческое прошлое приобретает конкретные, в том числе собственно новгородские черты (князь, царь, война, Всея Руси, Республика, феодальное государство (респуб.)). В то же время значительно сократились реакции синтагматического типа, отражающие готовность говорящего включить слово-стимул в свою речь (белый, могучий, русский; пал, построен, прекрасен). Эти различия, вполне возможно, могут быть объяснены «хронологически»: слово Новгород как стимул использовалось в эксперименте, проведенном в 80-е годы прошлого века, а Великий Новгород — в 90-е годы, на рубеже веков, когда интерес к своему прошлому и национальной культуре вновь получил общественное одобрение.

Полученные данные свидетельствуют, на наш взгляд, о том, что в языковой картине мира современной языковой личности имя (Великий) Новгород присутствует главным образом в ее исторической части, тогда как его связь со сферой культуры отступает на второй план. Кроме того, обращает внимание скудность признаков, связанных с представлением о «новгородском», тогда как, например, имя Санкт-Петербург вписано в обширное ассоциативно-тематическое поле: город на Неве, Аврора, город на болоте, Пушкин, столица, Эрмитаж, Зимний дворец, Дворцовая площадь, Петропавловская крепость и др., к этому можно добавить ассоциаты, связанные со стимулом Ленинград: город-герой, блокада, город Ленина, город-музей, колыбель революции [Черняк 2008: 19].

Можно отметить почти полное отсутствие в ассоциативном поле слова *Новгород* прецедентных текстов в явной или скрытой форме. Прецедентные тексты, вернее, их образы, входят в прагматикон каждой языковой личности и представлены «свертками» литературных текстов, клише, цитатами, именами персонажей или авторов произведений литературы, являющимися неотъемлемой частью национальной культуры. Они используются носителями языка для оценки различных фактов, положений, ситуаций и одновременно свидетельствуют об освоенности этих фактов и ситуаций и включении их в когнитивную базу языковой личности. Для имени (*Великий*) *Новгород* такого

рода реакция представлена только именами-символами Александр Невский и Садко. Как оказывается, современный молодой человек не связывает с новгородскими страницами русской истории ни Рюрика, ни Ярослава Мудрого (хотя их имена появляются в ассоциативном поле стимула князь). Актуализацию этих имен в памяти молодых русских вряд ли можно объяснить только знанием литературных текстов, например, былины о новгородском госте Садко или исторических исследований об Александре Невском, она имеет скорее общекультурную обусловленность [Дидковская 2007].

Совокупность реакций на слово-стимул (Великий) Новгород в РАС позволяет судить о его обобщенном, общерусском «образе», сформированном в языковой памяти молодых носителей языка: он базируется на историко-культурных знаниях «усредненной» языковой личности. Каков же Великий Новгород в представлении самих новгородцев, какие черты, реалии, топосы родного города являются для них значимыми и актуальными? Источником сведений, необходимых для ответа на этот вопрос, послужили публикации в новгородской прессе, посвященные подготовке и проведению Ганзейских дней в Великом Новгороде и 1150-летнему юбилею города в 2009 г. Тексты газетных статей, объединенные общей темой праздника, можно рассматривать как гипертекст, авторы которого стремятся максимально полно выразить «новгородскую идею», акцентируя те ее слагаемые, которые, по их мнению, определяют значение Новгорода для современной России и представляют интерес для гостей из современной Европы. Словесное выражение этих слагаемых в праздничном гипертексте образует «языковой портрет» города.

Как показал анализ статей в новгородской прессе (их совокупность можно в данном случае называть новгородским текстом), в них присутствуют все элементы стереотипных, «усредненных» знаний о роли Великого Новгорода в русской истории и культуре: средневековый, древний (город), церковь, береста, вече, старина, храм, кремль, Александр Невский, Садко. Однако в новгородском тексте эти две линии ассоциирования имеют значительно больший объем и качественное разнообразие. Связанная с ними лексика образует два лексико-тематических поля,

находящихся между собой в отношениях пересечения и частичного наложения, – История Новгорода и Культура Новгорода. В их составе появляются слова, определеннее рисующие облик города и выражающие оценку его роли в истории Руси и России: памятник, традиция, связь (прошлого и настоящего), купец, символ (России), собор, археология, раскопки, граница (Древней Руси), легенда, монастырь, монумент, прообраз, зодчество (древнее), ладья, воин, рыцарь, путь из варяг в греки, Ярославово Дворище, Торговая сторона, Гостиный двор, Софийская площадь, Кремлевский парк, берега Волхова и др. Закономерно, что в статьях новгородских журналистов историко-культурное прошлое Новгорода приобретает зримые, овеществленные черты – это «история в лицах» и памятниках, которые хорошо известны новгородцам, а многие из них уже стали символами и мифологемами русской культуры. Для новгородцев слово собор означает прежде всего Софийский собор, с его голубем на кресте и Сигтунскими вратами, монастырь - это один из новгородских монастырей: Юрьев с храмом Святого Георгия, Зверин, Антоньев. В числе имен государственных деятелей, связанных с Новгородом, появляются имена Рюрика, Ярослава Мудрого, Марфы Посадницы, Ивана III, Ивана Грозного, Василия Шуйского, Петра Первого. Меньше повезло деятелям культуры – в газетных статьях встречается только имя С.В. Рахманинова (интересно, что в праздничных текстах почти не упоминается и одна из главных «примет» Новгорода – памятник Тысячелетия России).

Зато весьма своеобразно упоминаются имена двух князей, не связанных непосредственно с историей древнего Новгорода, — Владимира Мономаха и Олега Святославича — в статье с интригующим названием «К истории древнерусского криминала» (Новгород, 20.08.2009). Вольное обращение с историей государства и историей языка всегда приводило к печальным результатам, а в новгородском «контексте» оно производит удручающее впечатление. Стремясь просветить не только своих читателей, но и «исследователей, интересующихся прошлым», относительно преступлений и преступников древнерусской поры, автор отсылает их к книге М. Кушнира «Самые громкие убийства времен князя Владимира». В ней, среди прочих ужа-

сов, не всегда связанных с эпохой Владимира, упоминается и князь Олег (названный автором «Слова о полку Игореве» Гориславичем). Автор же статьи дает ему нелестную характеристику «крестный отец» со ссылкой на Владимира Мономаха. Но в сочинениях Мономаха, а именно в его письме все тому же Олегу Святославичу, это сочетание не имеет никакого криминального смысла, во всяком случае, для исследователей, интересующихся прошлым (про сицилийскую мафию в Древней Руси еще не слыхали). Дело в том, что князь Олег действительно был крестным отцом сына Владимира Мономаха Изяслава, погибшего в одной из смут, затеянных Олегом. «Преступление Олега было тем более ужасно, что убитый Изяслав приходился крестным сыном Олегу. Со средневековой точки зрения Олег был сыноубийцей», — пишет об этом Д.С. Лихачев [Лихачев 1987: 135]. Так что князь, конечно, преступник, но не дон Вито Корлеоне.

Возвращаясь к праздничному новгородскому тексту, заметим, что многие из выделенных лексем используются не столько в публикациях, посвященных историко-культурной тематике, сколько в контекстах, развивающих тему праздника, его подготовки и организации. Журналисты настойчиво напоминают «властям предержащим» и всем новгородцам о необходимости сохранять новгородские древности, поэтому слованазвания памятных мест и сооружений сочетаются со словами из микрополей Подготовка (работы, проект, строительство, ремонт, реконструкция, реставрация, уборка), Финансирование (расходы, средства, помощь, бюджет, деньги, фонд, затраты, взнос, пожертвование, меценат), Организация (оргкомитет, комиссия, заявка, дирекция), Власть (Президент, Совет Федерации, Государственная дума, губернатор, министр, мэр). Так в общий мажорный тон праздничных публикаций (см., например, № 38 газеты «Новгород» от 24.09.2009) вплетаются ноты озабоченности состоянием памятников Новгорода и городской среды в целом: «Другой не менее важный вопрос, поднятый на встрече, – реставрация и сохранение памятников истории и культуры. ...Этот исторический памятник (Рюриково городище) находится в запустении, а для его восстановления нужны огромные деньги»: «...не оставлять без внимания знаменитые новгородские памятники, которые после юбилея могут остаться

без средств на реставрацию»; «Также была рассмотрена проблема финансирования, которая, по мнению главы государства, должна идти совместно с частным бизнесом, меценатством». В целом же праздничные публикации были рассчитаны на то, чтобы подчеркнуть беспрецедентность проведения Ганзейских дней в Новгороде, масштабность и международный статус праздника, обратить внимание читателей на выдающуюся роль их города в истории не только Ганзы, но и нашей страны. Поэтому авторы статей широко используют оценочную лексику с семантикой наивысшего проявления качества (уникальный, потрясение, феерический, бесценные, потрясающее по красоте) и оценочные суждения: «Великий Новгород – бриллиант в короне России», – согласился Дмитрий Медведев; «...наш город – такая же древняя столица, как Киото в Японии...».

Город с великой историей, город-памятник, связанный с величайшими достижениями русской культуры – таковы основные ключевые представления, связанные с именем *Новгород* в языковой памяти носителей русского языка, которые в праздничном новгородском тексте дополняются выражением заботы о сохранении этого бесценного наследия.

Литература

Дидковская В.Г. Имя «Новгород» в ономастиконе русской культуры (по материалам Русского ассоциативного словаря) / В.Г. Дидковская // К 60-летию профессора А.В. Жукова. Юбилейный сборник научных трудов. Великий Новгород, 2007. С. 48–53.

Куликова И.С. Почему так много и почему так мало? (Размышления по поводу объема статей в Русском ассоциативном словаре) / И.С. Куликова, Д.В. Салмина // Фразеологизм и слово в языке и речи. Великий Новгород, 2007.

Лихачев Д.С. Великое наследие: Избранные работы / Д.С. Лихачев. Т. 2. Л., 1987.

РАС: Русский ассоциативный словарь. Т. I-II. M., 2002.

Черняк В.Д. Лексические домининты Санкт-Петербурга: к истокам петербургского текста / В.Д. Черняк // Слово. Словарь. Словесность: петербургский контекст русистики начала XXI века. СПб., 2008.

Лилия Маршалек, Марек Маршалек

Университет Казимира Великого в Быдгоще Польша

РУССКИЕ АББРЕВИАТУРЫ В ПОЛЬСКОЙ СОВРЕМЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ: ИДЕОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

С 1997 по 2001 год Татьяна Викторовна работала в Быдгоще на кафедре русского языка. Лиля Маршалек преподавала на кафедре методики преподавания русского языка, Марек — на кафедре балто-славянских языковых контактов. Работа на разных кафедрах никак не мешала нашему научному общению, а наоборот, делала его очень интересным и многосторонним. Под руководством Татьяны Викторовны Лиля писала свои первые научные статьи, а затем и кандидатскую диссертацию, а Марек часто советовался с нею по различным вопросам. Мы благодарны Татьяне Викторовне за многое, не забываем о ее сыне, который блестяще владел польским языком и был круглым отличником.

Одной из примет языка польской публицистики начала XXI в. является активное использование русских аббревиатур, т.е. имен существительных, образованных путем сокращения словосочетания или усечения отдельного слова. В публицистике прошлого века аббревиатуры встречались значительно реже, были представлены – как следует из литературы [Bielecka-Latkowska 1987] — только тремя структурными типами (за исключением акронима BAM): образованиями из сочетания начальных частей слов, из сочетания начальной части слова с целым словом, а также из сочетания начала первого слова с концом второго, касались в большинстве своем общественно-политических отношений, экономики, военного дела и научно-технического прогресса. К сокращениям того времени относятся, напр.: awtostroj, gosbank, komsorg, kultbaza, kultpochód, leschoz, lespromchoz,

likbiez, łunkor, miedsanbat, metrotram, moped, mokik, rajkom, rybchoz, sanbat, sownarkom [cp.: Там же: 11-19].

В современной же публицистике наряду со структурными типами, характерными для минувшего столетия, широко применяются также русские инициальные аббревиатуры, как буквенные, напр.: BBK, RZD, WGTRK, так и звуковые, напр.: GITIS, MAK, WCIOM, образования, состоящие из сочетания начальных частей и начальных звуков: INSOR, и усечения отдельных слов, напр.: ІІ, Мі, Ти, которые используются в маркировке самолетов или вертолетов. В нашей картотеке структуры этого типа составляют около 48 % материала; некоторые из них отличаются относительно высокой степенью употребительности. Так, напр., сокращение **KGB** отмечено 79 раз, **NKWD** – 60, MAK - 58, Tu - 56, Gulag - 29, Jak - 29, Il - 11, OMON - 7, Su - 6, FSB - 5. В настоящее время заметно расширился также тематический диапазон аббревиатур. Именно он и является предметом настоящей статьи, которая вполне вписывается в русло исследований по новейшим русско-польским языковым контактам [cp.: Pihan-Kijasowa 2003; Nowożenowa 2006; Karaś 2007; Маршалек 2010; Marszałek 2011].

Источниками языкового материала послужили 140 номеров журнала «Polityka» и 150 номеров еженедельной газеты «Nie», выходивших в период с 2000 по 2003 и с 2008 по сентябрь 2011 г. Выбор изданий не случаен: оба печатаются относительно большим тиражом (ок. 230 тыс. — «Polityka» и ок. 176 тыс. — «Nie»), относятся к числу наиболее влиятельных органов в сфере общественно-политической жизни, часто и последовательно затрагивают российскую тематику. Картотека аббревиатур, отобранных методом сплошной выборки, включает 95 единиц и 591 иллюстрацию их употребления.

Особенностью польской публицистики по отношению к принимаемым аббревиатурам является то, что они никогда не воспроизводятся в своем исконном (кириллическом) облике, в результате чего не отличаются такой большой степенью контрастности, которую, например, в русском языке имеют неадаптированные аббревиатуры из западноевропейских языков, ср.: Компанией «Дел'Авиа» заключен договор на обслуживание в залах VIP. Есть еще одна причина, по которой следует зани-

маться PR [примеры по: Бирюкова 2007: 94, 95]. Кстати сказать, в современном польском текстопроизводстве элементы кириллицы используются лишь спорадически, напр., в рекламах для концентрации внимания на продаваемом товаре, ср.: ШКОСІМУ ТЯОСНЕ РО́ZИІЕЈ. ADWOKAT MÓШІ, ŻЕ ЗА 6 LAT (Polityka 9/2000, 7), или идейными сторонниками покемонов для записи фамилий в социальной сети nasza-klasa.pl [Cyrylica 2011], напр.: $D \sigma M \iota u \iota \kappa \alpha K g \alpha m c z y \kappa$, E.m.a Farha.

Анализ материала показывает также, что русские аббревиатуры в большинстве своем осваиваются прямым путем заимствования знаковой формы с помощью транслитерации, ср.: Rosneft, UAZ, Wochr, WTB, или – реже – посредством транскрипции, ср: Cyrkon, Sibnieft. Крайне редко происходит частичное калькирование структуры сокращенного слова, т.е. перевод одной его части при сохранении в исходном виде другой, напр.: specpociąg (спецпоезд). Аббревиатуры, сохраняющие знаковую форму, зачастую вводятся в текст с расшифровкой, ср.: W kącie niepozorna mapa Bielbałtłagu, czyli LagrówBiałomorsko-Bałtyckich / Polityka 7/2008, 102, или выделяются курсивом, напр.: [...] рагаleli między carem а gensekiem nie brak / Polityka 7/2008, 102, указывающим на «чужеродность» вводимого сокращения и его определенную национально-культурную принадлежность.

Русские аббревиатуры, как единицы коммуникативно маркированные, распределяются на основе общности обозначаемых ими явлений и объектов действительности по следующим темам.

ЭКОНОМИКА

• Названия акционерных обществ, корпораций, компаний, фирм

Agrorecztur – **ArpoPeчTyp** ([...] zatrzymano dwie osoby: dyrektorkę agencji turystycznej Agrorecztur oraz eksperta kamskiego rejestru rzecznego / Nie 29/2011, 13);

Ałrosa – **AJPOCA** (Rosyjskie giganty surowcowe – Ałrosa i Rosnieft – z powodzeniem sprzedają akcje w Szanghaju / Polityka 16/2010, 98);

Awtowaz – АвтоВАЗ ([...] w firmie samochodowej Awtowaz / Polityka 30/2000, 14);

Dalstroj – Дальстрой (Na przełomie lat 30. i 40. terytorium to weszło w skład ziem zarządzanych przez Dalstroj, stalinowskie przedsiębiorstwo / Polityka 3/2011, 101);

Gazprom – **Γα3προм** (*Gazprom krzywym okiem patrzył na Kijów* / Polityka 45/2000, 34);

Gazprom Neft – **Газпром нефть** (Został akcjonariuszem takich firm, jak Rosnieft, Gazprom Neft / Nie 50/2010, 13);

Gazprom Nieft — **Газпром нефть** ([...] zarejestrowani inwestorzy to sami Rosjanie: Łukoil, Gazprom Nieft / Polityka 13/2011, 47);

goskorporacja — госкорпорация (Przygotowania do wielkiej imprezy z ramienia Kremla prowadzi goskorporacja (państwowa korporacja) Olimpstroj / Polityka 39/2009, 108);

Jukos – ЮКОС (Jeszcze lepszy interes zrobił wtedy Michaił Chodorkowski, który za 309 mln dol. przejął 78 proc. akcji największej rosyjskiej firmy paliwowej – Jukosu / Polityka 52/2010, 55);

Łukoil – ЛУКойл (I nawet Ruskie tego nie zechcą kupić. Chyba że ziemię pod budowę stacji benzynowej Łukoil / Nie 20/2011, 4);

Olimpstroj — Олимпстрой (Nad budową obiektów olimpijskich czuwa utworzona specjalnie państwowa korporacja Olimpstroj / Polityka 8/2011, 44);

Rosneft — Роснефть (W styczniu tego roku sąd nakazał kompanii Rosneft ujawnić protokół posiedzenia dyrektorów firmy / Nie 50/2010, 13);

Rosnieft – Роснефть (Rosyjskie giganty surowcowe – Ałrosa i Rosnieft – z powodzeniem sprzedają akcje w Szanghaju / Polityka 16/2010, 98);

RŻD – РЖД (Do dziś w te rejony RŻD (rosyjskie PKP) nie wysyła składów kolejowych wyższych klas / Polityka 24/2011, 111);

Sibneft — Сибнефть (Abramowicz, Bieriezowski i kilku innych zostali w rezultacie właścicielami Sibneftu / Polityka 52/2010, 55);

Sibnieft — Сибнефть (Przed właścicielem kompanii naftowej Sibnieft [...] otwierają się wszystkie drzwi prowadzące do gabinetów władzy / Polityka 31/2000, 38);

Surgutnieftiegaz—Сургутнефтегаз (Został akcjonariuszem takich firm, jak Gazprom, Surgutniefiegaz / Nie 50/2010, 13);

TNK-BP – THK-BP (Ówczesny wiceszef administracji prezydenta Putina nakazał koncernom TNK-BP i Łukoil odwołać kontrakty na dostarczenie surowca / Polityka 6/2011, 38);

Transneft – **Транснефть** (*Podobny mechanizm Nawalny odkrył w przedsiębiorstwie Tfansneft* / Nie 50/2010, 13);

Transnieft – **Транснефть** (Został akcjonariuszem takich firm, jak Surgutniefiegaz, Transnieft / Nie 50/2010, 13).

• Названия банков

Oneksim Bank – ОНЭКСИМ-банк (Prochorow był prezydentem Oneksim Banku / Nie 32/2011, 14);

Sbierbank — Сбербанк (Na trzecim poziomie, do którego dociera nowiutka kolejka linowa Gornaja Karusel, oblepiona reklamą Sbierbanku, pracuje ciężki sprzęt / Polityka 8/2011, 46);

Wnieszekonombank — Внешэкономбанк ([...] zarówno FSB jak i cywilny wywiad zakładały banki lub roztaczały nad nimi kuratelę, aby wymienić tylko Wniesztorbank i Wnieszekonombank / Polityka 28/2010, 81;

Wniesztorbank-Внешторбанк (см. Wnieszekonombank – Внешэкономбанк);

WTB – BTБ (Został akcjonariuszem takich firm, Sbierbank i banku WTB / Nie 50/2010, 13).

• Сельское хозяйство

kolchoz – **колхоз** (W Ciapo istniał wtedy kołchoz Gwiazda Poranna / Polityka 32/2009, 86).

• Топливо и энергетика

Kuzbas – **Ky36acc** (*Kola*, *nauczyciel z Kuzbasu* [...]) / Polityka 34/2011, 77).

• Термины экономики

NÉP – **HЭΠ** (Nigdy na większą skalę nie ujawniła się w Rosji oddolna przedsiębiorczość. A ta, która się od czasu do czasu pojawiała, jak np. w okresie NEP-u, była szybko i radykalnie tłumiona / Polityka 10/2000, 42).

АВИАЦИЯ

- **An-24W Aн-24B** ([...] *pod Szczecinem rozbił się An-24W* / Nie 32/2011, 6);
- **ANT-4 AHT-4** ([...] pierwszym samolotem zbudowanym pod kierownictwem Tupolewa był bombowiec ANT-4 / Polityka 13/2011, 96);
- **Jak-40 \mathbf{9}κ-40** (Jak-40 z dziennikarzami wylądował! / Nie 45/2010, 5);
- II-2 ИЛ-2 (Wymontowali ze stojącego na lotnisku samolotu Il-2 3 szybkostrzelne działka / Nie 23/2011, 14);
- II-76 ИЛ-76 (Teraz na tapecie będzie II-76 z maszynką do wytwarzania sztucznej mgły w smoleńskich jarach / Nie 2/2011, s. 15);
- **Mi-2 Mu-2** (Zastąpienie nowoczesnymi maszynami, jakimi są eurocoptery, wysłużonych i nielatających w nocy Mi-2, było koniecznością / Nie 36/2010, 9);
- MiG MuΓ (Kiedy doszedł do 7 g, pocieszał się, że na samolotach MiG przeciążenia dochodziły do 9 g / Polityka 15/2011, 68);
- $Mig-29 Mu\Gamma-29$ ([...] nasza waleczna armia ma na wyposażeniu jeszcze inne samoloty, w tym 31 MiG-29 / Nie 9/2011, 4);
- mig MuΓ ([...] nasze zadanie wykonujemy jeszcze na ruskich migach / Nie 52-53/2010, 9);
- **Su-22 Cy-22** (Większość z nich aplikowała do jednostek, w których wprowadzano na stan nowe radzieckie samoloty Su-22 / Polityka 4/2011, 16);
- **TB-1 TB-1** ([...] pierwszym samolotem zbudowanym pod kierownictwem Tupolewa był bombowiec TB-1 / Polityka 13/2011, 96);
- **Tu-154 Ty-154** (*Ich czołówka znajdowała się na pokładzie Tu-154*, *który leciał 10 kwietna do Smoleńska* / Nie 43/2010, 11);
- **Tu-2 Ty-2** (*Właśnie w takich okolicznościach rozbudował swój lekki bombowiec Tu-2* / Polityka 13/2011, 97).

СИЛОВЫЕ СТРУКТУРЫ, РАЗВЕДКА, ОРГАНЫ ПРАВОПОРЯДКА

- CzeKa 4K (Stojąc na czele CzeKa, większość czasu spędzał w swym gabinecie na Łubiance / Polityka 39/2009, 88);
- Czeka Чека (Polacy będą mieli okazję wzruszyć się na filmie o Barbarze Blidzie zamordowanej przez Gestapo-Czeka Kaczyńskiego / Nie 50/2010, 10);
- CzK YK (Dzień powołania CzK nadal jest świętem branżowym Federalnej Służby Bezpieczeństwa / Nie 6/2000, 8);
- **FSB ΦCG** (*W końcu wchodzi człowiek ubrany na czarno, nie przedstawia się, ale nie trzeba: jest z rejonowej FSB* / Polityka 7/2008, 105);
- **GPU** $\Gamma\Pi Y$ (Niektórzy historycy twierdzili, że mord został dokonany z polecenia GPU / Polityka 16/2010, 66);
- $GRU \Gamma PY$ ([...] otrzymywali przez cały czas walk wsparcie od wywiadu wojskowego GRU / Polityka 8/2000, 33);
- **KGB KΓB** (*Zmarginalizowane na początku dekady Jelcyna pokolenie KGB ponownie okrzepło* / Polityka 2/2000, 15);
- **NKWD HKB**Д (*NKWD aresztowało jej męża*, a synek Wsiewołod cieżko chorował / Polityka 39/ 2009, 87);
- **OMON OMOH** (40-letnia kobieta stała obok posterunku rosyjskiego OMON, czyli specjalnych jednostek milicyjnych / Polityka 12/2000, 36).

ВОЕННОЕ ДЕЛО

- **IAB ИАБ** ([...] *nie mówiło się "bomba atomowa", a imitacjonnaja avio bomba, w skrócie IAB* / Polityka 40/2010, 98);
- **politruk политрук** ([...] *polski oficer zamyka radzieckiego politruka w sali* / Nie 49/2008, 9);
- **specnaz спецназ** (Zatrzymali go zamaskowani i uzbrojeni funkcjonariusze specnazu Granit / Polityka 14 / 2009, 8);
- **specpułk спецпо**лк (*Rozkazem szefa Sztabu Generalnego* w specpułku wprowadzona ma zostać unifikacja używanych maszyn / Polityka 12/2011, s. 6);

- T-34 T-34 (*Dziś żałuje*, że nie wziął czołgu okazało się, że mają na stanie o jeden T-34 za dużo / Polityka 16/2011, 32);
- T-72 T-72 (Ale ok. 60 proc. czołgów to T-72, ruska konstrukcja sprzed prawie 40 lat / Nie 52-53/2010, 9);
- **Wochr BOxp** ([...] wystraszeni dorośli bali się pójść do pobliskiej stanicy Wochru / Polityka 3/2011, s. 102).

ТРАНСПОРТ

- **BAM BAM** (*Najstarszy z nich Spiridon Gabyszew pozbierał ich z dworców kolejowych na BAM*, *spod sklepów*, *ba*, *nawet z więzienia i sklecił małą brygadę* / Polityka 32/2009, 85);
- **ВВК ББК** (Za oknem sam Białomor (Kanał Białomorsko-Bałtycki, BBK) / Polityka 7/2008, 100);
- **Bielomorkanał Беломоркана**л (*Zoszczenko odwiedził budowę Bielomorkanału* / Polityka 9/2011, 90);
- **specpociąg спецпоезд** ([...] *na peronie pojawiła się kierowniczka specpociągu, Zykina* / Nie 19/2000, 2);
- **Transsib Транссиб** (Nie tylko inostrancy są zgodni co do tego, że właściwie Syberii nie zrozumiesz bez podróży Transibem / Polityka 34 / 2011, s. 78);
- UAZ YA3 (Raz na kilka tygodni przez Tamtor przemyka wypchany cudzoziemcami UAZ / Polityka 3/2011, 101);
- **Ził ЗИ**Л (Wewnątrz pancernego prezydenckiego Ziła / Polityka27/2000, s. 40).

СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

- **NTW HTB** (*Niezależna telewizja NTW* [...] / Polityka 48/2000, 42);
- ORT OPT ([...] *komentator telewizji ORT* [...] / Polityka 26/2000, 17);
- RTR PTP (Moskwa to siedziba największych telewizji ogólnokrajowych dwóch państwowych ORT i RTR oraz prywatnej NTW / Polityka 48/2000, 42);

- stiengazjeta стенгазета ([...] sowiecka strona, od Kremla do ostatniej stiengazjety, jęła twierdzić, że Polacy znaleźli się raptem w Katyniu / Polityka 15/2000, 86;
- TASS TACC ([...] agencja TASS ogłosiła komunikat przyznający odpowiedzialność radziecką i sprawstwo NKWD / Nie 12/2010, 12);
- **WGTRK ΒΓΤΡΚ** ([...] została krasnodarską korespondentką państwowego konglomeratu madialnego WGTRK / Polityka 1/2/2011, 115).

ПАРТИИ, СОЮЗЫ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОГРАНИЗАЦИИ

gensek – **rehcek** (By zdążyć na czas wyznaczony przez kapryśnego genseka, podczas kopania koryta organizowano robotnicze zawody / Polityka 7/2008, 105);

Komintern – **Коминтерн** (*Początkowo propozycje statutu tej organizacji zmierzały praktycznie do odbudowy Kominternu* / Polityka 10/2010, 78);

Komsomoł – **комсомол** (Liderzy "Komsomołu" zaproponowali powołanie młodzieżowej przybudówki / Nie 9/2000, 5);

Politbiuro – **политбюро** (Jak wiadomo, do Warszawy przylecieli nieproszeni goście, prawie połowa radzieckiego Politbiura / Nie 29/2008, 14);

WKP(b) – **BKII(6)** (*W kwietniu 1948 r. zgłosił się do Gomułki radca ambasady radzieckiej z listem Komitetu Centralnego WKP(b)* / Polityka 10/2010, 79).

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ СССР

Bielbaltlag — **БелБалтЛаг** (*W kącie niepozorna mapa Bielbaltlagu* [...] / Polityka 7/2008, 102);

Gułag – **ΓУ**Л**Α**Γ ([...] *w więzieniach lub obozach Gułagu* / Polityka 44/2000, 61);

Siewwostłag — Севвостлаг (Na przełomie lat 30. i 40. terytorium to weszło w skład ziem zarządzanych przez Dalstroj,

stalinowskie przedsiębiorstwo, które rękami rabów Siewwostłagu (Północno-Wschodnie Poprawcze Obozy Pracy) miało wydobyć złoto z basenów rzek Kołymy i Indygirki / Polityka 3/2011, 101);

zek – **33κ** (W trosce o podkreślenie heroicznego wysiłku zeków autorzy trochę koloryzują (zek – od wyrazu zakluczonnyj, zapisywanego z/k, określenie więźniów gułagu w Związku Radzieckim [...] / Polityka 7/2008, 100);

 $z/k - 3/\kappa$ (cm. $zek - 33\kappa$).

ИСКУССТВО: ЛИТЕРАТУРА, КИНО, ТЕАТР

GITIS – **ΓИТИС** ([...] w GITIS, słynnej moskiewskiej szkole teatralnej [...]) / Polityka 48/2000, 44);

MCHAT – MXAT (Wcześniej znana była wersja sceniczna powieści, zatytułowana "Dni Turbinów", wystawiona w słynnym moskiewskim teatrze MCHAT już w 1926 r. / Polityka 1/2/2011, 141);

samizdat — **самиздат** (*To już nie jest samizdat, to niemal normalne przedsięwzięcie edytorskie* / Polityka 44/2000, 60);

WGiK – ВГИК (W 1955 r. skończył moskiewską szkołę filmową WGiK / Polityka 1/2/ 2011, 99).

ЦЕНТРЫ

Cyrkon – ЦИРКОН (W połowie ubieglego roku ośrodek socjologiczny Cyrkon wykazał, że społeczeństwo i Kreml inaczej rozumieją modernizację / Polityka 12/2011, s. 65);

INSOR – **WHCOP** (*Igor Jurgens*, *dyrektor ośrodka INSOR*, nazywa rzecz po imieniu: "Prezydent prowadzi cichą wojnę z konserwatystami, którzy mają zbyt duży wpływ na Rosję" / Polityka 12/2011, 65).

WCIOM – ВЦИОМ ([...] badania przeprowadzone przez Ogólnorosyjskie Centrum Badania Opinii Publicznej (WCIOM) / Polityka 3/2011, 21).

ГОСУДАРСТВЕННО-АДМИНИСТРАТИВНАЯ СИСТЕМА

rajkom – райком (Ożenił się z Rosjanką Anną, sprzątaczką w rajkomie partii / Nie 1/2010, 4);

rajsowiet – райсовет (Strzelbę zabrali, a z książkami kazali się zgłosić następnego dnia do rajsowietu / Polityka 52/2000, 21).

ФОНДЫ

FOM – **ΦOM** (Badanie przeprowadzone przez Fundację Opinii Publicznej (FOM) [...]) / Polityka 3/2011, 22).

КОМИТЕТЫ

MAK – **MAK** (*Treść raportu MAK podtrzymuje w zasadzie wcześniejsze ustalenia i odpowiedzialnością za katastrofę obarcza warunki atmosferyczne oraz załogę samolotu* / Nie 45/2010, 5).

АРХИВЫ

RGASPI – PFACHII (Tom zawiera teksty 60 dokumentów, z których 59 jest przechowywanych w Rosyjskim Archiwum Państwowym Historii Społeczno-Politycznej (RGASPI) / Polityka 18/2010, 78).

МЕДИЦИНА

med-punkt — медпункт (Piętrowy szpital — bez okien, zostało tylko jedno pomieszczenie z jednym lekarzem — teraz nazywa się med-punkt / Polityka 52/2000, 20).

Таким образом, русские аббревиатуры, функционирующие на полосах еженедельников «Polityka» и «Nie», относятся к различным сферам общественной жизни. Однако лидирующее

место сокращения занимают в таких областях, как «экономика», «авиация», «силовые структуры, разведка, органы правопорядка», а также «военное дело». В динамическом аспекте понимания заимствований анализируемые аббревиатуры в большинстве своем являются окказионализмами, существующими исключительно в речи индивидуумов. Имеются, однако, и такие сокращения, которые уже заняли прочное место в номинативной системе польского языка, как напр.: gensek, Gulag, kolchoz, Komintern, Komsomol, NEP, NKWD, Politbiuro, politruk, samizdat, TASS [ср.: Słownik poprawnej... 1980; Słownik współczesnego... 1998; Kopaliński 2007; Uniwersalny słownik... 2008].

Литература

- Бирюкова Е. Функционирование аббревиатур в современной речи: Дис. ... канд. филол. наук / Е. Бирюкова. М., 2007.
- Маршалек М. Лексические русизмы в польском языке начала XXI века / М. Маршалек // Русский язык и литература во времени и пространстве. Т. 2. Shanghai. 2011. С. 675–681.
- Bielecka-Latkowska J. Rosyjskie zapożyczenia leksykalne we współczesnym języku polskim w świetle materiałów słownikowych i prasy powojennej (1945–1985) / J. Bielecka-Latkowska. Kielce, 1987.
- Karaś H. Rusycyzmy słownikowe w polszczyźnie ogólnej historia i współczesność / H. Karaś // Poradnik Jezykowy 5. 2007. S. 25–43.
- Kopaliński W. Słownik wyrazów obcych i zwrotów obcojęzycznych z almanachem / W. Kopaliński. Warszawa, 2007.
- Marszałek M. Rusycyzmy leksykalne w potocznej odmianie współczesnej polszczyzny / M. Marszałek // Linquistics Applied" 2/3. 2010. S. 77–92.
- Nowożenowa Z. Русское слово в польском тексте / Z. Nowożenowa, A. Pstyga // Wschód–Zachód. Dialog języków i kultur. Słupsk, 2006. S. 172–178.
- Pihan-Kijasowa A. Leksykalne zapożyczenia rosyjskie w polszczyźnie ostatniego dziesięciolecia XX wieku / А. Pihan-Kijasowa // Славянское слово в литературе и языке: Материалы Междунар. науч. конф. «Славянская культура в современном мире». Архангельск, 2003. С. 115–123.
- Słownik poprawnej polszczyzny. Warszawa, 1980.
- Słownik współczesnego języka polskiego. T. 1–2. Warszawa, 1998.
- Uniwersalny słownik języka polskiego. T. 1–4. Warszawa, 2008.
- Cyrylica // http://nonsensopedia.wikia.com/wiki/Cyrylica (2011-09-06).

Татьяна Геннадьевна Никитина

Псковский государственный университет

СЛОНЫ В ЛИНГВОКРЕАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РУССКОГО МИРА

Коллекция слонов профессора Т.В. Шмелевой иироко известна в стране и за рубежом

25 мая 2011 г.

Слоны потянулись в Россию в начале XVIII века. Следы первого из них, посланного «индейским царем» в подарок Петру I в 1702 году, затерялись где-то в прикаспийских степях на

пути из Шемахи в Астрахань. Второму повезло больше: его переправили в Астрахань на корабле, а путь до Санкт-Петербурга он проделал пешком, истоптав на российских дорогах не одну пару специальных кожаных башмаков. Три года аккультурации в «Зверовом дворе» Санкт-Петербурга закончились печально: отравление угарным газом в сильно натопленном (старались же!) помещении. Следующий слон, подаренный персидским шахом, появился в Петербурге в 1723 году. Его привезли по морю на специально построенном судне. В 1736 году — еще один подарок из Персии, а в начале 40-х годов XVIII века поголовье этих диковинных животных в нашей стране достигло 15 особей.

Приключения первых слонов в России описаны русскими, немецкими, британскими историками и зоологами XVIII—XIX веков. Обобщая эти наблюдения, А.К. Богданов отмечает неоднозначное восприятие этого невиданного животного русскими: старинные тексты представляют слона то «послушным как лошадь и верным как собака», то «хитрым как обезьяна и сердитым как тигр». Слоны, по свидетельствам этих источников, проявляют покорность и терпение, когда зеваки на Невском проспекте забрасывают их камнями во время прогулок, но, вырвавшись на свободу (был и такой случай в истории Санкт-Петербурга), ломают изгороди и разоряют «чухонскую деревню» на Васильевском острове [Богданов 2006: 50–52].

Переселение слонов в Россию способствовало развитию словообразовательной активности основы *слон-* и включению ее производных в ономастическую систему русского языка. Так, человека, сопровождающего слона на прогулках, стали называть *слоновщиком*, на Фонтанке появился *«Слоновый двор»* – помещение, специально построенное для содержания слонов, а прилегающая к нему улица была переименована в *Слоновую* (ныне Суворовский проспект).

Тогда же появляются и первые этимологические версии слова *слон*. Народная этимология возводит его к глаголу *прислоняться*: слон, якобы, всегда спит, прислонившись к дереву (отсюда и один из первых анекдотов о слонах: *Как охотятся на слона? – Подпилят дерево, слон упадет и не сможет подняться*) [http://www.slonarium.ru/cristslon.php].

По мнению большинства исследователей, наименование *слон*, скорее всего, заимствовано из тюркских языков и восходит к слову *arslan* (*aslan*), обозначающему не слона, а льва. [Фасмер 1987: 674–675]. Интересно, что языковое сознание европейцев объективирует и обратный процесс: в итальянских диалектах литературное *elefant* – 'слон' превращается в *liofante* – 'подобный льву' [Мокиенко 1989: 112].

В ходе адаптации заимствований слоны смешиваются и с верблюдами. Вот как описывает эти номинативные метаморфозы В.М. Мокиенко: русское слово верблюд, чешское velbloud, польское wielblqd и другие славянские названия этого животного заимствованы из готского: ulbandus — 'слон'. В качестве лингвокультурологического комментария — цитата из книги «Почему не иначе?» Л.В. Успенского: «Наши предки не видывали на заре своей истории ни слонов, ни верблюдов. Увидав впервые больших горбатых зверей, на которых ездили степные кочевники юга, они перенесли услышанное от готов «слоновое имя» на это диковинное существо: «А наверное, это и есть ульбандус!» Вот как «верблюды» и «слоны» оказались как бы фальшивыми тезками» [Там же: 111-112]. Так же оказались «тезками» слоны и львы. А виной всему — непривычный внешний вид и огромные размеры животных.

Именно эти признаки становятся определяющими в реализации фраземообразовательного и паремиообразовательного потенциала слова *слон* в русском языке.

Величина слона как эталон данного качества закрепляется в компаративных фразеологизмах: *большой (огромный) как слон* [БАС 1965: 1264], *слон слоном* [БСНС 2008: 621].

В пословицах XVIII—XIX вв. [БСРП 2010: 828] использование метафорического компонента слон позволяет противопоставить мощное телосложение человека и его интеллект (Со слона вырос, а ума не вынес), отразить несоразмерность статуса человека и его деятельности (Не гоняется слон за мышью), непоследовательность в проявлении чувств и выражении эмоций (Иному слон не слон, а страшен таракан), ситуацию противостояния, когда при столкновении сильных соперников страдают слабые (Слоны трутся, а между (меж) собой комаров давят). По данным нашего опроса (информантами были студенты и

преподаватели псковских вузов), современные носители языка могут корректно семантизировать эти пословицы, но не относят их к своему активному паремиологическому запасу, что исключает для таких единиц возможность стать популярными ныне «антипословицами» — шутливыми трансформами паремий.

В сфере паремиологических «приколов» современное лингвокреативное сознание работает с образом слона в жанре загадки и анекдота, обыгрывая те же слоновыи параметры. В первую очередь – габариты. Величина (большой) как один из основных релевантных признаков выносится в загадочный вопрос: Что такое: серый и синий и очень большой? – Слон задержал дыхание; Что может быть больше слона и одновременно невесомым? – Тень слона. В анекдотах обкурившемуся ежику слоны кажутся большими серыми облаками; ветеринары, оперировавшие слона, забыли медсестру в его необъятной брюшной полости; слон, извалявшись в муке, сравнивает себя с огромным пельменем.

Успешную реализацию функций анекдота — не только рекреационной и игровой, но также сатирической и морализаторской [Химик 2002] — обеспечивает стереотипное противопоставление большого и малого: слон и муравей, слон и кузнечик, слон и мышь. Когнитемы, передаваемые такими текстами, это и философское «все познается в сравнении» («Ты самое ничтожное из всех существ, которых я когда-либо встречал», — говорит слон мыши. «Повторите, пожалуйста, — пищит мышь. — Я хочу запомнить эти слова и сказать их одной знакомой блохе»), и дидактическое «не всегда самый большой — самый сильный и смелый»: слоны не пользуются компьютерами, потому что боятся мышей, но при этом они иногда очень находчивы и остроумны: вспомним, как стадо слонов убегает от маленькой мышки — они не бегут, а просто «быстро пасутся».

Вечная тема слона и Моськи реализуется в современном анекдоте еще более убедительно за счет смещения пропорций: слон — муха (Две мухи летают вокруг слона. Одна говорит другой: «Нам бы его только повалить, а там мы его пинками, пинками!»). Явно завышена самооценка и у муравья, который вместе со слоном выполняет боевое задание: Муравей и слон в разведке. Муравей: «Слон! Ложись! Меня заметили!».

Кстати, неспособность огромного животного к сокрытию и маскировке подмечена еще в XIX веке и отражена в пословице, записанной В.И. Далем: Слон не притаится [Даль 1955: 450]. В наше время тема разворачивается как алогизм и на материале «прикольной» загадки: Почему у слонов глаза красные? — Чтобы маскироваться в помидорах. Слонов в помидорах видал? — Нет. — Классно маскируются.

В отличие от отдельно взятого стада «быстропасущихся» слонов, о которых упоминалось выше, персонажи большинства анекдотов - медлительны, неповоротливы, неуклюжи. Эти качества слона становятся основанием метафорического переноса и в однословных просторечных и сленговых наименованиях человека: «Слон, -а, м. Шутл., разг. Об очень крупном, толстом, неповоротливом человеке» [Химик 2004: 566]; «Слон, -а, м. Гом., ирон. Грузный немолодой гомосексуалист» [БСРЖ 2000: 547], а также в устойчивых сравнениях: «Здоровый как слон. Прост. Шутл. О крупном, тяжеловесном, неповоротливом человеке. < Ср. в шутливом стихотворении наркоманов: «Не кефир и не сметана / не заменят вам метана (метандростенолона). / Хочешь быть здоров как слон / — ешь метандростенолон». Неуклюжий (неповоротливый) как [пьяный] слон. Неодобр. или шутл.-ирон. О крайне неуклюжем, неповоротливом человеке. (Неуклюжий) как слон в посудной лавке. Ирон. О большом, неповоротливом и неуклюжем человеке, оказавшемся в тесной обстановке, среди ломких, хрупких вещей. (Двигаться, делать что) с грацией молодого слона. Ирон. О чьих-л. крайне неловких, неуклюжих, тяжеловесных движениях, действиях» [БСНС 2008: 621-622].

Авторов анекдотов продолжает волновать экзотическая внешность животного: Сбежал из зоопарка слон. Наутро мужик звонит в полицию: — У меня на огороде какой-то огромный серый зверь хвостом рвет капусту! — И что он с ней делает? — Если я вам скажу, вы не поверите.

Анекдотами о внешности слона становятся и прецедентные тексты в новой интерпретации, которую задает заключительная фраза-развязка, обеспечивающая эффект неожиданности: Бабушка, бабушка, а почему у тебя такие большие глаза? — Чтобы тебя лучше видеть. — А почему у тебя такие

большие уши? — Чтобы тебя лучше слышать. — A почему у тебя такой большой нос? — Mы ведь слоны, внучек...

Помимо глаз, ушей и носа интересны своей причудливой формой ноги слона: Почему у слонов ноги круглые? — А чтобы не проваливаться в квадратные ямы (чтобы удобнее было прыгать с кувшинки на кувшинку). — Почему слоны ходят на пляж с теннисными ракетками? — Они надевают их на ноги, чтобы не провалиться в песок. Ср.: в разряде компаративных фразеологизмов — совсем не веселая аналогия: «Ноги у кого как у слона. Неодобр. О чых-л. больших, толстых и тяжелых (обычно из-за болезни) ногах» [БСНС 2008: 622].

Отсутствие волосяного покрова у слонов отражается в другом анекдоте, декодирование которого требует определенной социокультурологической компетентности: Идет по полю мамонт. Вдруг слышит за собой какой-то шум. Не успел обернуться, как толпа слонов затоптала его. Встав, мамонт отряхнулся и говорит: — Мать вашу, лысые панки! Мотив «безволосия» используется и во фразеологизме, построенном по структурно-семантической модели «заниматься бесполезным делом = бездельничать», описанной В.М. Мокиенко: брить слона [Мокиенко 1989: 66–92].

Во внешности слона языковое сознание ищет знакомые элементы, через которые дает определение этому природному феномену: Слон — это гибрид долгоносика, толстолобика и чебурашки. В продолжение темы гибридизации предлагается скрестить слона с дятлом (в результате — «неуклюжий долбила не попадает по насекомым, зато дерево валит с одного удара») или с бобром («этим гибридом уже заинтересовались лесозаготовители — он не только валит деревья, но и складывает их штабелями»).

Особо следует остановиться на паремиях и фразеологизмах с компонентом хобот. Лишь невинная детская загадка об экскаваторе, в которой упоминается этот орган, не имеет «фаллического» подтекста: Носит хобот, а не слон, Но слона сильнее он. — Экскаватор. Ср. в студенческом анекдоте: На экзамене в театральный институт. — Молодой человек, изобразите слона. Абитуриент делает глупую морду, выворачивает карманы и спрашивает: — Хобот показывать? Как известно, метафорическое хобот в молодежном сленге активно используется в значе-

нии 'мужской половой орган'. В отличие от восприятия слона в Древнем Китае, где почиталась его «стыдливость» (слоны зачинают потомство «скрытно», в воде), российское молодежное лингвокреативное мышление относит образ носителя хобота к сфере «низкой эротики», что определяет тематику базирующихся на данном образном стержне фразеологизмов. Слова слон, слоник, слоненок в результате комплексного переосмысления (к метафоре подключается перенос с целого на часть), как и упомянутое выше хобот, по понятным причинам, разворачивают свои фраземообразовательные потенции в двух основных направлениях. Так возникают:

- а) фразеологические наименования полового акта: знакомиться/познакомиться с белым слоником (слоненком) вступить в половую связь с мужчиной; запустить слоника в пещерку, запустить хобот совершить половой акт с женщиной; Вы слыхали, как поют слоны? вопрос-предложение вступить в половую связь. < Трансформация названия песни «Вы слыхали, как поют дрозды?» [Мокиенко, Никитина 2003: 306];
- б) обозначения процесса мочеиспускания (у мужчины): привязать (отвязать) слона (слоника, слоненка), звонить/позвонить слонику, потрясти хоботом, потискать хобот.

Тему естественных отправлений организма продолжает оборот *слепить слона* — 'испражниться', так же построенный на ассоциациях по внешнему сходству.

Голову слона (с хоботом) напоминает и противогаз, отсюда обороты из жаргона военных: *сыграть в слоника* — 'надеть противогаз', *играть в слоники* — 'выполнять какие-л. действия в противогазе' и неофициальный термин криминальной сферы: «Слоник...3. Способ пыток при допросе. *Его избили, потом надели противогаз и перекрыли доступ воздуха. Этот способ называется слоник*. Русск. радио, 11.11.1999» [МСТС 2007: 643].

Выгул слонов в Санкт-Петербурге и Москве не только подсказал тему великому баснописцу, который обогатил фонд отечественной крылатики ироническим Слона-то я и не приметил, но и дал импульс переосмыслению тавтологического русского фразеологизма слоны (слонов) слонять — 'слоняться, бездельничать'. «Тавтологические обороты этого типа особенно характерны для живой разговорной речи (ср. диал. шатом

шататься, шмоном шмоняться, гульню гулять)», — пишут авторы историко-этимологического справочника по русской фразеологии [Бирих и др. 1998: 533]. Слово слон вызывает постоянные омонимические ассоциации с названием животного, которые закрепляются и в новых оборотах с тем же значением: продавать слонов, гонять (водить) слонов, пинать слонов.

Особенности «походки» слона были подмечены еще два века назад: Слон тяжел на ногу — читаем в словаре Русского языка XVIII в. под 1769 годом. Ср. современное: «Топать (ступать) как слон. Неодобр. или шутл.-ирон. О тяжело и шумно шагающем (обычно грузном и неловком) человеке» [БСНС 2008: 621]. Передвигаясь таким образом, слон может невольно или преднамеренно раздавить недоброжелательно настроенного собеседника или просто случайного прохожего:

«Блин!» – сказал слон, наступив на Колобка.

Повстречались слон с кузнечиком. Кузнечик говорит: «Слон, ты такой здоровый и такой страшный, а я такой маленький и такой красивый!» Слон, делая шаг вперед: «Был».

Если на своей исторической родине слон является символом спокойствия, миролюбия, неагрессивной мощи, то у русских он может ассоциироваться с опасным, серьезным врагом, о чем свидетельствует сленговый фразеологизм наехать на слона – 'нажить сильного, серьезного врага' [Вахитов 2003: 106]. Слоном называют агрессивного силового нападающего в футболе [Никитина, Рогалева 2006: 220-221], заключенного, который не знает тюремных законов и ведет себя вызывающе [БСРЖ 2000: 547], и по аналогии – солдата-новобранца, еще не постигшего всех правил «дедовщины» (эта этимологическая версия армейского сленгизма представляется нам более достоверной, чем интерпретация В.В. Химика: «ассоциативно-фонетический каламбур от слов салага и салабон» [Химик 2004: 566]). И лишь один оборот возвращает нас к исконной символике слоновьей бесконфликтности: «Разойтись как в Африке слоны. Шутл. О мирно, без скандала навсегда разошедшихся людях» [БСНС 2008: 622]. Что же касается спокойствия и уравновешенности слона, то в русском языковом сознании, по данным фразеологии, эти качества трансформируются в безучастность и равнодушие: толстокожий (непробиваемый) как слон – так пренебрежительно говорят о неспособном к тонкому восприятию, неотзывчивом, нечутком человеке.

Комический эффект фразеологизмов и паремий усиливается в разы, когда в акте лингвокреатива образ необычного для русских животного помещается в необычную, абсурдную ситуацию: «Слон в маринаде. Жарг. мол. Шутл. О чем-л. неизвестном» [БСРЖ 2000: 547]; «Пролететь как слон над Парижем. Нов. Жарг., Уфимск. Шутл. О человеке, потерпевшем полную неудачу в чем-л.» [Вахитов 2003: 151] – в этом случае трансформация исходного пролететь как фанера над Парижем делает внутреннюю форму оборота более прозрачной и впечатляющей. Впрочем, образ летающего слона не так уж абсурден, а основанная на омофонии загадка Почему (по чему) слоны не летают? кроме традиционного ответа по воздуху имеет и такую отгадку: согласно индуистской легенде, «слоны когда-то летали, но потеряли этот дар после того, как были прокляты отшельником, чье жилище, устроенное в стволе баньяна, они случайно разрушили при приземлении» [http://taina-simvola.ru/ simvol-slon].

Абсурдное Россия – родина слонов (ключевая фраза популярного политического анекдота советского времени) в последние годы тоже получает новое, шутливо-одобрительное прочтение. «Выражение обозначает приоритет отечественного над забугорным и показывает отношение говорящего к этому факту. Или не факту: - Нобелевская премия вручена американским ученым за исследования, которые Советский Союз провел еще в 60-х годах. – Ну, дык. «Россия – родина слонов!» [http:// lurkmore.ru]. Изначально фраза СССР – родина слонов «в пародийном ракурсе шутливого общественного вызова, антикультурной провокации» [Химик 2002] отображала необоснованные претензии Советского Союза на приоритет в той или иной области. Анекдот, ставший источником крылатого выражения, высмеивал попытки искажения истории научных открытий в политических целях: ООН объявила Год слона. Разные страны издают книги на «слоновью» тему. Французы издали однотомник «Слоны и любовь». Американиы – брошюру «Что нужно знать американцу о слонах». Немцы – «Краткое введение в слонологию» в десяти томах. Израильтяне – «Слоны и еврейский

вопрос». В Советском Союзе вышел трехтомник: первый том: «Классики марксизма-ленинизма о слонах», второй — «СССР — родина слонов» и третий — «Слоны в свете решений XXVI съезда КПСС» [http://ru.wikipedia.org/wiki].

Со «слонов» началось развитие русской Википедии. Это демонстрировало, что проект свободен от цензуры. Вспоминает Владимир Медейко, директор wikimedia.ru: «Поначалу о России была лишь одна саркастическая заметка. Висела надпись: «Россия – родина слонов». То есть еще более красиво там было сказано: «Россия – родина слонов, мохнатых, повышенной проходимости, по имени мамонты» [http://www.5-tv.ru/news/35794].

Тема мамонта в русской фразеологии и паремиологии требует особого рассмотрения и не будет раскрываться в данной статье. Возвращаясь же к объекту нашего исследования, отметим, что не все фразеологизмы и паремии с компонентом слон являются продуктами освоения экзотической восточной реалии и ее образной интерпретации русским лингвокреативным мышлением. Отдельные фразеологические «слоны» пришли к нам с запада в виде заимствований. Так, на базе английского see pink elephants («видеть розовых слонов» — галлюцинировать) формируется оборот напиться до розовых слонов, активно функционирующий ныне в молодежном сленге. Розовым слоном называют и водку «Yupi» [МСТС 2007: 643].

Многочисленные магазины и салоны подарков в разных городах России получают название «Белый слон» по аналогии с английским White Elephant (правда, в английском это выражение обозначает обременительный, ненужный подарок и восходит, по данным Алберта Джека [Red Herrings and White Elephants 2005], к тайской легенде о правителе Сиама, который дарил белых слонов неугодным подданным и тем самым разорял их: белые слоны считались священными животными, их нельзя было использовать в работе, а прокормить было чрезвычайно трудно). Вероятно, отсюда и ироническое выражение раздача слонов – 'вручение подарков, призов', которое использовал еще М. Зощенко в фельетоне «Всюду жизнь» (1928), а затем И. Ильф и Е. Петров в 6-й главе «Золотого теленка»: – Я не хирург, – заметил Остап. – Я невропатолог, я пси-

хиатр. Я изучаю души своих пациентов. И мне почему-то всегда попадаются очень глупые души. Затем на свет были извлечены: азбука для глухонемых, благотворительные открытки, эмалевые нагрудные знаки и афиша с портретом самого Бендера в шальварах и чалме. На афише было написано: Приехал Жрец (Знаменитый бомбейский брамин-йог) ... Материализация духов и раздача слонов. Входные билеты от 50 к. до 2 р. Чрезвычайно популярное в наше время, выражение стало производящей базой для шутливого новообразования слонораздача: Главная американская слонораздача («Оскар») состоится 25 марта. Радио «Норд-вест», 13.03.2001 [MCTC 2007: 643]. А именной фразеологизм в результате формально-семантической трансформации превратился в глагольный оборот с более сложной семантической структурой: «Раздавать слонов. 1. Жарг. мол. Шутл. Вручать подарки, премии. 2. Жарг. арм. Назначать кого-л. на нештатные должности» [БСРП 2008: 622].

Итак, с полной уверенностью мы можем констатировать, что образ слона в языковом сознании россиян в определенной степени национально-специфичен, хотя универсальные характеристики здесь преобладают. Лингвокреативное мышление снова и снова обращается к этому замечательному животному, воплощая представления о нем в актах номинации и текстовых продуктах. Й хотя Россия в действительности не является родиной слонов, она является родиной более 50 анекдотов и загадок о слонах. В словарях русской фразеологии и сборниках пословиц зафиксировано 60 фразеологизмов с образным стержнем слон, в том числе 28 – компаративных оборотов, и 12 пословиц, отразивших народные наблюдения за этим удивительным животным. Слово слон стало многозначным и расширило свою семантическую структуру (с учетом сленгового материала) до 8 лексико-семантических вариантов. И нет сомнения, что при такой фраземообразовательной и текстоформирующей активности русского «слона» мы очень скоро догоним и перегоним и Африку, и Юго-Восточную Азию по данным показателям.

Источники

- БАС: Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. Т. 13. М.-Л., 1965.
- Бирих А.К. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова. СПб., 1998.
- БСНС: Мокиенко В.М. Большой словарь народных сравнений / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. М., 2008.
- БСРЖ: Мокиенко В.М. Большой словарь русского жаргона / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. СПб., 2000.
- БСРП 2008: Мокиенко В.М. Большой словарь русских поговорок / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. М., 2008.
- БСРП 2010: Мокиенко В.М. Большой словарь русских пословиц / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина, Е.К. Николаева. М., 2010.
- Вахитов С.В. Словарь уфимского сленга / С.В. Вахитов. Уфа, 2003.
- Даль В.И. Толковый словарь живого русского языка: В 4 т. / В.И. Даль. Т. 3. М., 1955.
- Мокиенко В.М. В глубь поговорки / В.М. Мокиенко. Киев, 1989.
- Мокиенко В.М. Словарь русской брани (Матизмы, обсценизмы, эвфемизмы) / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. СПб., 2003.
- МСТС: Никитина Т.Г. Молодежный сленг. Толковый словарь / Т.Г. Никитина. М., 2007.
- Никитина Т.Г., Рогалева Е.И. Футбольный словарь сленга / Т.Г. Никитина, Е.И. Рогалева. М., 2006.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / М. Фасмер. М., 1987.
- Химик В.В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи / В.В. Химик. СПб., 2004.

Литература

- Богданов А.К. О Крокодилах в России. Очерки из истории заимствований и экзотизмов / А.К. Богданов. М., 2006.
- Химик В.В. Анекдот как феномен культуры / В.В. Химик // Материалы круглого стола 16 ноября 2002 г. СПб., 2002. С. 17–31. Режим доступа: http://www.philology.ru/literature2/khimik-02.htm.
- Red Herrings and White Elephants. The Origins of the Phrases We Use Every Day. By Albert Jack. HarperCollins Publishers, 2005.

Ирина Владимировна Шалина

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина Екатеринбург

ПИСЬМА-ЛИТАНИИ НОСИТЕЛЕЙ ПРОСТОРЕЧИЯ КАК ИСТОЧНИК СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Модель речевого жанра, разработанная Т.В. Шмелевой в рамках речеведческого подхода, представляет собой методологический конструкт, имеющий несомненную эвристическую ценность. Анализ речевых произведений предлагается осуществлять на основе жанрообразующих признаков, главным из которых является коммуникативная цель — признак, противопоставляющий четыре типа речевых жанров, «каждый из которых объединяет довольно большое количество жанров, различающихся внутри названных типов по другим жанрообразующим признакам» [Шмелева 1997: 93]. К числу последних относятся образ автора, образ адресата, образ прошлого, образ будущего, тип диктумного содержания и языковое воплощение речевого жанра как спектр возможностей, лексических и грамматических ресурсов жанра [Там же: 88—96].

Предметом нашего анализа является эпистолярный жанр — так называемые письма-литании. Сам термин «литания» введен американской исследовательницей Н. Рис, анализирующей практики повседневного речевого общения русских в эпоху перестройки. Под литаниями она понимает «речевые периоды, в которых говорящий излагает свои жалобы, обиды, тревоги по поводу разного рода неприятностей, трудностей, несчастий, болезней, утрат...» [Рис 2005: 160]. Мы сочли возможным применить обозначенный термин к текстам естественной письменной речи (см. [Голев 2003; Лебедева 2000]), классическим письмам носителей просторечной лингвокультуры (см. [Шалина 2010]), адресованным представителям власти (см. [Живая... 2011]).

Эти письма не относятся к разряду бытовых, хотя в них излагаются обиходно-бытовые ситуации. Они содержат описание личных проблем, а также проблем посторонних людей, незаслуженно обиженных властями. Коммуникативно-практическая цель авторов писем - получить от власть предержащих вещественную или невещественную милостыню: защитить близкого, выхлопотать материальную компенсацию, восстановить попранную справедливость, высказать пережитое и наболевшее. Письма имеют ярко выраженную императивно-оценочную доминанту: автор стремится вызвать осуществление желательных/необходимых для себя событий; в опоре на принятую в обществе шкалу ценностей изменить отношение адресата к существующему положению дел (см. [Шмелева 2007: 92-93]). Приведем в качестве примера извлечения из писем Президенту России¹⁴: *Помогите пожалуйста* (наладить газоснабжение. – И.Ш.) или напишите письмо; Прошу по возможности как-то выделить материальную помощь к 60летию (на приобретение памятника умершему отцу – участнику войны. – И.Ш.) из Вашего Федерального бюджета; ...извините помогите в деньгах и выгоните бабу из Полевского 55-57 где Оля прописана с сыном; И я буду просить у Президента 1 доску для окна, дверь, ведь государство отняло у меня сбережения всей моей жизни...; Вот после долгих раздумий решила написать Вам письмо, но наверное вы не получите его, но я хоть выскажусь и буду надеяться, что прочтете его.

Авторы писем, как правило, пожилые, малограмотные носители просторечия, социально не защищенные, утратившие физическое здоровье люди: ...все здоровье износила сейчас все суставы устали сердце болит после бруцеллеза, да и давление часто прыгает по всякому. Ноги плохо ходят...; Мы с мамой живем. Здоровья нет. Больные, болеем; Извините я на пенсии я всех обеспечить не могу помогаю но мало нет возможности все дорого и еще хотят прибавить цены. И как жить и так ни мяса ни колбасы не видим....

Адресат мыслится как лицо, наделенное полномочиями, позволяющими ему оказывать помощь нуждающимся, вершить

¹⁴ Орфография, пунктуация, стилистика текстов писем сохранены.

суд и выносить справедливый приговор. В письмах эксплицируется оппозиция я/мы (народ, простые люди) ↔ он/они (чиновники, руководители, начальник милиции, местная администрация). Чиновники предстают как оторвавшиеся от народа бездушные люди, нарушающие коммуникативные нормы, попирающие нравственные ценности: Они по своим законам живут, у них свой устав; Начальник милиции со мной перестал разговаривать по телефону; Мы неоднократно ездили на прием к нашим чиновникам от ЖКХ; Людей мне не нравятся (чиновники), объяснять нужно по-человечески; Когда кончится такое издевательство над нами; Им не понять там на верху как нам тяжело; Два года я не могла попасть на прием к начальнику милиции — «я занят».

Местным чиновникам противостоит Президент, воплощающий высшую государственную власть, которая должна защищать и гарантировать порядок. В нем видят живого человека, которому можно доверить свою беду и боль. В простых людях жива надежда на «сильную руку»: Здравствуйте, дорогой всеми уважаемый Владимир Владиморович наш президент Генералиус, а главное совсеми простой добродушный обходительный человек...; Владимир Владимирович вы ведь президент!!! Почему Вы допускаете чтоб наши дети страдали, а мы мучались от бесконечных долгов, мы ведь этого не заслужили... Подумайте пожалуйста о нас всех бедных! В условиях ролевого дефицита авторы писем ищут защитника за пределами «своего круга». Письма-литании обнажают доверчивость, открытость и наивность простого человека, который жаждет чуда, искренне верит в «силу права». По меткому замечанию М.О. Меньшикова, «в самом слове правительство, в глаголе править заключено понятие права, неразрывного в народном разуме со справедливостью... Власть над народом не есть право собственности, а нравственное право, обязанность служения в пределах пользы народной» [Меньшиков 2002: 176].

В соответствии с жанрообразующим параметром «образ прошлого» письма-литании можно считать реактивным жанром. Чиновникам-иерархам (губернатору области, депутату Госдумы, президенту страны) пишут в состоянии отчаяния (Крик души!) после длительной переписки с местными чинов-

никами, получения ответа-отписки или отказа: Со своей местной администрацией переписываемся очень давно. Сначала были обещания, потом последовал полный отказ по ремонту дома; Я с ним (чиновником) веду разговоры с 2003 года а воз и ныне там; Мы уже не знаем к кому обращаться, бъемся лбом в стену, причем глухую.

В аспекте «образа будущего» письмо-литания нацелено на положительный ответ адресата. Надежда быть услышанным эксплицируется в проспективной благодарности: Если поможете – наши голоса на выборах — Ваши! Больше мы ничем отблагодарить не сможем. Весь дом сагитирую проголосовать за Вас; Я буду молиться за Вас днем и ночью. Заранее Вам благодарна!

В письмах-литаниях детализированно описываются бытовые неурядицы, болезни и социальные тяготы. Они рассматриваются как весомое обоснование излагаемой просьбы, как сигналы, прогнозирующие установление доверительного контакта в условиях ролевого дефицита (не к кому обратиться с просьбой о помощи): Ну кто-то нам старым, убогим должен помогать и защищать; Живу одна, муж умер; Детей нет, родственников никого нет. Виновником неблагоприятных событий, которые эмоционально переживаются, оказывается персонифицированный или неперсонифицированный субъект: соседка, родственник, начальник, чиновник, государство.

Сложившееся положение дел оценивается автором как несправедливое. Вообще, представления о справедливости в национальной русской культуре занимают большое место. По мнению И.Б. Левонтиной, «справедливость в русской языковой картине мира входит в ряд основных нравственных ценностей» [Левонтина 2005: 373]. Идея социальной справедливости и социальных гарантий входит в ценностные ориентации русского человека, сформировавшиеся в советское время (см. [Пуляев, Шеляпин 2001: 77]). Симптоматично, что практически все письма-литании написаны женщинами, выступающими в роли правдоискательний, поборний справедливости. Это характерный для русской национальной культуры типаж. Приведем полный текст письма, адресованного Президенту (2005 г.), в котором отрицательно оценивается бездушное отношение властей к ветерану войны:

Владимир Владимирович

Пишет Вам жительница Свердловской области г. Артемовского. я ветеран тыла и труда и инвалид II группы проработала на ж.д. транспорте 40 лет и 21 день живу тоже в доме барачнова типа температура в квартире бывает 12 тепла. Начальник грозится вообще отключу вас от тепла хотя мы не задолжники все плотим регулярно. Но мы еще живем терпимо с обогревателем. Но возмутило нас опубликование в газете Егоршинские Вести о ветеране великой отечественной войны, недавно отметили 60 лет победы. Ветерану В.О.В. жить в таких условиях стыдно нашей стране конечно мэру города Корелину В. П. не стыдно что наш солдат живет в таких условиях без холодной воды и тепла. Я посылаю вырезку из газеты почитайте сами.

Конечно до вас это письмо не дойдет, но пусть ваши уважаемые сотрудники доведут его до ума и мы обязательно поставим на контроль.

Таких участников ВОВ осталось совсем немного хотя перед смертью создайте им условия умереть в человеческих условиях. Извините за ошибки. Но встает сердце узнаешь когда люди находятся в таких условиях, а главное солдат который защищал нас от врага Мне тоже 75 лет я пережила войну в ужасных условиях военного времени но сейчас все есть и я не жалуюсь на свою судьбу. Но с такой жизнью солдата я и все мы не можем смириться!

Если Вы получите это письмо заранее спасибо Вам.

С уважением жительница г. Артемовского Юшкова Татьяна Степановна и еще соседи 29.01.2006.

Письмо можно охарактеризовать как душевный крик о помощи и грубо попранной справедливости, хотя слова справедливость/несправедливость в нем не употребляются. Лексема сердце выступает как семантический аналог лексемы душа, а формульное словосочетание встает сердце эксплицирует душевную неуспокоенность и глубину этических переживаний автора, выражающего обобщенную точку зрения (соседи, я и все мы; наша страна).

Как и большинство писем-литаний, данное письмо содержит вводную часть — рассказ о трудовых и жизненных тяготах, являющихся как бы внутренним оправданием, дающим право просить о чем-то важном. Автор письма не отделяет себя от судьбы страны: ветеран тыла и труда; пережила войну в ужасных условиях военного времени. Таксономический предикат ветеран тыла и труда становится характеризующим, поскольку получает значимые для носителя национальной культуры смысловые приращения: 'тот, кто в течение многих лет честно и добросовестно трудился на своем рабочем месте на благо Родины', 'тот, кто причастен истории и судьбе России'.

Идея терпения и примирения с действительностью (установка «Живи и терпи до смерти») сквозно проходит через текст письма. Можно притерпеться к бытовым неурядицам (живу тоже в доме барачнова типа, температура в квартире бывает 12 тепла), смириться с самодурством и круговой порукой представителей власти (Начальник грозится вообще отключу вас от тепла хотя мы не задолжники все плотим регулярно; Конечно до вас это письмо не дойдет; мэру города Корелину В. П. не стыдно), наконец, смириться со своей участью (я не жалуюсь на свою судьбу) – нельзя смириться с равнодушием, душевной черствостью и несправедливостью по отношению к людям, заслуживающим уважения и почитания. Пожилая женщина исходит из презумпции попранной справедливости, необходимости ее восстановления: Но с такой жизнью солдата я и все мы не можем смириться! Письмо пронизано эмоциями сострадания и жалости по отношению к ветерану (Но встает сердце узнаешь когда люди находятся в таких условиях), возмущения (Но возмутило нас опубликование в газете Егоршинские Вести о ветеране великой отечественной войны), обиды и горького упрека (хотя перед смертью создайте им условия умереть в человеческих условиях) властям.

Большое значение в просторечной лингвокультуре придается типажу *заботницы* и *жалостливицы*¹⁵. Приведем пример еще одного письма, автором которого является бабушка, взявшая на себя ролевые функции заботницы и защитницы внука и его семьи.

¹⁵ О двух человеческих типах «правдолюбец» и «жалостливец», выделяемых на этических основаниях, см. в [Левонтина, Шмелев 2005: 376].

Здравствуйте, дорогой всеми уважаемый Владимир Владиморович наш президент Генералиус, а главное совсеми простой добродушный обходительный человек, я по телевизеру смотрю, ежедневно ваши выступления и как бы я поговорила с Вами.

О себе и моей просьбе к Вам

Я Дорогина Мария Степановна с 2-VIII 1925 г исполнилось 80 лет стаж 42 года работала в колхозе всю войну за трудодни, кормить не кормили хлебом. В 1944 г. приняли в Райветличебницу вет-фельдшером, работа не женская все здоровье износила сейчас все суставы устали сердце болит после бруцеллеза, да и давление часто прыгает по всякому. Ноги плохо ходят.

Семья у меня, муж умер уже 15 л. Сына схоронила уже 6 лет остались внучка и внук живут плохо у внучки дочь 11 л. сын 2 лет есть муж. А внук работает на богатых жена не работает 2 девочки старшей 3 г 4 м.-ца, младшей с 1 июля 2003 г. 2 года 3 м.-ца а главное вражденый порог сердца [подчеркнуто автором письма] нужно операция срочно но нет денег. С 1 июля сделали пенсию 2 т. но это недавно и я всю свою пенсию делю с ними, а главное у них нет жилья сейчас сняли частный дом но они (хозяева) продают за 60 тысяч, им не начто купить. А у меня маленький дом старый не где разместиться. Помогите с деньгами чтобы этот домик откупить квартиру не купить, стоят дорого 250 тысяч, дрова продают – тракторная тележка 2,5 куб. -2 тыс. 200 p помогите семье внук жил около меня, я берегла чтобы не ушел с ворами, Мать его сильно употребляла зелье, умерла, а сына убили Мне жаль что уйдет из жизни плохо детям безотца из-за того что нет денег а у меня здоровье все хуже, кто им будет помогать, девочек ростить, так жаль

Внук Дорогин Степан Владимерович служил в Самаре, пришел домой у них дом подожгли все сгорело вот он жил у меня, а тут встретил Ирину и стали жить вместе на частных квартирах вот и жить не где, а дети появляются, а кормить нечем, а мне жаль, девочки ласковые мне жаль. а помощ нечем. Ко мне приходят часто.

Я не уверена что вам передадут письмо, но надеюсь. Как будто с Вами поговорила. Я проживаю в частном старом доме

и внук Дорогин Степан Владимерович прописан у меня. Жена его Дорогина Ирина Серг. и девочки тоже Дорогины Юля и Лена. Прописаны на частной квартире с матерью, если можно, то пусть секретарь отпишет, что вы читали, помогите Простите что отнимаю ценное время. Желаем здоровья успеха благополучий

Семья Дорогиных

Письма в Москву не пропускают, бастуют Учитела, нужно отправлять с попутчиками в Екатеринбург

Я Вас очень прошу меня правильно понять я не вру Спасибо за внимание

Автор письма — простая женщина с нелегкой судьбой, сполна познавшая тяготы военной и послевоенной жизни, изработавшаяся (стаж 42 года работала в колхозе всю войну за трудодни, кормить не кормили хлебом), подорвавшая здоровье (все здоровье износила). И ныне ей нет покоя: на ее плечах лежит забота о близких. Потеряв мужа и сына, она не отделяет себя от семей внука, внучки, правнуков. Семейный круг очерчивается в письме с помощью речевой формулы совместности: Семья у меня...; семья Дорогиных. За членов семьи, а не за себя просит бабушка, которой не под силу выбиться из нужды и помочь внукам.

Бабушка и члены ее семьи маркируются как «бедные». Универсальная оппозиция $бедные \leftrightarrow богатые$ поддерживается формульными сочетаниями работать на богатых; нет жилья; не начто купить; нет денег; живут плохо; кормить нечем; стоит дорого; квартиру не купить; не где разместиться; жить на частных квартирах; проживать в частном доме; квартира за 250 тысяч; дом за 60 тысяч; пенсия 2 т.

Бабушка исходит из презумпции помощи человеку, доведенному до отчаяния обстоятельствами жизни: дом подожгли, все сгорело, квартиру не купить, нужно операция срочно но нет денег, мать умерла, сына убили. Как и автор письма, взывающего о помощи дочери, она не может допустить самоубийства близкого человека. Типаж жалостливицы репрезентируется посредством ключевого этического предиката жаль: Мне жаль что уйдет из жизни; мне жаль, девочки ласковые мне жаль а помощ нечем; кто им будет помогать, девочек ростить, так жаль. Бабушка предстает как ходатай за близких, хочет высказать Президенту накопившуюся боль и тревогу. Заметна фатическая составляющая коммуникации. В ткань письма включены речевые формулы приветствия, извинения, просьбы, благодарности, прощения, благопожелания.

Письма-литании часто проникнуты исповедальной тональностью, сокращающей дистанцию между коммуникативными партнерами. Доверчивость и открытость автора определяются верой в помощь правителя, который описывается как совсеми простой добродушный обходительный человек.

Бабушка предстает как глава, как берегиня семьи и рода. Во-первых, на ней держится весь быт, она делит с близкими кров и пенсию, приглядывает за внуками: я всю свою пенсию делю с ними; он (внук) жил у меня; прописан у меня; кто им будет помогать, девочек ростить. Во-вторых, она является моральной опорой семьи, поддерживает и утешает близких: Ко мне приходят часто. В-третьих, она берет на себя функции наставника и воспитателя внуков: внук жил около меня я берегла чтобы не ушел с ворами. В-четвертых, выступает как ходатай за близких: помогите с деньгами; помогите семье.

Обращает на себя внимание частотность номинаций жилья, свидетельствующих о значимости концептосферы личное пространство: жилье, дом, домик, квартира. Они конкретизируются за счет согласованных и несогласованных определений (частный, маленький, старый, за 60 тысяч, за 250 тысяч (дом), частная (квартира)), речевых формул откупить домик; снять дом; жить на частных квартирах, прописать на квартире. Дом становится символом защищенности семьи, налаживания семейного быта, залогом прочности семейных отношений, спасения жизни человека.

Письмо выявляет этические установки в отношении семьи («Всеми силами надо стремиться сохранить семью»; «У детей должен быть отец»; «Плохо, если человек уходит из жизни от отчаяния»; «Нельзя сидеть сложа руки, если близкому человеку трудно и плохо»; «Нужно помогать родным морально и материально»; «Дом служит оплотом семьи»), в отношении представителей власти («Защиту от беды и помощь можно най-

ти в конкретном человеке, обладающем властью»; «Не стыдись «идти на поклон» ради близких»; «Не доверяй чиновнику, скрывающему от правителя правду»).

Проведенный анализ позволяет выявить и охарактеризовать не только жанрообразующие признаки писем-литаний как разновидности классических писем, но и одобряемые просторечной культурой этические установки и лингвокультурные типажи.

Литература

- Борисова И.Н. Русский разговорный диалог: структура и динами-ка / И.Н. Борисова. Екатеринбург, 2001.
- Голев Н.Д. Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты / Н.Д. Голев. Барнаул, 2003.
- Живая речь уральского города: устные разговоры и эпистолярные образцы: хрестоматия / сост. И.В. Шалина. Екатеринбург, 2011.
- Зализняк Анна А. О семантике щепетильности (обидно, совестно и неудобно на фоне русской языковой картины мира) // Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: сб. ст. М., 2005. С. 378–397.
- Лебедева Н.Б. Русская естественная письменная речь: проблемы и задачи лабораторного исследования // Актуальные проблемы русистики. Томск, 2000. С. 18–25.
- Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. «За справедливостью пустой» // Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005. С. 363–377.
- Меньшиков М.О. Выше свободы: Статьи о России / М.О. Меньшиков, М., 1998.
- Пуляев В.Т., Шеляпин Н.В. Социальные ценности в системе российской национально-государственной идеологии // Социально-гуманитарные знания. 2001. № 5. С. 69–79.
- Рис Н. Русские разговоры. Культура и речевая повседневность эпохи перестройки Н. Рис. М., 2005.
- Шалина И.В. Уральское городское просторечие как лингвокультурный феномен: Автореф. ... доктора филол. наук, Екатеринбург, 2010.
- Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов, 1997. C. 88–96.

Юрий Павлович Князев

Санкт-Петербургский государственный университет

РУССКАЯ ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА: РЕШЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ

Яркой отличительной особенностью научного творчества Татьяны Викторовны Шмелевой является внимание к реальному функционированию русского языка и к многообразным связям между языком и жизнью людей, которые на нем говорят. Поддерживаемое в данной работе понимание понятия языковая картина мира вполне соответствует такой точке зрения на язык и речь.

Как писал Б.М. Гаспаров [Гаспаров 1977: 24–25], интерес к вопросу о связи между языком, с одной стороны, и мышлением, социальным поведением, вообще тем, что можно назвать культурой в широком смысле слова, – с другой, то почти совершенно исчезает, то вспыхивает с новой силой. По его подсчетам, постоянным периодом для каждого очередного цикла является 30-40-летний интервал.

К моменту написания данной его статьи для отечественного языкознания предшествующим периодом активизации интереса к проблеме «язык и культура было, по мнению Б.М. Гаспарова, новое учение о языке Н.Я. Марра, а по отношению к тому, в свою очередь, — лингвистический психологизм. Именно к этому этапу в развитии языкознания относится следующее характерное высказывание Н.Я. Данилевского: «Если бы в племени не выработалась особенность психологического строя, то каким бы образом могли произойти столь существенные различия в логическом построении языков? Отчего один народ так заботится об отличении всех оттенков времени, а другой (как славянский) почти вовсе опускает их из виду, но обращает внимание на качества действия; один употребляет как вспомогательное средство при спряжении глагол иметь, другой же — глагол быть и т.д. Сравнительная филология могла бы служить

основанием для сравнительной психологии племен, если бы кто успел прочесть в различии грамматических форм различия в психологических процессах и в воззрениях на мир, от которых первые получили свое начало» [Данилевский 1991: 107–108].

Основываясь на приведенных выше расчетах, Б.М. Гаспаров высказал предположение, что в ближайшее время (для него это были 80-90-е годы XX века) следует ожидать нового всплеска интереса к этой проблематике. Этот его прогноз полностью оправдался. За последнее время выражение «языковая картина мира» получило очень широкое распространение и уже успело войти в некоторые учебники [Кронгауз 2001: 104–119; Радбиль 2010: 166–222].

Вместе с тем, смысл, который стоит за выражением «языковая картина мира», остается не вполне определенным.

Оставляя в стороне предысторию этого выражения (см. об этом [Постовалова 1988; Радченко 2002]), можно сказать, что в современном отечественном языкознании, согласно наиболее распространенной точке зрения, языковая картина мира — это «зафиксированная в языке и специфическая для данного языкового коллектива схема восприятия действительности» [Яковлева 1994: 9]. Ср. выражение той же идеи в более развернутой форме: «В настоящее время общепринятым является положение о том, что каждый естественный язык по-своему членит мир, т. е. имеет свой специфичный способ его концептуализации. Это значит, что в основе каждого конкретного языка лежит особая модель, или картина мира, и говорящий обязан организовать содержание высказывания в соответствии с этой моделью» [Урысон 2003: 9].

Нетрудно заметить, что при таком широком понимании термина «языковая картина мира» он практически утрачивает какой-либо конкретный смысл. Значимые единицы языка по самой своей природе призваны определенным образом концептуализировать и членить действительность, о чем писал еще В. фон Гумбольдт: «Как ни одно понятие невозможно без языка, так и без него для нашей души не существует ни одного предмета, потому что любой даже внешний предмет для нее обретает полноту реальности только через посредство понятия» [Гумбольдт 1984: 79]. Значения слов в разных языках почти никогда

полностью не совпадают, а следовательно, они по-разному членят и концептуализуют мир. Таким образом, если следовать широкому пониманию языковой картины мира, описание семантики любой значимой единицы языка фактически оказывается одновременно и описанием фрагмента этой картины. Именно это обстоятельство послужило для А.Я. Шайкевича одним из оснований для вывода о настоятельной необходимости уточнения понятия «языковая картина мира» [Шайкевич 2005].

Более привлекательным и плодотворным представляется узкое понимание языковой картины мира, примером которого может служить следующая формулировка: «"Языковой картиной мира" принято называть совокупность представлений о мире, заключенных в значении разных единиц данного языка (полнозначных лексических единиц, "дискурсивных слов", устойчивых сочетаний, синтаксических конструкций и др.), которые складываются в некую единую систему взглядов» [Зализняк 2006: 206–207]. В этой формулировке наиболее существенными представляются два момента. Во-первых, это возможность реконструировать на основе исследований языковой картины мира «единую систему взглядов», а во-вторых, желательность повторения одного и того же существенного семантического элемента в языковых единицах разных типов, а повторяемость, как известно, это важнейший признак неслучайности того или иного явления.

Наиболее известная попытка в эксплицитном виде сформулировать «единую систему взглядов», характерную для русского языка, принадлежит А. Вежбицкой, которая выделила следующие компоненты, отличающие русский язык от английского: 1) эмоциональность — «ярко выраженный акцент на чувствах и на их свободном изъявлении»; 2) иррациональность — «подчеркивание ограниченности логического мышления, человеческого знания и понимания, непостижимости и непредсказуемости жизни»; 3) неагентивность — «ощущение того, что людям неподвластна их собственная жизнь, что их способность контролировать жизненные события ограничена», и 4) любовь к морали — «любовь к крайним и категоричным моральным суждениям» [Вежбицкая 1996: 33–34]. О повышенной эмоциональности русской речи свидетельствует, по мне-

нию Вежбицкой, высокая употребительность существительных и прилагательных с суффиксами эмоциональной оценки; в качестве примеров проявления иррациональности — ощущения «непостижимости и непредсказуемости жизни» — приводятся безличные конструкции и знаменитое русское слово авось; неагентивность (неконтролируемость) иллюстрируется инфинитивными конструкциями со значением необходимости и возможности (невозможности) типа Не догнать тебе бешеной тройки и безлично-рефлексивными конструкциями типа Мне не спится.

Эмоциональности и любви к «категоричным моральным суждениям» в исследованиях, затрагивающих русскую языковую картину мира, уделяется относительно мало внимания, однако, как отмечает Т.М. Николаева, для современной разговорной речи очень характерна гиперболизация и поляризация суждений [Николаева 2000].

Не все примеры Вежбицкой одинаково убедительны. Так, безлично-рефлексивные конструкции, используемые преимущественно для выражения наличия каких-либо препятствий к реализации желаемого или необходимого (т.е. неполного контроля над ситуацией), действительно представляют собой специфическую особенность русского языка. Конструкции аналогичного строения в южнославянских языках обозначают наличие (или отсутствие) предрасположенности к выполнению соответствующего действия и не связаны с идеей контролируемости [Князев 2007а]. Что же касается безличных предложений других типов, то здесь ситуация более сложная. Хотя в целом их употребительность возрастает, вместо безличной конструкции мне должно стала использоваться личная конструкция я должен, а наряду с безличной конструкцией Можно мне погулять? стали употребляться гибридные лично-безличные конструкции типа Можно, я погуляю? [Гиро-Вебер 2001].

Гораздо более обширный перечень «сквозных идей» русского языка приводит А.Д. Шмелев: «Анализ русской лексики позволяет выявить целый ряд мотивов, устойчиво повторяющихся в значении многих русских лексических единиц и фразеологизмов, которые представляются специфичными именно для русского видения мира и русской культуры. Сюда относятся, на-

пример, следующие представления: 'в жизни всегда может случиться нечто непредвиденное' (если что, в случае чего, вдруг), но при этом 'всего все равно не предусмотришь' (авось); 'чтобы сделать что-то, бывает необходимо мобилизовать внутренние ресурсы, а это не всегда легко' (неохота, собираться/собраться, выбраться), но зато 'человек, которому удалось мобилизовать внутренние ресурсы, может сделать очень многое' (заодно); 'человеку нужно много места, чтобы чувствовать себя спокойно и хорошо' (простор, даль, ширь, приволье, раздолье), но 'необжитое пространство может приводить к душевному дискомфорту' (неприкаянный, маяться, не находить себя места); 'хорошо, когда человек бескорыстен и даже нерасчетлив' (мелочность, широта, размах)» [Шмелев 2002: 300].

Совершенно очевидно, что «идеи», приводимые в начале этого списка, имеют гораздо большую значимость для русского языка, чем те, которые приведены в его конце. Так, например, с отрицательно оцениваемой мелочностью в русском языке сосуществует положительно оцениваемая экономность, а с положительно оцениваемым размахом — отрицательно оцениваемое транжирство. Для русского языка как раз очень характерно наличие многочисленных рядов пар, включающих близкие по значению слова, различающиеся сопутствующим оценочным значением и сферой применения: пособник (приспешник) сподвижник (соратник), пресловутый – знаменитый (известный), сговор – согласие (соглашение), потуги – усилия, очернять – разоблачать, сборище – собрание, прокламировать – провозглашать, раскол – размежевание, альянс – содружество, конфронтация – противоборство, конкуренция – соревнование и мн. др. при отсутствии нейтральных средств обозначения соответствующих понятий [Эпштейн 1991: 27–30; Князев 2007б].

Между прочим, эта черта — возможность обозначить одно и то же явление действительности в зависимости от отношения к нему, что можно назвать субъективизацией действительности в изацией действительности, составляет очень важную особенность русского языка. Так, например, неопределенно-личные и обобщенно-личные предложения различаются не только возможными референциальными статусами их подразумеваемых субъектов, но и отношением говорящего к ситуации: «Наиболее специфи-

ческий компонент в грамматической семантике обобщенноличных предложений – это значение личной причастности (разрядка Е.С. – Ю.К.) любого лица (но в первую очередь говорящего и его собеседников) к наблюдениям, составляющим содержание этих предложений», что резко отличает обобщенноличные предложения от предложений неопределенно-личных: «жизненные ситуации характеризуются в них "отстраненно" от говорящего и его собеседника – как обобщение чужого, а не своего опыта» [Скобликова 1979: 110–111].

Отношение говорящего к ситуации служит одним из оснований для выбора между наречиями места типа близко, вблизи, поблизости [Яковлева 1994], между глаголами прийти, войти и зайти при обозначении перемещения в пространстве [Князев 1999], между союзами а и но [Падучева 1997] и др.

Предлагались и другие «ключевые идеи» русского языка. Так, по мнению Н.Д. Арутюновой, «яркими типологическими характеристиками русского языка» являются неопределенность и неагентивность [Арутюнова 1996: 82; см. также Арутюнова 1995]. О неопределенности как важной черте русского языка писала и Е.В. Падучева: «обращает на себя внимание отчетливо национально специфическое тяготение русского дискурса к неопределенным модальным показателям: бесконечные почемуто, что-то, должно быть и проч., как правило, опускаются при переводе, скажем, Чехова на европейские языки» [Падучева 1996: 23]. Примечательно, что Д. Вайсс отметил свойственную русскому языку особую «любовь к нулю» (die Liebe zur Null), проявляющуюся, в частности, в уменьшении количества эксплицитно выраженной информации и, соответственно, увеличении количества информации, сообщаемой косвенным образом [Weiss 1993: 48-82]. В. Набоков, основываясь на опыте собственного двуязычного литературного творчества, в предисловии к «Другим берегам» противопоставлял «недоговоренность» русского языка «обстоятельности» английского. Интересно, что эта черта русского языка совмещается с его отмеченной В.Г. Гаком «идеографической, эмоционально-экспрессивной и функционально-стилистической конкретностью», отличающей русский язык от французского [Гак 1977].

Этот круг вопросов требует дальнейшего изучения.

Еще один аспект характерного для русского языка способа восприятия действительности отмечен И. Бродским: «Это не аналитический английский язык с его альтернативным "илиили", — это язык придаточного уступительного, это язык, зиждущийся на "хотя". Любая изложенная на языке этом идея тотчас перерастает в свою противоположность» [Бродский 1992: 74—75]. Возможно, что с этой мыслью Бродского согласуется широкая употребительность в современной разговорной речи дискурсивных слов *типа* и как бы (а ранее — так сказать), которые обычно расцениваются как слова-паразиты, но фактически в большинстве случаев выполняющих особую «метатекстовую» функцию: говорящий обычно употребляет их для того, чтобы в той или иной степени дистанцироваться от своих слов.

Как видно из предшествующего изложения, идеи неагентивности и неконтролируемости многими исследователями включаются в число важнейших компонентов русской языковой картины мира.

Поэтому целесообразно остановиться на этом вопросе подробнее.

С понятиями «контролируемости» и «агентивности», широко используемыми в современных семантико-синтаксических исследованиях, связывается представление о таких ситуациях (или их цепочках), которые, с одной стороны, возникают и протекают по воле их субъекта (агенса), а с другой стороны, влекут за собой именно то положение дел, ради достижения которого субъект предпринимал данные действия. В качестве типичных примеров контролируемых действий (или собственно действий) приводятся такие ситуации, как открыть окно, сходить в магазин, написать письмо. При их реализации имеет место однозначное соответствие между намерениями агенса, его конкретными действиями и итоговым результатом таких действий: за возникновением желания (потребности в чемлибо) возникает намерение совершить соответствующие действия для его удовлетворения (постановка цели), эти действия осуществляются, а в их прямых или косвенных результатах реализуется поставленная цель.

Отклонения от этой идеальной последовательности, вызываемые вмешательством непредвиденных факторов, называ-

ют «нарушением естественного хода событий» или «обманутым ожиданием». При этом следует иметь в виду, что полностью контролируемых ситуаций практически нет или их очень мало [Зализняк 1992], тогда как неконтролируемые ситуации достаточно многочисленны.

В качестве концептуального образца неагентивности должны, по всей видимости, рассматриваться прежде всего такие предикаты, у которых неконтролируемость предопределяется их значением и которые в силу этого можно назвать «ингерентно» неагентивными. К ним относятся, в частности, следующие (существенно различающиеся между собой в других отношениях) группы глаголов: 1) статические предикаты типа знать, любить, уметь, несовместимые с указанием на цель, преднамеренность или выбор; 2) глаголы, обозначающие (в своих исходных значениях) природные процессы и явления с неодушевленным субъектом типа ивести, такть, течь; 3) глаголы «ошибочного действия» типа обсчитаться или проговориться, обозначающие ситуации, которые всегда происходят не по воле субъекта и осуществление которых не может быть его целью.

Помимо этого, для русского языка характерно наличие целого ряда средств, служащих для выражения «производной» неагентивности (семантической деагентивации). Речь идет о разнообразных языковых механизмах (синтаксических конструкциях, особых употреблениях грамматических форм, деривационных моделях), с помощью которых ситуация, осуществление которой в принципе может (а в ряде случаев — должно) контролироваться субъектом, переосмысляется как полностью или частично неконтролируемая. Именно их прежде всего имела в виду А. Вежбицкая, отмечавшая, что «русская грамматика изобилует конструкциями, в которых действительный мир предстает как противопоставленный человеческим желаниям и волевым устремлениям или, по крайней мере, независимый от них» [Вежбицкая 1996: 70–71].

1) Прежде всего с этой связи следует упомянуть такие лексемы, как *удалось* или *посчастливилось*, считающиеся специфическими для русского языка [Там же: 72]; ср. отчетливое семантическое различие между предложениями *Он поступил в университет* и *Ему удалось* (посчастливилось) посту-

пить в университет. В первом случае ситуация представлена как полностью контролируемая субъектом, тогда как во втором та же ситуация рассматривается как зависящая от случайных внешних факторов: для ее успешного осуществления необходимы были не только усилия самого субъекта, но определенное стечение обстоятельств, удача и т.п. Как писала Анна Зализняк, «выражение X-y y ∂ anocbP umeeт две презумпции: 'X прилагал усилия для осуществления P'; 2) 'наступление P не полностью определяется усилиями X-a'» [Зализняк 1992: 143].

2) «Дезактивизирующим» преобразованием можно считать и безлично-возвратные конструкции типа Мне не работается, Мне здесь плохо спится, соотносительные с личными конструкциями Я не работаю, Я плохо сплю. Семантическое различие между личными и безличными конструкциями этого типа неизменно связывается с различием в степени зависимости предикативного признака от воли субъекта. Так, анализируя значение глагола хотеться, Ю.Д. Апресян отмечает: «этот глагол имеет то же самое семантическое ядро, что хотеть, но другую смысловую надбавку: желание рассматривается как результат действия какой-то трудно определимой силы, присутствие которой человек ощущает в себе» [Апресян 1995: 480]. Приведу еще несколько примеров: Мне страшно. Мне не пляшется, но не плясать нельзя (Е. Евтушенко. Станция Зима): Если причина его неважного самоощущения лишь в том, что им не дал счастья по их представлениям о себе, то – это вздор, этим – пренебречь. И хотя все равно не пренебрегалось, чтото оставалось на совести досадное, навязанное ими, но это, ясно, не главное (А. Битов. Улетающий Монахов); Курить, конечно, бросил – само бросилось (А. Солженицын. Раковый корпус); 3 сентября 1933 года я впервые увидела ее, познакомилась с нею. Пришла к ней сама в Фонтанный дом. Почему пришла? Стихи ее знала смутно. К знаменитостям – тяги никогда не было. Ноги привели, судьба, влечение необъяснимое. Не я при*шла* – *мне пришлось* (М. Петровых. Дневники).

Существенно, что, хотя односоставные предложения с возвратными глаголами широко употребляются во всех славянских языках, данная их разновидность характерна именно для русского языка.

3) Обращаясь к личным возвратным конструкциям, можно заметить, что в современном русском языке, в отличие от других славянских языков, возвратные глаголы совершенного вида практически не используются в функции собственно пассива, не осложненного различными смысловыми добавками. Между тем в XIX веке такое их употребление было вполне возможно: В сущности республика есть самое естественное выражение и форма буржуазной идеи, да и вся буржуазия-то французская есть дитя республики, создалась и организовалась лишь республикой, в первую революцию (Ф. Достоевский) – 1876; Уже поговаривают в Берлине о запрещении Лейпцигских газет, а в Вене положено около 1000-х штрафа за всякое стихотворение, которое пошлется в Лейпциг без предварительной австрийской цензуры (П. Анненков. Путевые записки) – 1842–1843; ср. также примеры, приводимые Л.А. Булаховским: Письмо тебе вышлется; На могиле напишется; Сделается новая государственная печать; Произведется перепись [Булаховский 1954: 119-120].

Сейчас в подобных употреблениях практически всегда присутствует идея неожиданности или случайности достижения результата: Выменялось полкило хлеба за три серебряные ложечки на барахолке (А. Болдырев); Может, им еще повезет, и Авдотья, ее дочь, с младшим внуком, Толиком, еще отыщутся (П. Проскурин. Снова дома); Мамардашвили читал автономно; он никого не убеждал, не вел за ручку. Более того, он, кажется, не знал заранее, что произнесется в следующую минуту (Известия, 15.09.2010); Когда я думал об этом, у меня сама собою фраза написалась: «Так ринулись на восток, как будто хотели отменить само понятие Азии...» В Европу не получается? (А. Битов). Ср. также следующий фрагмент из воспоминаний о Дмитрии Шостаковиче: Вы знаете, заканчивая сочинение, он никогда не говорил: «Посмотри, как я сочинил!» Он говорил: «Посмотри, как у меня получилось».

4) К средствам семантической деагентивации можно, на мой взгляд, отнести и так называемые «экспрессивные формы прошедшего времени», также специфичные именно для русского языка: А он как закричим! А он кричать! А он тут и закричи! При описании их функционирования обычно отме-

чается, что они используются для обозначения неожиданных событий, немотивированных логикой ситуации, нарушающих естественный ход событий. По мнению Б.М. Гаспарова, все эти предложения «обозначают события, так или иначе характеризуемые в качестве «эксцесса»: «это либо события неожиданные и/или быстротечные до такой степени, что говорящий не в состоянии проецировать их на реальность, определить их место в реальностных координатах, либо события крайне нежелательные, одновременно и вынужденные, и вызывающие резкое противодействие у субъекта» [Гаспаров 1978: 66]. Таким образом, подобные высказывания используются прежде всего для обозначения импульсивных, непреднамеренных, слабоконтролируемых действий (или хотя бы представляющихся таковыми со стороны), что и позволяет видеть в этих конструкциях специфический способ понижения агентивности.

- 5) К средствам выражения «неуправляемых действий» можно отнести и конструкции с частицей было, восходящие, по общему мнению, к древнерусскому плюсквамперфекту, но претерпевшие семантический сдвиг от обозначения события, происшедшего ранее другого события в прошлом, к выражению «обманутого ожидания»: хотел было [но так и не начал делать], начал было делать [но не довел до конца], сделал было [но не смог воспользоваться результатом] и т.п. [Князев 2004]; ср.: А она бросилась на кровать в нетопленой зале, плакала, металась головой по мокрой подушке. Даня было прикрикнул на нее – не помогло. Накапал валерьянки – оттолкнула (М. Рощин); Мама съездила было с Анисьей в собес в Призерское, но собес был уже навеки и безнадежно закрыт (Л. Петрушевская). Примечательно, что и в этом отношении современный русский язык отличается от других славянских языков, в той или иной мере сохранивших первичные темпорально-таксисные значения плюсквамперфекта.
- 6) Степень контролируемости достижения результата влияет на выбор вида в будущем времени [Князев 2009: 282]. Если ситуация такова, что уверенности в успешном достижении результата нет, то по отношению к ней использование формы простого будущего совершенного вида затруднительно. Так, фраза: Завтра я буду сдавать экзамен, где выражается наме-

рение, совершенно естественна, тогда как аналогичная фраза с простым будущим: Завтра я сдам экзамен звучит очень странно, поскольку предполагает либо чрезмерную самоуверенность, либо возможность как-то контролировать результаты экзамена.

В целом можно сказать, что вопрос о компонентах, составляющих русскую языковую картину мира, их соотношении и формах проявления очень далек от разрешения и требует учета гораздо большего числа особенностей русского языка.

Особая проблема — возможность изменения языковой картины мира. Достаточно ли изменения отношения к материальному благополучию или сфер употребления слов типа деликатный или шокировать, чтобы говорить об изменении именно я з ы к о в о й картины мира [Левонтина 2008], или же для такого вывода необходимы более существенные сдвиги, и в чем они должны состоять? Этот вопрос также остается открытым.

Литература

- Апресян Ю.Д. Избранные работы. Том II. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю.Д. Апресян. М., 1995.
- Арутюнова Н.Д. Неопределенность признака в русском дискурсе / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Истина и истинность. М., 1995. С. 182–188.
- Арутюнова Н.Д. Стиль Достоевского в рамке русской картины мира / Н.Д. Арутюнова // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. М., 1996. С. 61–76.
- Булаховский Л.А. Русский литературный язык первой половины XIX века / Л.А. Булаховский. М., 1954.
- Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. М., 1996. Бродский И. Набережная неисцелимых / И. Бродский. М., 1992.
- Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языка / В.Г. Гак, Л., 1977.
- Гаспаров Б.М. Введение в социограмматику / Б.М. Гаспаров // Учен. зап. Тартуского ун-та. Вып. 425. Труды по русской и славянской филологии. XXIX. Проблемы языковой системы и ее функционирования. Тарту. 1977. С. 24–45.
- Гаспаров Б.М. Аспектуальные значения неопределенно-предицируемых предложений в русском языке / Б.М. Гаспаров // Учен. зап. Тартуского ун-та. № 439. Вопросы русской аспектологии. Вып. 3. Тарту, 1978. С. 64–88.

- Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества / В. фон Гумбольдт // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 1984. С. 37–298.
- Гиро-Вебер М. Эволюция так называемых безличных конструкций в русском языке двадцатого века / М. Гиро-Вебер // Пересекая границы. Дубна, 2001. С. 66–77.
- Данилевский Н.Я. Россия и Европа / Н.Я. Данилевский. М., 1991.
- Зализняк Анна А. Контролируемость ситуации в языке и в жизни / Анна А. Зализняк // Логический анализ языка. Модели действия. М., 1992. С. 138–145.
- Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления / Анна А. Зализняк. М., 2006.
- Князев Ю.П. Обозначение направленного движения в русском языке: средства выражения, семантика и прагматика / Ю.П. Князев // Логический анализ языка. Языки динамического мира. Дубна, 1999. С. 182–192.
- Князев Ю.П. Форма и значение конструкций с частицей *было* в русском языке / Ю.П. Князев // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сб. статей в честь Н.Д. Арутюновой. М., 2004. С. 296–305.
- Князев Ю.П. Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе / Ю.П. Князев. М., 2007а.
- Князев Ю.П. «Четвертое южнославянское влияние»?: Об одной особенности языка советской публицистики / Ю.П. Князев // Русский язык в речевом существовании: Анализ и интерпретация. СПб., 2007б. С. 91–95.
- Князев Ю.П. Будущее время и глагольный вид / Ю.П. Князев // Русский язык: система и функционирование. Минск, 2009.
- Кронгауз М.А. Семантика / М.А. Кронгауз. М., 2001.
- Левонтина И.Б. Заимствования в современном русском языке и динамика русской языковой картины мира / И.Б. Левонтина // Динамические модели: Слово. Предложение. Текст. М., 2008. C. 510–525.
- Николаева Т.М. Речевые, коммуникативные и ментальные стереотипы: социолингвистическая дистрибуция / Т.М. Николаева // Язык как средство трансляции культуры. М., 2000. С. 112–131.
- Падучева Е.В. Феномен Анны Вежбицкой / Е.В. Падучева // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996. С. 5–32.
- Падучева Е.В. Эгоцентрическая семантика союзов А и НО / Е.В. Падучева // Русские сочинительные союзы. М., 1997. С. 36–47.
- Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека / В.И. Постовалова // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М., 1988. С. 8–69.
- Радбиль Т.Б. Основы изучения языкового менталитета / Т.Б. Радбиль. М., 2010.

- Радченко О.А. Понятие языковой картины мира в немецкой философии языка XX века (из истории науки) / О.А. Радченко // Вопросы языкознания. 2002. № 6. С. 140–160.
- Скобликова Е.С. Синтаксис простого предложения / Е.С. Скобликова, М., 1979.
- Урысон Е.В. Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике / Е.В. Урысон. М., 2003.
- Шайкевич А.Я. Русская языковая картина мира в ряду других картинок / А.Я. Шайкевич // Московский лингвистический журнал. Т. 8; 2, М., 2005, С. 5–21.
- Шмелев А.Д. Русская языковая картина мира / А.Д. Шмелев. М., 2002.
- Эпштейн М.Н. Идеология и язык / М.Н. Эпштейн // Вопросы языкознания. 1991. № 6. С. 19–33.
- Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) / Е.С. Яковлева. М., 1994.
- Weiss D. Die Faszination der Leere. Die moderne russische Umgangssprache und ihre Liebe zur Null / D. Weiss // Zeitschrift für Slavische Philologie. 1993. Bd. 53: 1.

Андрей Петрович Романенко

Педагогический институт Саратовского государственного университета

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА В САТИРЕ БУЛГАКОВА: ОБРАЗ НОВОГО ЧЕЛОВЕКА

Портрет литературного персонажа носит знаковый характер, так как любая деталь портрета (внешность, костюм, манеры, речь, поведение и пр.) должна иметь значение, характеризующее изображаемого героя. В противном случае портрет становится бессмысленным. Так как портрет складывается из знаков разной природы (представленных, впрочем, вербально), можно говорить о нем как о семиотическом факте.

В данном случае речь идет не о конкретном персонаже, а об обобщенном образе нового (для старой интеллигенции и для Булгакова), или советского, человека.

Булгаков внимательно всматривался в этого нового человека, пришедшего на смену представителя старой элитарной («буржуазной») культуры. Его интерес был окрашен иронией и даже сарказмом, так как «новизна» советского человека представлялась писателю сомнительной, а вернее, внешней. Внутренне же люди остались теми же, с теми же, что и прежде, добродетелями и пороками. Об этом говорит Воланд, наблюдая за посетителями Варьете. В «Собачьем сердце» выведен новый человек – Полиграф Полиграфович Шариков, внутренне оставшийся, несмотря на новую внешность и имя, Климом Чугункиным с добавлением некоторых черт дворняги Шарика. Похожее представление о новом человеке находим, кстати, у М. Зощенко.

Портрет советского человека в текстах Булгакова представлен на языковом уровне ключевыми словами [Матвеева 2010: 145]. Ключевые слова характеризуются символическим значением, дополнительным по отношению к основному, и бывают, по крайней мере, двух типов. Первый тип — слова, представленные в тексте эксплицитно, явно, как некие знако-

вые ярлыки. Они находятся «на поверхности» текста и легко опознаются реципиентом. Признаки таких слов были описаны Т.В. Шмелевой, назвавшей их ключевыми словами текущего момента (КСТМ) [Шмелева 1993].

Ключевые слова второго типа представлены в тексте имплицитно, и они, как правило, не замечаются реципиентом. Эти слова как бы прячут символический компонент своего значения, они «мелькают» и кажутся обычными словами. По нашему мнению, их можно назвать архетипическими ключевыми словами [Романенко 2003]. Они не повторяют набор признаков КСТМ, хотя и имеют с ними много общего. Выделяются они путем многократного чтения текста, как бы «выходя наружу» из его глубины.

В текстах Булгакова представлены оба типа ключевых слов. Здесь обратим внимание только на ключевые слова, используемые для создания семиотического портрета советского человека, и более подробно остановимся на характеристике архетипических ключевых слов.

Ключевые слова первого типа давно были замечены и писателями, современниками Булгакова, и исследователями как слова, представляющие и символизирующие новый советский быт, культуру. Например, это детали костюма: кожаная куртка Швондера, рванина мимикрирующих Бегемота и Коровьева. Речевые детали – это возвратная форма «извиняюсь» вместо невозвратных, это канцелярит Швондера или Квасцова-Коровьева и самые необыкновенные аббревиатуры (Главспимат, Массолит, Главрыба и пр.), это обращение «товарищ», это десемантизированные слова, например «контрреволюция» (Шариков о театре: «Да дурака валяние... Разговаривают, разговаривают... Контрреволюция одна!»), и под. Детали поведения: классовая ненависть – обличение Коровьевым иностранцев (в разговоре с Босым и в Торгсине), обличение Иваном Рюхина («кулачок, тщательно маскирующийся под пролетария») и т.п. Это слова и выражения, прямо характеризующие советскую жизнь, называющие новые реалии.

Архетипические ключевые слова называют реалии, существовавшие и до советской действительности, но чрезвычайно активизировавшиеся в ней. Поэтому в текстах Булгакова

они довольно частотны. По нашему мнению, можно выделить, по крайней мере, три таких слова: «портфель», «кепка», «подштанники» (варианты: «кальсоны», «белье»). Рассмотрим символические коннотации их значений.

В ключевом слове «портфель» можно выделить следующие коннотации.

• Власть, дающая право внедряться в жизнь окружающих:

Аллилуя. Ах ты! Ты кому же это говоришь, сообрази. Ты видишь, я с **портфелем**? Значит, [лицо] должностное, неприкосновенное. Я всюду могу проникнуть (Т. 3. С. 79);

Три года люди в серых шинелях и черных пальто, объеденных молью, и девицы с портфелями и в дождевых брезентовых плащах рвались в квартиру, как пехота на проволочные заграждения, и ни черта не добились. <...> Ровно через полчаса последовала очередная атака. ...Двое были в сером, один в черном с рыжим портфелем (Т. 2, с. 291);

Шесть комнат остались у Николая Иваныча. Приходили и с портфелями, и без портфелей и ушли ни с чем (Т. 2. С. 444);

Человек этот не расклеивал никаких афиш, а, зажав под мышкою **портфель**, прямо направился в клуб и спросил председателя правления. <...> — Так-с, — задумчиво сказал **портфель**, — а я вам тут бумажку привез, товарищ, что вы увольняетсь из заведующих клубом (Т. 2. С. 431–432). Здесь ключевое слово дается даже в метонимическом употреблении.

В восприятии героев романа портфель – это также символ власти, вызывающий разные эмоции – уважения (Иван) и презрения (Маргарита):

Трамвай проехал по Бронной. На задней площадке стоял Пилат, в плаще и сандалиях, держал в руках портфель. (Булгаков М.А. Великий канцлер: Черновые редакции романа «Мастер и Маргарита». М.: Новости, 1992. С. 241).

Ей повезло в смысле шутки. Немедленно хлопнула дверь, ведущая в сад особняка, и на кирпичной дорожке появился добрый знакомый Николай Иванович, проживающий в верхнем этаже. Он возвращался с портфелем под мышкой. Чувствуя, что продолжает кипеть, Маргарита Николаевна окликнула его:

– Здравствуйте, Николай Иванович!

Николай Иванович ничего не ответил, прикипев на дорожке к месту.

- Вы болван, Николай Иванович, продолжала Маргарита, — скучный тип. И **портфель** у вас какой-то истасканный... (Там же).
 - Высокий (государственный) статус, вызывающий уважение (не всегда искреннее) окружающих:

Последним на ходу вскакивает некто с **портфелем**. Физиономия настолько озабоченная, **портфель** настолько внушительный, взгляды настолько сосредоточенные, что сразу видно — не простой смертный, а выставочный (Т. 2. С. 346).

Шарик уподобляет надетый на него ошейник портфелю, так как на собаку уважаемого жильца швейцар смотрит с уважением, а дворовые собаки с завистью и ненавистью:

Федор-швейцар собственноручно отпер переднюю дверь и впустил Шарика, Зине он при этом заметил:

- Ишь каким лохматым обзавелся Филипп Филиппович! И удивительно жирный.
- Еще бы! За шестерых лопает! пояснила румяная и красивая от морозу Зина.

«Ошейник все равно что **портфель**», — сострил мысленно пес и, виляя задом, проследовал в бельэтаж, как барин.

Оценив ошейник по достоинству, пес сделал первый визит в главное отделение рая, куда до сих пор вход ему был категорически воспрещен, именно — в царство поварихи Дарьи Петровны (Т. 2. С. 149).

• Орудие защиты (Римский) или нападения (Варенухавампир):

Вцепившись в **портфель** влажными, холодными руками, финдиректор чувствовал, что, если еще немного продлится этот шорох в скважине, он не выдержит и пронзительно закричит (Т. 5. С. 149);

Он поднялся с кресла (то же сделал и финдиректор) и отступил от стола на шаг, сжимая в руках **портфель**. <...>

Римский слабо вскрикнул, прислонился к стене и **порт**фель выставил вперед, как щит (Т. 5. С.153–154).

Утрата портфеля – падение человека:

Черный человек внезапно побледнел, уронил **портфель** и стал падать набок... (Т. 2. С. 207).

• Средство отвлечения от неприятностей, положительная эмоция:

Чтобы забыться, развлечь себя, он решил заняться бумагами. **Портфель** он взял за угол, подвез к себе и вынул пачку документов (Булгаков. Великий канцлер... С. 94).

• И, наконец, это ключевое слово, употребляемое несколько раз в одном отрывке, служит, кроме прочего, комическим средством:

Он кинулся к комоду, с грохотом вытащил ящик, а из него **портфель**, бессвязно при этом вскрикивая:

– Вот контракт... переводчик-гад подбросил... Коровьев... в пенсне!

Он открыл **портфель**, глянул в него, сунул в него руку, посинел лицом и уронил **портфель** в борщ. В **портфеле** ничего не было... (Т. 5. С. 101).

Таким образом, ключевое слово «портфель» – символ власти, официоза, канцеляризации жизни.

Ключевое слово «кепка» имеет другие коннотации, указывающие на демократизацию людей и их облика. Слово «кепка», в отличие от «кепи», квалифицируется в толковом словаре под редакцией Д.Н. Ушакова, вышедшего в конце 30-х годов, как разговорное. Основные коннотации значения связаны со стилистической сниженностью, демократизацией советских людей (кепка противопоставлена «буржуазным» шляпам, картузам и пр.), распространенностью этого головного убора, свидетельствующей и о своеобразной моде (некоторую роль здесь, по-видимому, сыграла и кепка вождя).

В «Записках на манжетах» автор демонстрирует знаковый символический характер кепки:

H голове у меня **кепка**. Цилиндр мой я с голодухи на базар снес (Т. 1. С. 487).

Демократизм, пролетарская простота вышучиваются обликом Бегемота:

Швейцар выпучил глаза, и было отчего: никакого кота у ног гражданина уже не оказалось, а из-за плеча его вместо этого уже высовывался и порывался в магазин толстяк в **рва**-

ной кепке, действительно, немного смахивающий рожей на кота (Т. 5. С. 337).

Распространенность кепки, ее символическая коннотация «непременной принадлежности облика советского человека» показывается глазами Маргариты:

Под Маргаритой плыли крыши троллейбусов, автобусов и легковых машин, по тротуарам, сколько хватало глаз, плыли кепки, миллионы кепок, как показалось Маргарите. В кепочной реке вскипали изредка водоворотики. От реки отделялись ручейки кепок и вливались в огненные пасти универмагов и выливались из них. <...> Маргарита подумала, прицелилась, снизилась и на тихом ходу сняла с двух голов две кепки и бросила на мостовую. Первый, лишившись кепки, ахнул, повернулся в свою очередь прицелился, сделал плачущее лицо и ударил по уху шедшего за ним какого-то молодого человека (Булгаков. Великий канцлер... С. 343–344).

О значимости этого слова свидетельствует также метонимическое, как и слова «портфель», его употребление:

Потная молодая личность в кепке все ставила по три копейки... Далее метонимия: кепка (34), кепочка (5), кепкины глаза, кепкины руки. (Таракан // Булгаков М.А. Похождения Чичикова: Повести, рассказы, фельетоны, очерки 1919–1924 гг. М., 1990. С. 290–294).

Ключевое слово «подштанники» (варианты: «кальсоны», «белье») совмещает в своем значении коннотации современной власти человека из демократических масс и стилистическую сниженность вплоть до комической неприглядности и недопустимости гражданского обличия. Такая противоречивость способствует созданию комического эффекта.

Властные коннотации находим в «Дьяволиаде», где один из главных персонажей носит имя Кальсонер (а одна из героинь называет его «подштанниками лысыми»). Он — человек с портфелем и в кепке — издает следующее распоряжение:

Главспимат сообщает запятая что всем машинисткам и вообще женщинам своевременно будут выданы солдатские кальсоны точка (Т. 2. С. 13).

Квартирная власть человека пролетарского происхождения, который делает невыносимой жизнь соседям «происхо-

ждения сомнительного» и которому можно все: громко ругаться матом, пить самогон, буйствовать, играть на гармонике и т.д.:

Клянусь всем, что у меня есть святого, каждый раз, как я сажусь писать о Москве, проклятый образ Василия Ивановича стоит передо мною в углу. Кошмар в пиджаке и полосатых подштанниках заслонил мне солнце! Я упираюсь лбом в каменную стену, и Василий Иванович надо мной как крышка гроба (Т. 2. С. 439).

Подштанники – непременная часть костюма, без брюк, но в подштанниках можно бежать за жалованьем:

Железнодорожник выскочил из теплой постели и, топоча тапками в пол, завыл, как бесноватый:

- Где **подштанники**?! Марья, где мои **подштанники**?.. Ой, жалованье, Марья... **Подштанники**... Уедут!! <...>
- Зажигай свет! стонал железнодорожник. Ой, Марьюшка, зажигай, сквозь землю **подштанники** провалились!! <...>
- Свистит! орал, как одержимый, железнодорожник, натягивая полосатые **кальсоны**. Свистит, проклятый, ой, скорей!! (Желанный платило // Булгаков М.А. Похождения Чичикова: Повести, рассказы, фельетоны, очерки 1919—1924 гг. М., 1990. С. 581).

Подштанники входят в перечень заветных мечтаний советского обывателя:

Затем события закрутились в сладостном тумане. Ежиков, сидя на диване, целовал мадам Мухину и излагал Илье Семеновичу свои желания. Оказалось, что он желает золотые часы, ехать в Крым, фиолетовые кальсоны, зернистую икру, идти на «Аиду», бюст Льва Толстого, ковер, охотничье ружье, три комнаты с кухней, автомобиль...(Т. 2 С. 371–372).

Иван Бездомный в погоне за Воландом, то есть совершая нормальные для советского человека действия, оказывается в подштанниках, хотя это и противоречит общепринятым нормам гражданского общежития:

Он был бос, в разодранной беловатой толстовке, к коей на груди английской булавкой была приколота бумажная иконка со стериимся изображением неизвестного святого, и в полосатых белых кальсонах (Т. 5. С. 63);

- Tы видел, что он в **подштанниках**? холодно спрашивал пират.
- Да ведь, Арчибальд Арчибальдович, труся, отвечал швейцар, как же я могу их не допустить, если они член Массолита?
 - *Ты видел, что он в подштанниках? повторял пират.*
- Помилуйте, Арчибальд Арчибальдович, багровея, говорил швейцар, что же я могу поделать? Я сам понимаю, на веранде дамы сидят...
- Дамы здесь ни при чем, дамам это все равно, отвечал пират, буквально сжигая швейцара глазами, а это милиции не все равно! Человек в белье может следовать по улицам Москвы только в одном случае, если он идет в сопровождении милиции, и только в одно место в отделение милиции! (Т. 5. С. 65);
- На каком основании я опять буду здесь? тревожно спросил Иван.

Стравинский как будто ждал этого вопроса, немедленно уселся и заговорил:

- На том основании, что, как только вы явитесь в кальсонах в милицию и скажете, что виделись с человеком, лично знавшим Понтия Пилата, вас моментально привезут сюда, и вы снова окажетесь в этой же самой комнате.
- При чем тут **кальсоны**? растерянно оглядываясь, спросил Иван.
- Главным образом Понтий Пилат. Но и **кальсоны** также. Ведь казенное же **белье** мы с вас снимем и выдадим вам ваше одеяние. А доставлены вы были к нам в **кальсонах** (T. 5. C. 91).
- И, наконец, крайняя степень распущенности и безобразия:

Степа разлепил склеенные веки и увидел, что отражается в трюмо в виде человека с торчащими в разные стороны волосами, с опухшей, покрытой черной щетиною физиономией, с заплывшими глазами, в грязной сорочке с воротником и галстухом, в кальсонах и в носках (Т. 5. С. 77);

Степа открыл рот и в трюмо оказался в виде двойника своего и в полном безобразии. Волосы торчали во все стороны, глаза были заплывшие, щеки, поросшие черной щетиной, в

подштанниках, в рубахе и в носках (Булгаков. Великий канцлер... С. 54).

Чрезвычайно важной чертой рассматриваемых ключевых слов является их способность сочетаться в разных комбинациях.

«Кепка» и «подштанники»:

Распоряжались порядком верховые в **кепках**, с красными нарукавниками – повязками. Двух видел – у обоих из-под задравшихся брюк торчат завязки **подштанников** (Булгаков М.А. Под пятой: Мой дневник. М., 1990. С. 25). Этот пример важен, так как изображены представители власти.

И тотчас неизвестный человек свалился как бы с потолка в залу. Был он в одних подитанниках и рубашке, явно поднятый с теплой постели, почему-то с кепкой на голове и с чемоданом в руках (Булгаков. Великий канцлер... С. 158).

- Куда ж тебя черт несет в одних **подитанниках**? провизжала Аннушка, ухватившись за затылок. Человек в одном **белье**, с чемоданом в руках и в **кепке**, с закрытыми глазами ответил Аннушке диким сонным голосом:
- Колонка! Купорос! Одна побелка чего стоила. И, заплакав, рявкнул: Вон! (Т. 5. С. 286).

«Кепка» и «портфель»:

Знакомый боров, сдвинув **кепку** на затылок, пристроился к плетенке с провизией и уписывал бутерброды с семгой. Он жевал, но с драгоценным своим **портфелем** не расставался (Булгаков. Великий канцлер... С. 147);

Тогда Варенуха оставил телефон, нахлобучил **кепку**, схватил **портфель** и через боковой выход устремился в летний сад... (Там же. С. 279).

«Портфель» и «подштанники»:

Фиелло жарил миндаль, и двое в багровом столбе пламени пили водку. Один был в безукоризненном фрачном одеянии, а другой в одних **подштанниках** и носках.

Через минуту к пьющим присоединился боров, но голая девчонка украла у него из-под мышки **портфель**, и боров, недопив стопки, взревев, кинулся отнимать (Там же. С. 150).

Таковы ключевые слова, с помощью которых Булгаков создал свой сатирический босяцко-канцелярский портрет «но-

вого», советского, человека. Разумеется, эти ключевые слова не исчерпывают образ советского человека, но образуют некий символический каркас: кепка – подштанники – портфель + КСТМ.

Литература

Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов / Т.В. Матвеева. Ростов н/Д: Феникс, 2010 С.145.

Романенко А.П. Советская словесная культура: образ ритора / А.П. Романенко. М., 2003.

Шмелева Т.В. Ключевые слова текущего момента / Т.В. Шмелева // 1993. № 1.

Зоя Санджиевна Санджи-Гаряева

Педагогический институт Саратовского государственного университета

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ У АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА

Статья является частью работы, в которой рассматриваются особенности трансформации советского языкового стандарта в прозе Платонова 20-30-х годов. Конкретно речь пойдет об одном аспекте этой трансформации — языковой игре.

Современные исследования языка Андрея Платонова характеризуются множественностью аспектов и разнообразием интерпретации одних и тех же фактов. Объяснение этому находится в самом феномене языка Платонова, и уже сейчас ясно, что странность, «неправильность», аномальность – это только самые очевидные черты. Разные стороны языковой концепции Андрея Платонова подробно описаны в литературе. Существенная особенность платоновского языка заключается в отношении писателя к современному ему языку власти, в способах его использования и изображения. Это отношение было сложным и неоднолинейным. Во-первых, оно изменялось в разные периоды творчества. Во-вторых, во взгляде Платонова сочетается приятие и неприятие, диапазон его оценок очень широк: от сочувственной улыбки до издевательской сатиры. В-третьих, Платонов не только оценивает, он выступает в своих произведениях конструктивным участником процесса соединения языка власти с языком масс, создателем, сотворцом нового языка. И в этом смысле можно говорить о том, что в произведениях 20-30-х годов Платонов проявлялся как экспериментатор, пытавшийся соединить официальный клишированный язык и речевую стихию неграмотных масс и преобразовать их в нечто новое. Характерна оценка языковой ситуации этого времени, которая содержится в повести «Впрок»: Но зажиточные, ставшие бюрократическим активом села, так официально-косноязычно приучили народ думать и говорить,

что иная фраза бедняка, выражающая искреннее чувство, звучала почти иронически. Слушая, можно было подумать, что деревня населена издевающимися подкулачниками, а на самом деле это были бедняки, завтрашние строители новой истории, говорящие свои мысли на чужом, кулацко-бюрократическом языке.

Основной принцип платоновского языкотворчества в прозе и драматургии рассматриваемого периода – «оживление» мотивированности языкового знака на фоне автоматизированности (значит условности) официального языка. В результате происходит разрушение стереотипов сложившегося в 30-е годы языкового стандарта, который сейчас называют по-разному: новояз или новомова (Оруэлл и М. Гловиньски), канцелярит (К.И. Чуковский), тоталитарный язык (Н.А. Купина) и т.д. Суть не в термине. Разрушение или трансформация стереотипов Платоновым осуществляется путем актуализации или преобразования знаков разных уровней (слово, его значение, словосочетание, высказывание). Отсюда возникает эффект языковой игры. Объектом этой игры является современный писателю официальный язык и шире – политическая ситуация. Принимая во внимание критическое отношение к ней или, точнее сказать, усиливающееся «сомнение» Платонова в правильности того, что делалось властями, нетрудно установить иронический, пародийный характер языковой игры. В его записных книжках читаем: «Сознание, оно не предмет искусства; сознательный человек поддается только иронической форме произведения» [Платонов 2000: 69].

Поясним, как мы понимаем языковую игру и насколько это понятие применимо к Платонову. Существует, как известно, два понимания языковой игры — широкое и узкое. Они сформулированы в работах В.З. Санникова и Т.А. Гридиной [Гридина 1996; Санников 1999]. Языковая игра в широком смысле включает в себя все способы актуализации языкового знака, а также игру целыми ситуациями и текстами. Языковая игра в узком понимании основана только на использовании языковых средств. В монографии «Русская разговорная речь» 1983 г. под редакцией Е.А. Земской авторы рассматривают языковую игру «как реализацию поэтической функции языка». Если к Платонову применимо само понятие языковой игры, то именно в широком смысле.

так как в прозе Платонова отражается не только рефлексия над языком, но и отношение к политическим ситуациям, эпизодам 20-30-х годов, оценка документальных текстов этого времени.

Это было хорошо понято властями и официальной критикой, что в известной степени определило судьбу платоновских текстов. Из опубликованных недавно архивных документов известно, что на полях повести «Впрок» Сталин написал: Дурак, пошляк, балаганщик, беззубый остряк, это не русский, а какой-то тарабарский язык, болван, подлец, да, дурак и пошляк новой жизни, мерзавец. Таковы, значит, непосредственные руководители колхозного движения, кадры колхозов?! Подлец! [Галушкин 2000].

На вопрос – целесообразно ли говорить о языковой игре у Платонова – можно ответить, на наш взгляд, положительно, сделав ряд оговорок. Платонов в русской литературе XX века, пожалуй, самый трагический писатель по мироощущению и по философии. А языковая игра имеет основной целью достижение комического эффекта. Феномен Платонова в том, что, не будучи писателем сугубо сатирического склада, он элементы языковой игры (смешное) соединяет с трагическим смыслом своих произведений. Смеховое начало у Платонова Л.А. Шубин объясняет принадлежностью его к народной культуре [Шубин 1987]. В определенной степени языковая игра в устах платоновских героев близка балагурству в определении Д.С. Лихачева: «Балагурство – одна из национальных русских форм смеха, в которой значительная доля принадлежит «лингвистической» его стороне. Балагурство разрушает значение слов и коверкает их внешнюю форму. Балагур вскрывает нелепость в строении слов, дает неверную этимологию...» [Лихачев и др. 1984].

Кроме сказанного, следует учитывать, что природа языковой игры у Платонова, как у Хлебникова и обэриутов, особая. Они делали установку на создание ирреального, сдвинутого мира, в котором смешное и серьезное, вымысел и реальность не были строго разграничены.

О присутствии комического начала у Платонова пишут многие исследователи. На наш взгляд, не следует преувеличивать его роль, поскольку смех Платонова невеселый (в сравнении, например, с Ильфом и Петровым и даже с Зощенко), в нем всегда чувствуется горечь. Элементы комического по-разному

распределяются в произведениях: это зависит и от тематики, и от замысла. Характер комического также неодинаков. Есть ирония, например: У кого в штанах лежит билет партии, тому надо беспрерывно заботиться, чтоб в теле был энтузиазм труда (Котлован). Есть открытый сатирический смех: И тут Кондратов обернул «Правдой» кулак и сделал им удар в ухо предрика (Котлован). Наконец, есть горький юмор, рождающийся из соединения трагического и комического: В одном углу сделал ей постель на будущее время, а другой подарил ей для игрушек и всякого детского хозяйства: пусть она тоже имеет свой красный уголок (Котлован). Или: Встретил в гробу Сергея Петровича (Высокое напряжение). Языковая игра ярче всего представлена в прозе 20-30-х годов.

В текстах Платонова реализуются главным образом два принципа языковой игры: аллюзивный и образно-эвристический. При аллюзийном принципе используемая языковая единица актуализирует социально-культурный или историко-литературный контекст восприятия. В основу языковой игры у Платонова положен принцип аллюзийной соотнесенности с речевой практикой 20-30-х годов: с политическими лозунгами, газетными штампами, ключевыми словами послереволюционного времени, с речью конкретных исторических лиц. В частности, явно прослеживается диалог со статьями Сталина «Головокружение от успеха», «Ответ товарищам колхозникам», «Год великого перелома» и др. Приведем примеры из «Котлована»: Но вот спустилась свежая директива <...> и в лежащей директиве отмечались маложелательные явления перегибщины, забеговщества, переусердщины и всякого сползания по правому и левому откосу с отточенной остроты четкой линии...; Перегибщик или головокруженец есть подкулачник; Он головотяп и упущенец – так его назвали в бумагах из района. Слово обезличка, частотное в речах Сталина, быстро перекочевало в партийные документы, газеты и в устную речь. В текстах Платонова оно встречается много раз, например: У меня нет гнусной обезлички; Ты у меня видела отсутствие обезлички – первый этап моего руководства; Или я для тебя обезличкой стал? (муж – жене). Аллюзийная соотнесенность проявляется во всех преобразованиях игрового характера. Конкретные приемы языковой игры реализуют другой ее принцип – образноэвристический. Как известно, он состоит в том, что «единица создается в целях творческого эксперимента, используются возможности слово-, формо- и смыслообразования...» [Гридина 1996].

Один из приемов языковой игры – нарративизация актуальных для текущего момента слов и понятий, в этом проявляется иллюзия отождествления слова и предмета, означаемого и означающего. Например, директива становится семантическим центром микросюжетов, она нарративизируется, входя необходимой составляющей в сознание и жизнь платоновских героев: Всю ночь сидел активист при непогашенной лампе, слушая, не скачет ли по темной дороге верховой из района, чтобы спустить директиву на село <...> Редко проходила ночь, чтобы не появлялась директива, и до утра изучал ее активист, накапливая к рассвету энтузиазм несокрушимого действия. Директива конкретна, даже предметно-телесна, она может спускаться (как в приведенном примере), лежать (в лежащей директиве отмечались маложелательные явления), на нее капают слезы активиста (слеза активиста капнула на директиву, он заплакал на областную бумагу), ее сдергивают на пол (сдернув со стола директиву, Жачев начал лично изучать ее на полу). Устойчивые штампы могут быть также развернуты в микросюжет, например: Вопрос встал принципиально, и его надо класть обратно по всей теории чувств и массового психоза. Мотивированность языкового знака, в отличие от условности, ведет к отождествлению слова и вещи и, следовательно, к магии слова. В качестве иллюстрации приведем слово линия — одно из самых значимых ключевых слов того времени: Мы слышим линию из радио, а щупать нечего; С кем вы останетесь после раскулачивания? – С задачами, с твердой линией дальнейших мероприятий; Забежит вперед линии... линия увидит его; дорогая генеральная линия и т.д.

Для Платонова характерно совмещение фактов языка и действительности: ...люди не могут побороть своего ничтожного безумия, чтобы создать будущее время; Они ходили во множественном числе по всем местам деревни; В то прошедшее время он скупал в земельных обществах овраги; Ничтожные у нас знаешь где? А здесь одни многозначные.

Разрушение автоматизма официального языка Платоновым достигается разными способами. Посредством окказио-

нальной сочетаемости политически актуальных слов и устойчивых оборотов, например: перестань брать слово, когда мне спится; лучшего вождя и друга машин найти нельзя; не будьте оппортунистами на практике (слова обращены к землекопам); пусть она (Босталоева) покажет себя в действии; сплошная очистка семян; или я для тебя обезличкой стал? За счет деметафоризации и буквализации образных и устойчивых выражений и сочетаний, например: Мы хотим измерить светосилу той зари, которую вы, якобы, зажели; Ступай сторожить политические трупы от зажиточного бесчестья (имеются в виду умершие Софронов и Козлов); Ты что, Козлов, курс на интеллигенцию взял? Вот она сама спускается в нашу массу. Примеры можно умножить.

Рефлексия над речевыми штампами выражается в обнажении их внутренней формы, что также порождает комический эффект. Так, Платоновым обыгрывается оксюморонность сочетания текущий момент: Копенкин про себя подумал: Какое хорошее и неясное слово: усложнение – как текущий момент. Момент, а течет; Я считаю, что такая установка дает возможность опомниться мне и всему руководящему персоналу от текущих дел, которые перестанут к тому времени течь. Пашкин в «Котловане» пытается усовестить Жачева: Я и так чем мог всегда шел тебе навстречу. Жачев ему отвечает: Врешь ты, классовый излишек, это я тебе навстречу попадался, а не ты шел. Примером обыгрывания внутренней формы может служить слово из партийно-хозяйственного жаргона того времени, часто встречавшегося в документах и в речах Сталина, - самотек. Примеры из речи Сталина на конференции аграрников-марксистов в 1929 г. содержатся в словаре Ушакова: Большевизм принципиальный непримиримый враг самотека. Теория самотека есть теория антимарксистская. У Платонова: Нет ли в его работе скрытой установки на самотек?; Такая политика, похожая на безвольный самотек, могла разоружить революционные силы деревни; ...и, наконец, был один старичок, явившийся на оргдвор самотеком. В «Котловане» ликвидируют кулачество путем сплавления его по течению реки, то есть обрекают на гибель. В следующем примере происходит возвращение внутренней формы слову самотек: Не сметь думать

что попало! Или хочешь речной самотек заработать? Живо сядешь на плот.

Объектом языковой игры у Платонова становятся типичные для официального языка синтаксические модели. Например, выражение ликвидировать кулачество как класс у Платонова рождает целую россыпь абсурдных с точки зрения нормы реализаций этой модели. Приведем примеры: Сегодня утром Козлов ликвидировал как чувство любовь к одной средней даме (середнячке); Григорий озлобился на такую религию и увез бога на хутор как старика (эпизод с богом в повести «Впрок»); Ликвидировать бога как веру; Жил в эпоху кулачества как класса и т.д.

Важная роль в языковой игре у Платонова принадлежит словообразованию. Писатель использует различные элементы словообразовательного механизма, привлекая в качестве базовых основ наименования советских реалий, с одной стороны, и типичные для 20-30-х годов модели – с другой. Например, актуализируется модель отглагольных наименований лиц с суффиксом -енец: упущенец, угожденец, переугожденец, головокруженец. Платоновым создается целая серия слов окказионального характера на базе актуальной лексики, например: перегибщина, забеговщество, переусердщина, классово-расслоечная ведомость (классовая расслойка), скустоваться (объединиться в куст). Особой выразительности Платонов достигает при создании окказиональных слов, антонимически противопоставленных узуальным, например: разгибщик (ср. перегибщик), отжим (ср. зажим). Приведем один пример из текста повести «Впрок»: Я убедился, что мнение о зажиме колхозной массы со стороны колхозных руководителей неверно. От Упоева колхозники чувствовали не зажим, а отжим, который заключался в том, что Упоев намеренно отжимал прочь всякого нерачительного или ленивого работника. Сугубо игровой характер имеют производные с основой *член* в значении «активный, партийный, колхозник»: членки – колхозницы-активистки, новочленцы – колхозники. Пример из повести «Впрок»: Ты хоть бы раз на колхозные дворы сходила, посмотрела бы, как там членки доют. Интересны случаи окказиональных мотиваций, например, слово большевизм мотивируется прилагательным большой вопреки узуальному соотношению: большевизм — большевик. Пример: При большевизме я среднего ничего не видел. — И я тоже. ...Все одно только большое. Особый вид словообразовательной игры представлен в случаях, напоминающих обратное словообразование: Ведь слой грустных уродов не нужен социализму (ср. прослойка); Из всякой ли базы образуется надстройка? (ср. базис).

Особый вид языковой игры представляют у Платонова собственные имена и наименования новых учреждений, колхозов и совхозов. Приведем некоторые примеры: Федератовна, Умрищев, Упоев, Определеннов, мастеровой по прозванию Прынцип. Названия колхозов и совхозов: Родительские дворики, Без кулака, Доброе начало. Названия учреждений: Оргдвор, Оргдом и др.

Комической выглядит контаминация в имени Пашкина («Котлован») имени Троцкого и отчества Ленина: Жена Пашкина помнила, как Жачев послал в ОблКК заявление на ее мужа и целый месяц шло расследование, — даже к имени придирались: почему и Лев и Ильич? Уж что-нибудь одно.

Языковая игра, представленная в материале, служит конституирующим средством созидания образа автора в платоновской прозе, она характеризует своеобразную и уникальную языковую личность писателя. Безусловно, она является важной лингвопоэтической чертой его идиостиля.

Литература

Галушкин А. Андрей Платонов – И.В. Сталин – «Литературный критик» / А. Галушкин // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. М., 2000.

Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество / Т.А. Гридина. Екатеринбург, 1996;

Лихачев Д., Смех в Древней Руси / Д. Лихачев, А. Панченко, Н. Понырко. М., 1984.

Платонов А́.П. Записные книжки. Материалы к биографии / А.П. Платонов. М., 2000.

Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры / В.З. Санников. М., 1999.

Шубин Л.А. Поиски смысла отдельного и общего существования. Об Андрее Платонове. Работы разных лет Л.А. Шубин. М., 1987.

Вадим Константинович Андреев

Псковский государственный педагогический университет

ПСКОВСКИЙ РЭП: лингвокультурологический очерк

Считается общепризнанным, что язык современных молодежных субкультур достоин самого пристального внимания. Однако исследований подобного рода в России до сих пор немного.

Исключением, пожалуй, является язык рэперов (рэпер — поклонник и исполнитель рэпа, рифмованных речитативов под ритмический или ритмо-мелодический аккомпанемент), изучением которого в последние годы занимается Т.В. Шмелева [2009а, 2009б, 2010] в плодотворном сотрудничестве с представителем рэп-движения В. Карпушкиным [Карпушкин, Шмелева 2010].

В данной статье с опорой на основные положения, высказанные Т.В. Шмелевой относительно лингвокреативности русскоязычного рэпа, делается попытка описания специфики языковой составляющей псковской рэп-культуры (материалом для исследования явились тексты псковских рэперов и записи бесед с ними, сделанные автором в 2011 году).

К настоящему времени в Пскове насчитывается около сорока рэп-исполнителей и групп (крю), регулярно выступающих на фестивалях молодежного творчества, а также записывающих и выставляющих свои произведения в Интернете. Для небольшого города (чуть больше 200 тысяч человек) это значительное количество.

Важное значение для самоидентификации любой личности имеет своеобразный псевдоним (никнейм, или ник), так как в процессе его создания «актуализируется важный когнитивный механизм, связанный с саморефлексией автора, активизацией и мобилизацией его языкового опыта, языковой, коммуникативной и культурной компетенции, а также с осмыслением личных ценностных ориентиров и приоритетов» [Голованова 2007: 346]. Но особо важен никнейм для самоидентификации субкультур-

ной личности (и любого субкультурного проекта), поскольку в этом случае автономинация часто осуществляется и воспринимается как «культурный манифест» [Шмелева 2009б: 180], а специфика и спектр используемых никнеймов определяется спецификой субкультуры.

Неудивительно поэтому, что псковские рэперы в полном соответствии с общероссийскими тенденциями [Шмелева 2009: 180–181] при записи своих никнеймов используют как кириллицу (Единичный Продукт, Не коп, КогтиКобры, План Б), так и латиницу (Kor, ShoteR, Ghost), иногда объединяя эти способы в пределах одной номинации (Витатіп). Интересны случаи, когда рэпер со временем изменяет способ графического оформления никнейма. Так, «гуру» псковского рэпа Пит в ранних треках делает акцент на американоподобном виде своего сценического имени:

Pitt здесь делает экспромтом репрезенты. Тем, кто не в теме, повтор по буквам: Пи-Ай-дабл Ти представит вашему вниманию пару новых треков... («Два метра в землю»).

Однако в настоящее время, осознавая свои тексты как факт русского поэтического пространства, изменяет написание на ΠuTm .

Еще более показательны случаи, когда при создании никнеймов учитываются мировоззренческие установки субкультуры в целом и личные субкультурные пристрастия каждого из ее членов, что и находит отражение в образности интернетпсевдонимов.

Так, в некоторых псевдонимах заключены базовые идеи андеграунда. Отнесение себя к «темным силам» отражается в названиях групп NightMode и DarkPro. Презрение к традиционным культурным ценностям и идеям прослеживается в названии de Fuckto. Здесь языковая игра при создании никнейма основана на контаминации латинского выражении de facto ('фактически') и обсценизма fuck. Идея социальной неустроенности, эмоциональной опустошенности отражается в никнеймах Предел, Крах, Пустой. В отдельных именах отражаются идеи рэпа как специфического субкультурного явления. Так, традиционная для рэперов идея хвастовства как способ самоутверждения

[Луков 2005: 148], идея превосходства своей группы над всеми остальными побуждает включать в название музыкального проекта звуковой комплекс Рго, широко использующийся в практике современных массмедиа как элемент со значением 'профессиональный (DissPro, DarkPro). Интересны случаи, когда в состав названий псковских рэп-групп и отдельных исполнителей входят знаковые для рэп-культуры слова. Например, Punch ('убойный') в никнейме *PunchTime* предполагает намерение группы всегда быть выше своих оппонентов (панчи в рэпе – это словесные выпады, высмеивающие соперника). Эта же идея, видимо, двигала создателями никнейма DissPro, в котором diss (от disrespect - 'неуважение') имеет значение: 'высказывание неуважения в тексте одного рэпера другому', а если учесть, что в подобных треках практикуется нецензурная лексика, брань, иногда угрозы в адрес соперника, то в названии группы отчасти отражается и стилистика проекта.

Иногда название рождается как бы случайно в процессе общения с единомышленниками. В этой связи интересна история названия рэп-группы «Киров мой босс», рассказанная ее участниками: «Парк, который напротив телеграфа, у нас называется Кировский, там памятник Кирову. Мы говорим: собираемся на Кирове. Потом у нас появилась строчка: «Кировский парк — мой офис! Киров — мой босс!». Отсюда и название проекта Киров мой босс, КМБ или Киров».

Поиск никнейма может занимать длительное время. Вот что рассказал один из псковских рэперов Влад Быстров: «Мой первый никнейм — Last Ban, что в переводе «последний запрет», потом — Memp C Кепкой (я маленького роста), затем Скованный Стилем. В общем, я был в поиске того ника, который подошел бы мне, и как-то утром я проснулся и понял, что я НЕ КОП (не мусор — во всех смыслах этого слова)». Иногда наличие нескольких никнеймов позволяет рэперу не «загонять» себя в рамки определенного стиля, темы и т.д. «Некоторые рэперы, у которых несколько ников, как бы пишут треки по-разному от каждого персонажа, причем он может быть как вымышленным, так и реальным», — уточняет Влад. Таким образом, в Интернете часто появляются двойные никнеймы, соединенные английской аббревиатурой АКА, произносимой как эйкиэй (ср. в англ.

also known as 'еще известный как'): КогтиКобры aka masTIFF, Jam aka Yo Yo и др., характерные как для американской, так и для русской рэп-культуры. Любопытно, что практика двойного самообозначения может распространяться рэперами и на наименования других объектов. Так, например, рассказывая о начале 2000-х годов, псковские рэперы могут сказать: «Тогда мы тусовали в клубе «Ягуар АКА R-16». Любопытно, что при помощи АКА в текстах псковского рэпа к имени собственному присоединяется перифраза или прозвище, характеризующее рэпера. Так, в треке КМБ «Забудь надежду, всяк сюда входящий!!!» находим: Тимак АКА Любитель долгих вступлений, Тимак АКА Сошедший с ума и под.:

Это Батя АКА Долбоящер— забудь надежду, всяк сюда входящий!!! Подписано и скреплено печатью. Это Батя АКА Долбоящер!

Как уже говорилось, рэперы могут заниматься творчеством в одиночку, могут объединяться в группы. Любопытна специфика творческой активности псковской рэп-группировки, связанной с проектом «КМБ». Вот что рассказывает один из его основателей Тимак (никнейм Т/Mak): «Были люди, которые по-настоящему занимались хип-хопом: я, Бро, Батя, Перон, а была большая туса, которая под портвейн была готова почитать фристайлы. Все это может начаться как акын: что вижу, о том читаю. А музыки могло и не быть, кто-то мог сделать битбокс, и фристайлили. И летом это достаточно большая комьюнити, человек по сорок. Собственно с этого «Киров» и начался. В этом вся суть «КМБ». Если на титулах «КМБ» только я и Илюха, это не значит, что мы говорим о том, что интересует сугубо меня и его, это голос всей тусовки». Следы этого процесса отражены в одном из треков группы:

Здесь каждый несет часть своей жизни, случайные мысли ложатся знаками в треклист, и если этот стафф в пределах твоей комнаты, значит, «На Кирове» порядок с телками и пойлом... (КМБ. «Киров — мой босс»).

В процессе такого тесного группового общения рэперы могут создавать новые, используемые в рамках своей «тусовки», словечки, внося тем самым «свои краски в языковую мозаику города или региона» [Шмелева 2009а: 198]. О происхождении некоторых сленгизмов-микротопонимов можно услышать от самих рэперов: «Есть двор. У нас он называется *ГТА-двор* (GTA – компьютерная игра, а двор называется так по той простой причине, что он похож на дворы из игры). Еще есть *Чилаут*. *Chill out* – вообще это такое место в клубах, где играет спокойная музыка, где можно расслабиться, а у нас стало называться, потому что там достаточно тихий двор. И вот появилось четыре таких локации «Киров», «Кутуз», или «Кутузка» (Кутузовский парк), «ГТА» и «Чилаут». Это основополагающие места, где мы есть».

Такие специфические псковские номинации дают толчок к образованию новых единиц. Любопытны в этом плане названия некоторых рэп-мероприятий, организованных участниками «Киров мой босс». Например, «КМВall» — контаминация KMB и basketball (в намеренно англоязычном оформлении). Сходство написания слов GTA и getto превращает культовую для американских рэперов фразу $In\ da\ getto$ (в retto) в название рэпвечеринки « $In\ da\ GTA$ ».

Известно, что стремление по-разному обозначить наиболее актуальные для какого-либо сообщества понятия приводит к формированию развернутых синонимических рядов. Это явление мы можем наблюдать у некоторой части псковских рэперов, «культовым» напитком которых был и остается портвейн. Стремление проявить свою креативность, умение играть со словом, «высекая при этом дополнительные смыслы», выражается в специфически псковских номинациях портвейна: портва, ква-ква, портвоин, портовен, псковейн (портвейн производства компании «Псков-алко»), а «коктейль» из портвейна и кока-колы называется портокола.

Что касается собственно творческой составляющей субкультуры, то требования к рэперу и к качеству того, что он делает, достаточно высоки. Так, например, Тимак, оценивая официальный рэп-фестиваль в Пскове и отмечая довольно низкий уровень рэп-исполнителей, ни разу не использовал слово рэпер, заменяя его другими обозначениями (певец ртом, персонаж, *юнит*): «Там было 27 певцов ртом. Были среди них и достаточно интересные персонажи. В общем, было 27 крю и юнитов».

Особенно требовательны псковские рэперы к качеству текста. По наблюдениям Т.В. Шмелевой, в русском рэпе текст воспринимается как поэтический, культивируется высокий уровень качества текста и языкового мастерства, в том числе произносительного, где важны скорость и звучание; ценятся неожиданные рифмы, оригинальные языковые находки. Внимание к собственно языковой стороне поэтического творчества позволяет сделать заключение о лингвоцентричности русского рэпа, и это представляется его национальной спецификой [Шмелева 2010: 161]. Как бы в подтверждение этой мысли один из псковских рэперов, LE, противопоставляет рэп как образ жизни, особенно в среде американских рэперов (понятие «хасл»), и рэп как искусство: «Хасл – так, в принципе, живет гетто, и там это нормально. Там понятие хаслер – это не негативно. А у нас в России появилось такое про рэперов: «У, хаслер!» Эта проекция делает из нас американизированный рэп. С моей точки зрения, хасл – не есть хорошо. А если говорить о рэпе как об искусстве (употребим это слово), то выражение твоих образов, насколько ты их усложняешь, как ты рифмуешь, какими ты пользуешься правилами, какой у тебя стиль, какой у тебя эмоциональный подтекст идет, это уже совсем другое, это уже не хасл, это уже поэзия».

Псковские рэперы называют себя поэтами:

Просто я люблю поделиться секретами,

A че - мы поэты ...

(ShoteR. «Позвоню»);

противопоставляют себя и свое творчество тем, кто стал писать рэп только под влиянием моды:

Наши цели зарыты глубже!

А средства – метафоры и абстракции.

Бывают поэты, а бывают вихрями моды головы вскружены...

(ПиТт. «Два метра в землю»);

свои тексты называют лирикой:

Ты уже переступил черту периметра,

Где я каракулями выцарапываю лирику,

Вдыхая душу в листы мертвой материи...

(КМБ. «Киров – мой босс»).

Интересно, что в творческий процесс создания рэпа включается и традиционный «соавтор поэтического творчества» – Муза, причем не одна:

Музы, как бабочки, обжигались об лампу,

ложились знаками на шершавую бумагу.

Далее жег киловатты с наставницей-ночью,

новые строчки – в столбик, хапки – в форточку...

(КМБ. «Забудь надежду, всяк сюда входящий!»).

Три содержательные характеристики: автобиографичность, исповедальность, острота социального чувства, — выявленные Т.В. Шмелевой в русских рэп-текстах [Там же: 162], обнаруживаются и в текстах псковских рэперов.

Показателен, например, трек Тимака «Когда я был дурачком», где рэпер рассказывает об одном эпизоде из своей жизни, когда было необходимо делать выбор между учебой и рэпом:

А я той осенью должен был стать взрослым вдруг

И занять место в строю

Потенциальных работников финансовой сферы.

И так было б, наверно, если б не рэп, в который я верил.

Что было далее, помню в деталях:

Образование где-то на заднем плане,

Я находил другое применение своим знаниям.

Среди листов блокнотов и звуковых волн на экране,

Стирая грани между ночью и днем, словно в бреду,

Уходил в себя, забыв про сон и еду...

...И все было прекрасно – весы держали баланс!

Вплоть до весны, когда родителям вдруг стало ясно, Что их сын, который как будто навечно простыл

Не станет экономистом и, судя по всему, эгоист.

Что я мог им ответить? Глаза смотрели вниз.

Что я мог им ответить, если чувствовал себя как лист,

Подхваченный ветром и парящий над дворами и скверами.

А в голове были лишь кики, хэты и снэйры.

Хотя иметь корку о высшем вроде как надо, не так ли?

Щемящее чувство одиночества отражается в другом треке:

Среди звериных оскалов остаться б людьми...

Закрой глаза, и я расскажу тебе про свой мир,

Испачканный пастой и перечеркнутый линиями,

Еще недостроенный, уже превращенный в руины.

К утру он догорит дотла, не оставив даже углей...

(T/Mak. «На шаг ближе»).

Острота социального чувства проявляется в неприятии стереотипов общественной жизни, в желании перемен:

Идеалы, скиданные в одну кучу.

По ним добропорядочные граждане

Топают в «светлое будущее».

A я вижу его свинцовой тучей, и дальше вряд ли будет лучше! (T/Mak. «4 м»).

Тема города в рэп-культуре, по наблюдениям Т.В. Шмелевой, обычно реализуется либо в бахвальстве (наш город/район – самый крутой), либо в критическом изображении социальной реальности. В текстах мурманского рэпа появляется тема любви к родному городу [Шмелева 2009а: 200].

В текстах псковских рэперов часто находят отражение такие параметры, как географическое положение, размеры и «социальный статус» города (центр/периферия).

Северо-западное расположение является наиболее частотной характеристикой Пскова в рэп-текстах:

Северо-запад, где мы рвем мониторы –

По сторонам летят куски,

Речитативы срывают головы...

(План Б. «Блеф-рэп»),

или:

Билеты в другие страны останутся в планах!

Я врос корнями в северо-запад – его воздух, воду и пламя!..

(Т/Мак. «Поезда»).

Небольшие размеры города, воспринимаемые как недостаток, также становятся социально значимыми характеристиками Пскова при создании рэп-текстов. В одном из треков Витатіпа проводится идея малой известности города жителям других регионов:

Все о'кей, нормально! Че ты смотришь, дядя? Я из Пскова, кадр, поищи на карте... («На карте»).

Свое дальнейшее развитие эта идея получает в текстах, где Псков представляется как захолустье:

Меня и тут не напрягает коров пасти По рогам хворостиной... (ПиТт. «Весна»),

или там же:

Вокруг нас на три дня пути: Тайга непроходимая...

Однако чаще связь лирического героя-рэпера и родного города более живая и более тесная. Псков воспринимается как город-друг:

И вот я проснулся, чувствую, что улыбаюсь. Задумался немного, второй час уже валяюсь, Из окошек свет прямо в глаза бьет, Ну, здравствуй, Псков...

рэпер и Псков составляют одно целое:

(Shoter. «Мне снился рэп»);

Мы – город Псков, северо-запад на карте, Город не розовых витрин, не гламурных пати... (Единичный продукт. «Эти места»);

являются соавторами:

Музыка – моя мечта, музыка – мой наркотик, И этот город в ней оставил свой почерк... (План Б. «Блеф-рэп»). Псков в субкультурном отражении представляется как совокупность мест, связанных с времяпровождением рэперской группировки или рэпера-одиночки. В одном из треков МС КогтиКобры это выражается таким образом:

На этой карте мой мини-квартал,

Здесь каждый камень помнит, как эти дни коротал.

Большую часть ономастикона рэперов занимают официальные и неофициальные микротопонимы, которые помогают конструировать особое художественное пространство. Так развивается «тема городских улиц как пространства зарождения и бытования рэпа» [Шмелева 2009б: 184]. Автор-рэпер создает своеобразный путеводитель по Пскову, с обозначением мест своего обычного пребывания (*Юбилейка* – ул. Юбилейная, *Культы, Маяк* – магазины «Культтовары» и «Маяк» на Рижском проспекте и т.п.):

Я тормознусь на Маяке, или на Культах, а может быть, на Юбилейке с шавермой у рта (Витатіп и КогтиКобры. «На карте»).

Использование выражения *шлифовать асфальт* вместо *ходить* в треке «Это нужно помнить» группы «Киров мой босс» подчеркивает идею постоянного перемещения по одному и тому же маршруту (от памятника С.М. Кирову до ул. Красных партизан):

Но я по-прежнему шлифую асфальт от Кирова до Красных партизан...

В этом же тексте авторы используют слово коридор как метафорическое обозначение улицы, подчеркивая тем самым освоенность, интимизацию пространства: часть города (улица Некрасова) ассоциируется с частью квартиры как места проживания (коридор Некрасова):

Тем не менее, я слабо помню июнь и июль, Магазин «Продукты» и Перекресток Якубова, Шатание по коридору Некрасова... MC Shoter в композиции «Проверка микрофона» сопоставляет длительность звучания рэп-текста со временем перемещения из одной точки в другую: пока звучит сочиняемый или уже написанный трек, человек проходит определенное расстояние.

Салам, это демо от Центра до Телецентра. Проверка микрофона: почитаем еще пару метров.

Некоторые рэп-тексты показывают, что городские объекты воспринимаются как точки на карте Пскова, объединяющие рэперов (все рядом, все знакомо, все связано с общими делами, воспоминаниями. *Молочка* – магазин «Молоко», *Рига* – памятник княгине Ольге у гостиницы «Рижская», улица Народная):

А я, пожалуй, с ними останусь и точка
Тут в любую погоду до них можно пешочком
Этот голос в динамике че-то хочет
Тут через два двора, ман, давай до «Молочки»...
(Пустой. «Нормально»),

или:

Я тут Женьку набрал, на Риге пересеклись, Ну как ты? Здравствуй, давно не виделись, Как-то по-братски пожали друг другу руки И по проспекту к дому мимо Народной... (Shoter и Пустой. «Накопились истории»).

Связь субкультурной группы с городским пространством настолько тесна, что позволяет друзьям опознавать и характеризовать члена этой группы только по месту его проживания (c Запсковья — проживающий за рекой Псковой, c Вокзала — проживающий в районе железнодорожного вокзала):

Спасибо большое, отдельное пацану с Запсковья, моему монтажеру,

Eще человеку с Bокзала — ну, он-то поймет... (Shoter. «Мысли»).

Таким образом, специфика языковой составляющей псковской рэп-культуры проявляется прежде всего на уровне ономастической номинации и регионального компонента урбанистической тематики. В перспективе интересно было бы выявить псковско-новгородские параллели в образах и темах региональной рэп-поэзии.

Литература

- Голованова Е.И. Персоним как элемент языка компьютерного общения / Е.И. Голованова // Социальные варианты языка V. Нижний Новгород, 2007. С. 346-349.
- Карпушкин В.Г. Рэп как новая форма языкового существования в славянском мире / В.Г. Карпушкин, Т.В. Шмелева // Славянские языки: единицы, категории, ценностные константы. Волгоград, 2010. С. 423-437.
- Луков В.А. Хип-хоп культура / В.А. Луков // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 1. С. 147-151.
- Шмелева Т.В. Регион (51): языковая ситуация и ее отражения / Т.В. Шмелева // Структура. Семантика. Коммуникация. Мурманск, 2009а. С. 195-203.
- Шмелева Т.В. Русский рэп как пространство языкового креатива / Т.В. Шмелева // Лингвистика креатива. Екатеринбург, 2009б. С. 176-193
- Шмелева Т.В. Рэп-текст как новая реальность русской словесной культуры / Т.В. Шмелева // Русская речь в современных парадигмах лингвистики. Псков, 2010. С.158-163.

Псковский государственный педагогический университет

ИГРОВОЕ ОНОМАСТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Работы Т.В. Шмелевой [Мовшович 2000; Шмелева 2007; 2009] с описанием различных топонимических словарных проектов для начальной школы послужили стимулом для привлечения ономастического материала во фразеологические словари для младших школьников, выполненные в Экспериментальной лаборатории учебной лексикографии Псковского педагогического университета (науч. рук. – проф. Т.Г. Никитина).

«Ономастика для начальной школы — замечательная возможность, не уходя ни от одной из основных задач обучения и развития ребенка, укрепить его в стихийной ономастической рефлексии, заложить основы ономастической культуры, без которой представить современного культурного человека невозможно» [Шмелева 2007: 93].

В настоящее время неизбежным становится коммуникативное измерение словарного текста, формирование новых подходов к моделированию визуального ряда, разработка продуктивных методик воздействия на адресата, например, в рамках игровых моделей текста. В основу словарного проекта «Фразеологизмы в веселых рассказах» положен игровой принцип, что позволило нам успешно реализовать коммуникативную функцию этого лексикографического пособия для младших школьников.

Одним из игровых приемов в тексте «Фразеологизмов в веселых рассказах» является моделирование игрового ономастического пространства, включающего топонимы (город Фразеологинск), эргонимы и идеонимы (радиоканал «Спортивно-фразеологический», сайт «Фразеологический»),

антропонимы (имена рассказчиков фразеологических историй: мастер Профи, инженер Сантиметренко, повар Сгущенкин, экскурсовод Раскопкин) и др. с семантически обнаженной, «говорящей» внутренней формой. Такие номинации способствует возникновению у младшего школьника дополнительной мотивации к осознанию культурно-значимых сфер, к которым восходят фразеологизмы.

Так, инженер Сантиметренко рассказывает о фразеологизмах, связанных со старинными мерами длины (мерить на свой аршин, семи пядей во лбу), мастер Профи помогает освоить фразеологизмы, связанные с профессиональной сферой (попасть впросак, тянуть канитель), экскурсовод Раскопкин знакомит с фразеологизмами, происхождение которых связано с историей нашей страны (как Мамай прошел, коломенская верста, отложить в долгий ящик), повар Сгущенкин объясняет историю происхождения фразеологизмов, связанных с народной кухней и пищей (тертый калач, седьмая вода на киселе).

Приведем примеры из словарных статей.

БЕЛЕНЫ ОБЪЕЛСЯ (кто) О человеке, который ведет себя как ненормальный, безумный.

Употребляется в разговорной речи. Говорится неодобрительно или насмешливо.

- —Здравствуйте, я доктор Витаминкин (портрет). Пришел по вызову разобраться с фразеологизмом белены объелся. Почему я летом в валенках и стою на голове? А чтобы вы меня увидели и засмеялись: «Вы что, доктор, белены объелись?» Ведь именно так говорят о человеке, который удивляет всех своим странным поведением, ведет себя как ненормальный, безумный. А как это связано с беленой, я вам сейчас расскажу. Только сначала пойду переобуюсь и руки вымою. А вы пока вот эту травку рассмотрите, только руками не трогайте (рисунок белены).
- Ребята, я и есть та самая белена и лучше сама во всем признаюсь. К сожалению, я очень ядовитое растение. У человека, который меня пожует, расширяются зрачки, краснеет лицо

и шея, появляется сухость во рту, возникает тошнота и рвота, начинаются судороги рук и ног. Отравившийся начинает метаться, бегать, кричать, смеяться, буйствовать, ему мерещатся страшные видения, от которых он пытается спастись, – в общем, ведет себя как ненормальный, безумный. Недаром меня в народе называют бешеной травой, бесивом, бешеницей, дурь-травой, одурью. Все эти народные названия связывают меня с бешенством, дурманом.

Если человеку вовремя не оказали первую медицинскую помощь или он съел слишком много белены, то наступает смерть.

Я очень быстро размножаюсь и поэтому расту всюду: у жилья, на мусорных кучах, у дорог, по берегам рек. Все мои части очень ядовиты: корни, листья, стебли, цветки и семена.

К тому же я очень хитрое растение. Мои листья нередко принимают за щавель, корни — за петрушку или белую морковь. Вас, детей, привлекают мои коробочки с семенами, напоминающими мак. Да что там говорить, лучше держитесь от меня подальше!

А вот и доктор Витаминкин вернулся:

– Итак, происхождение фразеологизма белены объелся связано с очень ядовитым растением беленой. Что? Понял, белена вам уже все рассказала. Так, сейчас наденем очки и прочитаем. Ну что же, все правильно и очень самокритично. А который сейчас час? Девять утра? Тогда всем быстро почистить зубы и лечь спать! Спрашиваете, не объелся ли я белены? Нет, это я так, для профилактики. Хотел проверить, как вы усвоили наш фразеологизм. А вы молодцы, все поняли! Не подвели!

НИ ЗА КАКИЕ КОВРИЖКИ

Ни за что.

Употребляется в разговорной речи.

– Алле! Повар Сгущенкин слушает. Что? Вы хотите меня попросить снова накормить героя английских песенок Робина

Бобина? Ни за что! И мне абсолютно не интересны ваши предложения: ни место придворного повара английского короля, ни женитьба на принцессе, ни полкоролевства в придачу. Ни за что не соглашусь вновь готовить для этого обжоры. Я до сих пор помню весь этот ужас, который пересказал в стихах Самуил Маршак:

Робин-Бобин
Кое-как
Подкрепился
Натощак:
Съел теленка утром рано,
Двух овечек и барана,
Съел корову целиком
И прилавок с мясником,
Сотню жаворонков в тесте
И коня с телегой вместе,
Пять церквей и колоколен, —
Ла еще и недоволен!

— Алле! Вы опять за свое? И скатерть-самобранку мне не нужно! Ни за что! Неужели вы не понимаете? Я же вам русским языком объясняю: «Ни за какие коврижки я не буду поваром Робина Бобина!» При чем тут коврижки? О! А вот о коврижках я могу говорить бесконечно... (Рисунок коврижки).

Коврижка — это старинное русское лакомство. Раньше она называлась «медовым хлебом». Еще в IX (девятом) веке домашние хозяйки просто смешивали муку, ягодный сок и мед, который составлял половину всего теста. Позднее в коврижки стали добавлять пряности (пахучие травы и коренья) из Индии и с Ближнего Востока.

Коврижка похожа на гигантский пряник, потому что сделана из пряничного теста. Только, в отличие от штучных пряников, это большой выпеченный пласт прямоугольной формы. Иногда коврижку составляют из двух половинок, которые «склеивают», намазав медом или вареньем. Бывает – украшают. И уже в готовом виде разрезают на куски.

А главное – с ними связан наш сегодняшний фразеологизм ни за какие коври́жски. Его употребляют в тех случаях, когда человек решительно отказывает кому-то в чемто, и даже самое заманчивое вознаграждение (коврижка) не заставит его согласиться. Сейчас коврижкой никого не удивишь. Вот если бы новый ноутбук предложили, майку любимого футболиста или сноуборд... Но фразеологизм-то появился в те древние времена, когда медовая коврижка, да еще с пряностями из Индии, была дорогим, не повседневным лакомством, мечтой любого сладкоежки. Ведь конфет «Мишка на севере» и чупа-чупсов тогда тоже не было.

ПОПАСТЬ ВПРОСАК

По своей вине оказаться в затруднительном, неприятном, сложном положении; ошибиться в чем-либо.

Употребляется в разговорной речи. Говорится с сожалением или неодобрением.

– Стой на месте! Не двигайся! Я – мастер Профи (портрет). Я же просил тебя дожидаться меня дома! Я бы сам к тебе пришел и все рассказал о нашем фразеологизме. Здесь очень опасно! Видишь, все в веревках? Это просак – ручной станок, на котором раньше прядильщики изготавливали толстые веревки (канаты).

Сложная сеть веревок тянулась от прядильного колеса до «саней», где веревки скручивались. Станок располагался обычно на улице и занимал значительное пространство. Если в просак попадали края одежды или волосы изготовителей канатов, работающий станок закручивал их вместе с материалом, из которого делалась веревка, и освободиться было очень трудно.

Ну все, я остановил просак. Проходи. Конечно, мне пришлось сильно поволноваться. Надеюсь, теперь-то ты понимаешь, что попасть в такой просак – ситуация не из приятных?

Вот и доктор Витаминкин здесь. Это я его вызвал. Так, на всякий случай. Мало ли что могло случиться.

А что ты смеешься? Смотрелся ли я в зеркало? Нет, конечно. Как угорелый вылетел, когда узнал, что ты здесь. А что?

Что-то не так? А, понятно. Брюки вместо пиджака надел (рисунок). И доктор Витаминкин не лучше. Вместо очков, ножницы на нос нацепил (рисунок).

Спасибо. А то попали бы мы с Витаминкиным впросак! Ведь сейчас сюда приедет съемочная группа с телевидения.

А ты, чтобы не попасть впросак, прочитай вывод о про-исхождении нашего фразеологизма. Передача-то будет о нем.

Исконно русское выражение *попасть впросак* связано с бытом русских прядильщиков, канатных мастеров. *Просак* – это канатный станок, на котором в старину скручивали веревки. Для прядильщика попасть в такой станок, то есть *в просак*, одеждой или бородой означало лишиться того и другого, а порой и жизни. В наше время таких станков-просаков уже нет, прямое значение устойчивого выражения попасть в просак забылось, предлог В слился с названием станка и укрепилось переносное значение фразеологизма *попасты* впросак – «по своей вине оказаться в затруднительном, неприятном, сложном положении; ошибиться в чем-либо».

А сейчас фразеологическая игротека представляет игру «Путаница»:

Ведущий произносит слова: «Чтобы не попасть впросак, это нужно делать так...» – и начинает называть части тела и показывать их (или дотрагиваться до них). Игроки смотрят на ведущего и повторяют движения за ним. При этом ведущий может «путать» игроков, называя одно, а показывая на другое. Кто повторил такое неверное движение – тот попал впросак.

СЕМИ ПЯДЕЙ ВО ЛБУ

Об очень умном, мудром человеке.

Употребляется в разговорной речи. Говорится с одобрением.

– Привет из песочницы! Это я, инженер Сантиметренко, делаю для детей площадку-трансформер. Заодно тебе и про наш фразеологизм расскажу. Только давай сначала послушаем,

о чем разговаривают ребята на каруселях. Я никогда не пропускаю последние детсадовские новости.

- Мой брат вчера занял первое место в городских соревнованиях по легкой атлетике!
 - Зато моя сестра лучше всех мальчишек читает рэп!
- А мой брат вчера играл с ребятами в футбол и попал мячом прямо в директора школы!
 - А у моего старшего брата семь прядей во лбу!
 - Это как? Что ли в семь цветов челку покрасил?!
- Да нет. У него прическа без челки. Про семь прядей мама всегда говорит. Очень умный, значит.

Инженер Сантиметренко:

— А ведь это про наш фразеологизм — *семи пядей во лбу* — «об очень умном, мудром человеке»! Просто малыш не разобрал незнакомое слово *пядей*, *пядь* и заменил его более известным — *прядь*.

А все, что касается $n n \partial e \tilde{u}$, — это, конечно, ко мне, инженеру Сантиметренко. Потому что $n n \partial b$ — это еще одна старинная русская мера длины. Хочешь, чтобы я ее тебе показал? Так сейчас мы вместе с тобой ее ребятам покажем. Растяни в стороны большой и указательный пальцы. Вот так.

Теперь измерь между ними расстояние. А теперь у меня измерим.

Побольше получилось, примерно 19 сантиметров.

Это и есть **пядь** – старинная русская мера длины, равная расстоянию между концами растянутых большого и указательного пальцев взрослого человека, то есть примерно 19 сантиметрам.

Итак, с пядью понятно. Осталось со лбом разобраться. В нем у нас должно быть семь пядей. Ну-ка прикинем. Получается примерно с твой рост! Ну и лоб! Прямо как у инопланетянина какого-то! (Смешной рисунок инопланетянина с огромной головой.)

А представь, как много ума может поместиться в такой голове! Наверное, так думали наши предки, которые в XII (двенадцатом) веке измеряли высоту, длину и ширину пядями. А в XIX (девятнадцатом) веке врач по фамилии Гааль, из Австрии, основал науку «френологию», согласно которой об умственных способностях человека можно судить по форме черепа, а значит, и по форме лба. Позже ученые опровергли эту теорию. Френологию признали лженаукой, а выражение семи пядей во лбу, означающее очень умного, мудрого человека, осталось в языке.

Таким образом, оборот *семи пядей во лбу* основан на преувеличении: лоб в семь пядей должен быть высотой более метра, а так как высоту лба напрямую связывали с умственными способностями, фразеологизм и обозначает очень умного человека.

А про тебя скажут, что ты семи пядей во лбу, когда ты прочитаешь этот словарь и расскажешь своим друзьям самые интересные истории происхождения фразеологизмов».

КОЛОМЕНСКАЯ ВЕРСТА

Очень высокий человек.

Употребляется в разговорной речи. Говорится шутливо.

Ого, да тут целая очередь из рассказчиков! И каждый хочет объяснить историю происхождения нашего фразеологизма. Кто же первым возьмет микрофон? Похоже, что инженер Сантиметренко (портрет):

- Слово *верста* издавна означало старинную русскую меру длины, чуть больше современного километра. А точнее -

- 1 км 68 м. Значит, рассказывать о фразеологизме коломенская верста буду я.
- Уважаемый инженер Сантиметренко! Позвольте все-таки мне, экскурсоводу Раскопкину (портрет), рассказать детям об истории происхождения нашего фразеологизма. Здесь очень много интересных исторических фактов, о которых знаю только я.
- И о чем это вы таком знаете, о чем я не знаю? обижается инженер Сантиметренко, но все-таки передает микрофон второму рассказчику.
- Ну, например, о том, что верстой называли и **верстовой столб** (рисунок). Такие столбы устанавливали на дорогах, они указывали расстояние в верстах до ближайшего города. Верстовой столб, как и столб вообще, издавна был на Руси общепринятым мерилом **высокого человека.** Поэтому в русских народных говорах и просторечии имеется немало сравнений с верстой: вытянуться как верста, стоять верстой, ростом с версту все они характеризуют именно высокого человека.
- Да, спасибо, не знал. Очень интересно, только успел произнести инженер Сантиметренко, как в словарную статью ворвался новый рассказчик!
- O! Да это сам царь Алексей Михайлович Романов, по прозвищу Тишайший, к нам пожаловали! Он правил на Руси в XVII (семнадцатом) веке и был отцом Петра Первого (портрет).
- Всех! Всех взять под стражу! Это бунт! Без моего ведома надумали про фразеологизм коломенская верста рассказывать?! А ведь он связан со временами моего правления!
- В середине XVII века на дороге между Москвой и Коломенским, где находилась моя дача, были установлены новые верстовые столбы, которые были значительно выше тех, что стояли на других дорогах. Поэтому прилагательное коломенская и вошло в состав фразеологизма коломенская верста.
- Не серчайте на нас, царь-батюшка! это инженер Сантиметренко и экскурсовод Раскопкин оправдываются. Мы просто «разогревали» публику перед Вашим выступлением. Ведь оно самое важное для разъяснения нашего фразеологизма. А еще мы Вас приглашаем на концерт, который подготовили ребята вместе с их другом школьным дворником Валерием Ни-

колаевичем. Они исполнят частушки про коломенскую версту – человека высокого роста. Сами сочинили.

⊙Петьку в шутку называем Мы коломенской верстой, Люстру в классе задевает Он все время головой.

ОАня хочет быть моделью
 Рост – что надо у нее.
 Быть коломенской верстою –
 Это модно, вот и все!

⊙Стать коломенской верстой Нужно Кольке быстро, Ведь Наташа смотрит только На баскетболистов.

Таким образом, вовлечение ребенка-читателя в игровое ономастическое пространство способствует формированию его фразеологической картины мира.

Литература

Мовшович Н.И. Твое собственное имя собственное, или Ономастика в школе / Н.И. Мовшович, Т.В. Шмелева // Русский язык: Приложение к газете «Первое сентября». 2000. № 17. Режим доступа: http://rus.1september.ru/articlef.php?ID=200001702.

Шмелева Т.В. Детская ономастика / Т.В. Шмелева // Начальная школа. 2007. № 5. С. 90–95.

Шмелева Т.В. Ономастические словари как инструмент повышения языковой культуры / Т.В. Шмелева // Слово. Словарь. Словесность (к 225-летию основания Российской Академии). СПб., 2009. С. 165–169.

Кемеровский государственный университет

ГЛУБИННАЯ ДИНАМИКА СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПИСЬМЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ: ДИСКУРСИВНАЯ И ХОЛИСТИЧЕСКАЯ ТЕНДЕНЦИИ

В широком и многогранном лингвистическом творчестве Татьяны Викторовны Шмелевой — особенно в последний его период — вопросы русской письменной речи занимают немалое место (см., например: [Шмелева 1999; 2001; 2006; 2007]). Не случайно именно Татьяна Викторовна стала идейным вдохновителем и организатором весьма своевременной и содержательной интернет-конференции «Кириллица — латиница — гражданица», проведенной весной 2009 года Новгородским отделением МИОН, и ответственным редактором одноименной коллективной монографии [Кириллица 2009], в которой русская письменность предстает как специфический, многоаспектный объект русской истории, культуры и языка. Настоящая статья является продолжением раздела «Массовое письменное сознание», написанного ее автором для названной монографии.

Методологические параметры исследования. Центральный объект статьи — процессы, протекающие в сфере функционирования русского письма. Главная цель — выявление некоторых векторов развития письменного русского языка. Основной способ выявления и квалификации тенденций в этой сфере — рассмотрение явлений современной письменной речи в общекоммуникативном аспекте. Основной метод — наблюдение, основной способ объяснения результатов наблюдения — антиномический анализ. Мы исходим из того, что антиномия есть движущая сила письменно-речевой деятельности. Тенденции в письменной речи (так же, как и в устной) складываются стихийно. Они представляют собой равнодействующую

триллионо-кратных коммуникативно-речевых актов (написаний и прочтений), каждый из которых есть точка пересечения разнонаправленных сил. Любая такая точка — баланс противоречий. Основной фактор баланса — закон сохранения речемыслительных усилий в письменно-речевой деятельности.

Энергетический центр баланса в настоящее время во многом определяется активностью виртуальной электронной коммуникации. Интернет, скайп, СМС, аудиокниги, презентации, дистанционное обучение — активно включены в социальную жизнь, прежде всего в жизнь молодого поколения. Они интенсивно вторгаются в прежнюю систему письменной коммуникации, конкурируя с ее традиционными формами и заставляя их изменяться. Конкуренция осуществляется и внутри новых форм. Все эти процессы протекают на наших глазах, и задача лингвиста их зафиксировать, описать и интерпретировать. В настоящей статье представлены результаты такого пилотного описания.

Сдвиги в современной письменной коммуникации. Мы полагаем, что появление новых форм коммуникации создает ситуацию глобального сдвига не только в технической части письма, но и в самой семиотике (коде письменной речи), а возможно - и в письменной ментальности. Назовем некоторые из составляющих такого сдвига.

КОГНИТИВНЫЕ (новая письменная ментальность): тенденция к холистическому представлению коммуникативного содержания, тесно увязанная с усилением визуального канала передачи информации.

КОММУНИКАТИВНЫЕ: а) усиление дискурсивных тенденций письменной речи; усиление перлокутивных тенденций письменной речи.

СЕМИОТИЧЕСКИЕ: конкуренция звуковой и визуальной форм речи представляет собой способ (внутреннюю форму, структуру) современной коммуникации; конкуренция звуковой и визуальной детерминант внутри письменной речи.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ (внешняя форма коммуникации): от бумаги – к электронному носителю, от ручного написания к клавишно-клавиатурному, увеличение скорости записи, расширение возможностей получения и передачи текстов на расстояние и по количеству адресатов.

Антиномия холистизма и элементаризма. Холистизм – примат целого над частями, невыводимость целого из суммы частей. Холистизм в психологическом смысле – «видение» целого до расчленения его на части. Холистизм в когнитивном смысле – схватывание смысла целого вне суммирования смыслов его частей. Интуиция представляет собой одну из базовых ментальных форм холистизма. Антиподом холистизма выступает элементаризм. «За деревьями не видеть леса» – афористическая формула (от обратного) холистического видения явлений, подчеркивающая некоторую ограниченность их элементаристского видения. Данная оппозиция нуждается в осмыслении в разных сферах научного (в том числе лингвистического) знания и особенно дидактике, прежде всего потому, что школьное мышление - преимущественно элементаристское. Говоря о лингводидактике, подчеркнем следующее: современное массовое метаязыковое мышление, как школьное, так и обыденное – сформировано элементаристскими стратегиями, восходящими к процессу начального обучения письменной речи, но никак не к реальному письменно-речевому поведению взрослых носителей русского языка (пишущих и читающих), каковым являются, в частности, скоропись, скорочтение, чтение «про себя». Именно на стадии обучения письмо привязывается в первую очередь к звучащей стороне речи, и лишь во вторую - к когнитивной, но эта привязка – генетический момент письменно-речевой деятельности индивиуума, однако он весьма устойчив в обыденном метаязыковом сознании: носители языка убеждены, что русский язык в школе учат для того, «чтобы правильно писать», что в правильном написании главным является проверочное действие, соотносящее написанное с системой фонем [Голев 2009].

Доминирование звуковой составляющей в письменной коммуникации порождает сильную элементаристскую тенденцию в языковом мышлении: поэлементный — один элемент за другим — способ кодирования и декодирования информации в устной речи, оно детерминируется также стратегией и тактикой современного письма. В этом смысле холистическая стратегия существует в рамках элементаристской как вспомогательная. Это особенно ярко проявляется в чтении, где выведение главного и общего смысла осуществляется поэлементно, а холисти-

ческий компонент реализуется как параллельно-следовый. Обучение чтению «под микроскопом» в школе явно доминирует над обучением чтению «через телескоп». Холистизм — это, вопервых, изначальное интуитивное схватывание смысла текста в целом, во-вторых, движение от вышестоящих единиц текста к нижестоящим при факультативном обращении к частностям нижестоящих уровней.

Семиотические следствия обусловлены сдвигом в соотношении звуковой и письменной речи, в частности, двух разновидностей письма:

- письма, обусловленного звуковой речью, передающего звучание речевого произведения,
- письма, «обходящего» звуковой субстрат и отражающего непосредственно мир идей и мыслей.

При таком «афонетизме» роль звуко-буквенного алгоритма неизбежно уменьшается. В этом случае есть основания говорить о тенденция к иероглифизации (в широком смысле этого термина), осуществляющейся в неразрывном единстве с холистической тенденцией письменной речи. Ее проявления, в частности, редукция звуковой стороны письменной речи, весьма разнообразны Таковы, например, аббревиатуры в научном тексте (ср.: Средства массовой коммуникации (далее – СМК) изучаются нами на материале областной прессы. Актуальность изучения СМК заключается в следующем...); сокращения и условные значки во всех видах текстов, специальные значки в технической документации или на клавиатуре компьютерной техники. Многие из них не предполагают озвучивания. Например, название газеты «Коммерсанть» сократилось до «Ъ», и в СМИ можно часто встретить письменные фразы типа: как напечатано в «Ъ».

Не предполагают озвучивания и многочисленные сложные «иероглифы» научного текста, технических инструкций, плановсхем, диаграмм и т.п. Они хорошо иллюстрируют холистические (генерирующие) возможности креативно-иероглифического письма подобного типа.

Своеобразное развитие иероглифического письма находим в таких новациях современной коммуникации, которые можно назвать модульной (блочной) формой передачи инфор-

мации. Она активно используются в комиксах, рекламе, интерактивном обучении, когда нажатием одной кнопки воспроизводится целая «картинка (клип).

Разумеется, такие формы имеют место не только в профессиональной коммуникации, их истоки обнаруживаются в различных формах естественной письменной речи, например в граффити, в объявлениях, записках (см.: [Лебедева 2011]). Они могут быть текстовым «клипом» или креолизованным модулем.

Приведенные факты иллюстрируют холистическую тенденцию в коммуникативно-информационном использовании фрагмента текста и — соответственно — опережение знакового представления целого по отношению к представлению элементов. Лингвистическая интерпретация их приводит к мысли о возможности их рассмотрения как единиц, которые выступают своеобразным аналогом сложного синтаксического целого (в структурно-семантическом синтаксисе), — единицей письменной речи, выделяемой в коммуникативно-информационном плане.

Холистические возможности визуально-письменного канала с помощью таких клиповых единиц более сильные, чем канала фоно-аудиально-письменного. Само словосочетание «видение целого» на слух заметно привычнее, чем словосочетание «слышание целого», что вполне естественно: видеть картину в целом обычно и естественно, а слышать симфонию в целом исключительно. «Звуковая» лекция и лекция-презентация является хорошим примером конкуренции каналов. Причем нередко эта конкуренция происходит непосредственно в речевом акте, когда студент имеет выбор формы «считывания» информации: списывать текста с экрана или записывать «со слуха». Возникает принципиальный вопрос: презентация с широким письменным представлением текста, обширным цитированием – это визуальное подкрепление звучащей речи докладчика или, напротив, озвучивание письменного текста? Что здесь первично? Если письменное представление текста на экране – то получается, что лекции читает студент, а не лектор! По нашим наблюдениям, многие студенты отдают предпочтение визуальному каналу. Такая конкуренция повсеместна. Онлайн-конференции в Интернете в настоящее время все чаще оказываются эффективнее очных форумов. На очных научных конференциях последнего времени участники нередко имеют выбор формы знакомства с докладом: они либо слушают его, либо прочитывают сборник материалов (тезисов) предварительно или непосредственно во время доклада. В этом же ряду стоит конкуренция видов письменно речевой деятельности в скайпе — здесь всегда есть возможность перейти от звукового общения к письменному. Подобным образом конкурируют СМС и прямые звонки адресату по сотовому телефону.

Конкуренция звуковой и зрительной коммуникации имеет давнюю историю. Так, многие ученые полагают, что на заре человечества конкурировали звуковая и жестовая (зрительная в своей основе) речь.

В более позднее время конкурировали пиктографическое письмо и письмо разного рода условными знаками. При этом формы условной записи также далеко не повсеместно завершились «победой» именно звуко-буквенного письма, многие народы успешно пользовались и пользуются иероглифическим письмом разных видов, в котором звуковая составляющая не обязательна, поскольку письменный знак напрямую соотносится с мыслью (понятием, представлением или модусом). Внутри буквенного письма есть свои проявления иероглифизма. Так, например, цифры и в определенном смысле знаки препинания являются иероглифами, последние - в том случае, если обозначают релевантные для коммуникации смыслы, с которыми напрямую (вне звучания) соотносится знак препинания. Пунктуация сейчас переживает глубинные трансформации, связанные с утрачиванием традиционной функциональности (ослабление структурно-семантических смыслов, ортологической обязательности), усиления дискурсивных (модусно-диктумных) смыслов (подробнее о пунктуации скажем далее).

Антиномия тенденций к редукции и отражению звуковой речи в современной письменной коммуникации. Наблюдения за новыми явлениями в письменной коммуникации показывают, что ее отношение в звуковой составляющей двоякое и противоречивое. С одной стороны, очевидны проявления редукции звуковой стороны речи, с другой – ярко видно стрем-

ление к ее усиленному воспроизведению на письме. Редукция звуковой стороны всегда присутствовала в русской письменной речи на уровне кода (титло, аббревиация, устойчивые сокращения типа и т.д. и т.л., которые, однако, не до конца отрывались от «звучащей основы»), но в последнее время уход от передачи точного звучания достиг уровня принципа. Наиболее яркое проявление этой тенденции — современная графодериватология, представляющая собой весьма развитую систему, конкурирующую с фонемно-буквенной системой — это всевозможные сокращения словесных и фразовых написаний, замена букв, буквосочетаний, написаний слов и фраз — небуквенными элементами, элементами других буквенных и графических систем. Подробно о графодеривталогии (см. [Попова 2009; Мечковская 2009]).

Другая тенденция, напротив, проистекает из потребности максимально сохранить звучащую речь (и не только звучащую, но «действительную» вообще) и наполнить фонетические элементы особыми смыслами, которые мы квалифицируем как дискурсивные.

Функциональная дифференциация и взаимодействие «визуальной» и «аудиальной» форм письма. Конкуренция названных форм письма ведет не к вытеснению «слабого противочлена», а к перераспределению функций на основе преимуществ каждой из форм.

Преимущества звуковой речи заключены в большей возможности представления дискурса, под которым мы понимаем речь в действительности, речь не абстрагированную от внешних условий ее протекания (фоновая ситуация, объект и субъект, наблюдатели, непосредственное воздействие и т п.). В условиях экспансии визуальной коммуникации в ней, с одной стороны, теряются некоторые возможности передачи непосредственного (суггестивного) содержания, но, с другой стороны, живая письменная речь стремится их, во-первых, тем или иным способом сохранить (передать с максимальной точностью дискурсивные особенности звучащей речи), а вовторых, изыскать свои собственные возможности для передачи субъективно-модальных смыслов (смайлики – яркая иллюстрация последних). Вот типичные примеры графической речи,

стремящейся отразить речь звучащую, в современном молодежном онлайн-общении.

Первый- Aaaaa! Мега перец! Братишка Пен-Пен!

a2kat- Молодиом держался) Любой бы оторопел при виде «Бешеных Анимешников»^^

Alucard- Γ ггг) «Организатор» блн) Следующий раз сам всех собереш) Λ то Hкс уже устала угрожать всем $^{\wedge}$

Legionerus- Aaaaa! Яой! СПАСИИИТЕ! XD

Nyaka- Aaaaa! Яой! СПАСИИИТЕ! XD

shimyr->< Ну Ден в чистом виде. Пока плеер не сел не общался^ Надеюсь никого не забыл^ Всем спасибо! Всеми доволен! АРИГАТО! ХОЧУ ЕЩЕЕЕЕ! Ы дааа.. Стен.. пасан! Стеен.. скажи так, скажи!!Пасааан!))) ну скажишии Djaal

Djaal-3й Яойщик...

Нееееет! Я не Яойщик

(http://forum.qwerty.ru/lofiversion/index.php/t81140-500.html).

Даже беглый взгляд на такие письменные тексты показывает стремление их авторов отразить звучащую речь: разговорное произношение (*Aaaaa! Heeeem! Ы дааа.. Стен.. пасан*), лексику, синтаксис, интонацию, дискурс в целом.

Многие лингвисты и историки психологии говорят об огромном влиянии письменной речи на мышление и общение людей (ср. понятие «письменная ментальность», введенное историком психологии В. Шкуратовым [1997]). В существенной мере такое влияние связано с некоторым отстранением письма от сферы непосредственной речевой действительности, с необходимостью большей степени рефлексивности в письме, преодолевающей спонтанность речевого дискурса, и под. В онлайн-общении описываемого типа ярко представлена противоположная тенденция — погружение письменной речи в речевую действительность, прямое отражение звукового дискурса, спонтанность письменного мышления. На этом фоне заметно пренебрежение нормами всех типов, включение сугубо разговорных словечек, мутации узуальных форм, введение новых элементов, «смешение нижегородского с английским» и многое

другое, заслуживающее, на наш взгляд, серьезного системного описания. Очевидно, что все это – не принесенные ветром моды феномены, а проявления глубинных тенденций живой разговорно-письменной речи.

Глубинная оппозиция и одновременно взаимодействие аудиально-звуковой и визуально-письменной речи на современном этапе их конкуренции заключается, на наш взгляд, в том, что звуковая речь и письмо на его основе имеют значительные возможности в реализации суггестивной функции, иероглифическое письмо – в осуществлении информационной функции. Звуковая речь «сильна» в сфере индивидуального взаимодействия (прежде всего в эмоционально-стилистическом плане) из-за способности подключить в таком взаимодействии массу сигналов, начиная со звуковых: логического ударения, и через них – средств внезвуковых. Иными словами, степень ее дискурсивности выше. В приведенном примере онлайн-общения – а он типичный – видно не только нежелание коммуникантов отдалить письменную речь от звучания, но напротив - активно и креативно его использовать для достижения определенного коммуникативного эффекта.

Дискурсивность письменной речи. Мы полагаем, что, интерпретируя данную тенденцию, мы можем говорить о движении от пофонемно-побуквенного письма к дискурсивному, поскольку единицей передачи становится не буквофонема, а квант дискурса, во всем богатстве разворачивающегося смысла и формы в их единстве. В очерченную линию отдаления от фонемо-графического начала письменной речи включаются эксперименты с внедрением фоностенографии, основанной на передаче дискурсивных элементов: интонации, созданием компактных знаков для слов и фраз. Она базируется на системе аккордного алфавита, отображающего автоморфными знаками как внутрисловную, так и межсловную изменчивость произношения (сандхи). «Фоностенография – это не буквенная система, а скорее «нотная». В ней, например, как в нотах, один и тот же знак может обозначать различные звуки, в зависимости от различного его расположения по отношению к строке» [Александрова 1968]. Появление небуквенных систем звукового письма ставит перед семиотикой важную теоретическую проблему, связанную с границами письменной речи и письменного текста. В этом плане актуализируются значимые для теории письменной речи вопросы. Среди них, например, такие: является ли диктофонная запись, сигналы голосового пульта, креолизованная реклама и т.п. речевыми произведениями и, в частности, текстом? Если следовать по этой линии далее, то она приводит к необходимости квалификации записей незвуковых сигналов в форме нотной партитуры, шахматной нотации, кардиограммы и т.п., степень дискурсивности которых приближается к абсолютной. В шахматной нотации, кстати, немало «дискурсивных знаков препинания» типа смайликов, например: ! – хороший ход, ? – плохой ход, !? – ход заслуживающий внимания, ?! – сомнительный ход, + – шансы белых предпочтительнее.

Возникновение дискурсивного начала в письменной речи отмечается уже давно. Его нарастание проявляется уже в рамках обычной графики. Так, определенные возможности содержит традиционная пунктуация, ее движение от строго предписания к большей факультативности, от структурносемантического принципа к коммуникативному отражают названную тенденцию. Нынешняя система русской пунктуация не слишком озабочена передачей дискурсивных знаков, хотя спорадические элементы дискурсивности проявляются, например – в факультативном выделении логического ударения путем апострофа, подчеркивания, прописных буква или жирного шрифта. Самый дискурсивный знак препинания – модусные кавычки (а вот и «умник» пришел) – мало регламентируется строгими предписаниями. Весьма дискурсивен такой знак, как тире, школьнофольклорная формула которого – «не знаешь, какой знак поставить, - ставь тире». Такая глобальная факультативность тире и кавычек подчеркивает коммуникативную нерелевантность для повседневного письма многих смыслов, на которой настаивает традиционная теория и методика русской пунктуации.

Анализ онлайн-коммуникации показывает большую потребность живого общения в передаче дискурсивных особенностей речи.

Обратим внимание на холистическое содержание смайликов, фиксирующих оттенки смысла. Оттенок – вариант цело-

го, но не его часть (элемент). Через смайлики осуществляется вхождение в дискурс письменной речи ее паралингвистического обрамления – мимики, жестики.

Рекламная коммуникация – полигон новых явлений письменной коммуникации. Мы полагаем, что рекламная коммуникация является своеобразной квинтэссенцией многих из тех процессов письменной речи, о которых шла речь выше.

В настоящей статье мы стремились показать, какого рода детерминация присутствует в сферах письменной коммуникации. Все вместе они образуют единый вектор, различные проявления которого были показаны и отчасти проанализированы в статье.

Литература

- Александрова О.С. Фоностенография / О.С. Александрова. М., 1968
- Голев Н.Д. Современное российское обыденное метаязыковое сознание между наукой и школьным курсом русского языка («правильность» как базовый постулат наивной лингвистики) / Н.Д. Голев // Обыденное метаязыковое сознание: онтологический и гносеологический аспекты. Ч. II. Томск, 2009. С. 378–410.
- Голев Н.Д. Роль пунктуации в понимании текста (о взаимодействии поверхностной и глубинной структур текста) / Н.Д. Голев, М.Ю. Басалаева // Вестник Кемеровского государственного университета. Кемерово, 2010. Вып. 4 (44). С. 128–133.
- Кириллица латиница гражданица: Коллективная монография / Отв. ред. Т.В. Шмелева. Великий Новгород, 2009.
- Кузина С. Создаются приборы, «сканирующие» внутренние монологи человека / С. Кузина // Комсомольская правда. 31.08.2010.
- Лебедева Н.Б. Жанры естественной письменной русской речи: Студенческое граффити, маргинальные страницы тетрадей, частная записка / Н.Б. Лебедева, Е.Г. Зырянова, Н.Ю. Плаксина, Н.И. Тюкаева. М., 2011.
- Мечковская Н.Б. История языка и история коммуникации: от клинописи до наших дней / Н.Б. Мечковская. М., 2009.
- Попова Т.В. Креолизованные дериваты как элемент русской письменной коммуникации рубежа XX-XXI веков / Т.В. Попова // Лингвистика креатива. Екатеринбург, 2009. С. 147–176.
- Шкуратов В.А. Историческая психология / В.А. Шкуратов. М., 1997.

- Шмелева Т.В. Новое в русской орфографии / Т.В. Шмелева // Новое в теории и практике описания и преподавания русского языка: Материалы науч.-метод. конф. Варшава, 1999. Вып. VI. С. 315-321.
- Шмелева Т.В. Орфография с позиций филологии / Т.В. Шмелева // Русский язык и его развитие во времени и пространстве: Сб. науч. ст. к 80-летию проф. К.В. Горшковой. М., 2001. С. 48–496.
- Шмелева Т.В. «Два в одном» / Т.В. Шмелева // Антропотекст 1. Томск, 2006. С. 77–92.
- Шмелева Т.В. Алфавит в лексиконе: свое и чужое / Т.В. Шмелева // Язык в движении: к 70-летию Л.П. Крысина. М., 2007. С. 629–642.

Кемеровский государственный университет

К МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ СТОРОНЕ ОПИСАНИЯ ЖАНРОВ ЕСТЕСТВЕННОЙ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ

Татьяна Викторовна Шмелева внесла заметный вклад в становление такого направления русистики, как речевое жанроведение. Особенно широкую известность приобрела ее модель речевого жанра, включающая основные жанрообразующие параметры [Шмелева 1997]. Можно с уверенностью утверждать, что со времени ее выхода редко какие работы, посвященные описанию речевых жанров, обходятся без упоминания этой модели и опоры на ее семь принципов. Автор данной статьи также испытал влияние этой идеи, когда приступил к сбору и исследованию текстов естественной письменной речи (ЕПР) и перед ним встала задача найти схему описания открывшейся перед ним и его коллегами огромной массы разнородного материала, несистематизированного и не осмысленного как единый объект при всем разнообразии его проявлений. Принципы речевого жанроведения естественным образом легли в основу расчленения того конгломерата текстового материала, который оказался в ведении научно-исследовательской лаборатории, специально созданной для изучения этой сферы русской речи, а с ним встала и задача разработки модели речевого жанра именно для систематизации текстов естественной письменной речи. Задача данной статьи - представить методологическую базу жанроведческого описания текстового материала ЕПР, в основу которой легла специально разработанная модель, генетически восходящая к модели речевого жанра Татьяны Викторовны.

Естественная письменная речь как особая сфера речевой деятельности. Под термином естественная письменная речь в Барнаульско-Кемеровской лингвистической школе понимается обыденная, народная, повседневная, необработанная письменно-речевая деятельность «в ее первозданном виде»,

когда «видение открывается не через язык, а через письмо, а точнее, через руку, старательно выводящую буквы в особых ритмах телесного чувства» [Подорога 1991: 36]. Это очень широкая сфера письменно-речевой деятельности, включенная в парадигму, построенную по осям «письменная/устная речь» и «естественная/искусственная речь». Ее «соседями» по парадигме выступают три смежные речевые сферы: 1) «естественная устная речь», под которой понимается устно-разговорная деятельность, являющаяся предметом изучения диалектологиии, коллоквиалистики, науки о просторечии, теории русской разговорной речи и пр.; 2) «искусственная устная речь», то есть профессиональная и подготовленная речь, традиционно изучаемая риторикой; 3) «искусственная письменная речь» – профессионально подготовленная речевая деятельность (письменнолитературная, газетно-публицистическая, официально-деловая, рекламная), обычно исполненная в полиграфическом виде, в изучении которой имеется огромная филологическая традиция.

Изучение смежных с ЕПР видов речевой деятельности имеет давнюю историю, они активно изучались и продолжают исследоваться, к настоящему времени накоплен большой теоретический и эмпирический материал, а они сами вычленены в особые объекты и осознаны как предметы исследования целым рядом дисциплин.

Что касается такого вида речевой деятельности (и ее результатов — текстов), как естественная письменная речь, то вниманию исследователей удостаивались лишь отдельные виды, начиная от берестяных грамот и писем (особенно известных людей) до студенческих граффити, жанров «девичьей литературы» (альбомы, дневники), открыток, записных книжек и др., нередко — не в собственно лингвистическом аспекте, а как материал для литературоведения, истории, этнографии, философии и пр. Однако как особая сфера языко-речевой деятельности, реализующаяся в разных типах текстов и в различных коммуникативных условиях с разными интенциями, но имеющая при этом общие специфические черты (ментальность, жанры, закономерности функционирования и пр.), позволяющие выдвинуть гипотезу о ней как об особом объекте, — в таком ракурсе она ранее не осмыслялась, задачи обоснования такого подхода не ставилось.

При выделении особого объекта необходимо сформулировать его признаки. Единый признак, объединяющий все разновидности ЕПР и более-менее жестко отделяющий ее от других видов речевой деятельности, трудно назвать. К ним не относится ни рукописный вид исполнения, т.к. и официальные тексты когда-то носили рукописный вид, ни напечатанность на пишущей машинке, а теперь – на компьютере, поскольку внешние приметы («фактура письма») не могут, конечно, быть значимыми признаками. Можно предложить только комплекс признаков, соотносимых по принципу дополнительности и вариативных в своих количественных и качественных характеристиках. К таким признакам мы отнесли следующие: письменная форма, отличающая ЕПР от устных вариантов речи (диалектной, просторечной и литературной устной речи), неофициальность (повседневность) сферы бытования как интенциональный признак, спонтанность как способ реализации письменно-речевой деятельности (кратчайшая временная дистанция между замыслом и осуществлением), непрофессиональность как способ осуществления и характеристика результата, отсутствие промежуточных лиц и инстанций («фильтров») между отправителем и реципиентом текста. ЕПР характеризуется непринужденностью, непосредственностью, вписанностью в конситуацию, в психологическое и социальное бытие автора. При этом отсутствие «фильтров» (редактора, корректора, цензора, всей полиграфической «машины» и пр.) как между замыслом и его осуществлением, так и между текстом, написанным самим автором, и читателем этого текста является важнейшей характеристикой ЕПР. Заметим, что разные виды текстов содержат те или иные признаки в разной степени проявленности, вплоть до почти полной элиминированности одного или двух, при наличии других, также в разном количественном соотношении. Кроме того, текстовое пространство естественной письменной речи в целом и одного типа текста (жанра), в частности, может представлять собой полевую структуру с ядром и периферией, соприкасаясь с другими и перетекая в них, поскольку и вообще ЕПР находится в соприкосновении и взаимодействии с другими видами речевой деятельности.

Методологический аспект жанроведческого описания текстов ЕПР. Как было сказано выше, в качестве первичного

подхода к описанию текстов ЕПР в Лаборатории естественной письменной речи был избран жанроведческий аспект, поскольку необходимо было выявить системность, естественную структурность и иерархизированность того текстового пространства, которое открылось перед взором исследователей, когда был собран более-менее значительный материал, отвечающий вышеуказанным признакам. Необходимо было выработать методические приемы, позволяющие объединять различные вариации текстов в один инвариант, выявлять жанрообразующие признаки различных типов текстов и т.д. Для этого было осознано основное отличие ЕПР от остальных видов речевой деятельности – значимость субстанциональных признаков, в первую очередь – материального носителя знака, названного субстратом. В естественной письменной речи субстрат настолько тесно, органически связан с остальными признаками, что наряду с целевым компонентом оказывается иногда определяющей характеристикой жанра (например, граффити – записи на материальных предметах, не предназначенных для письма). В силу специфических свойств ЕПР, в значительной мере – отсутствию внешнего контроля и субстанциональности участников письменно-речевого акта (фациентов) - в результате нескольких лет работы была выработана особая модель описания жанров, названная нами коммуникативно-семиотической моделью (КСМ), легшая в основу более полной поэтапной методической процедуры жанровой квалификации текста ЕПР.

Мы в своей Лаборатории исходим из гипотезы, что не всякий написанный текст ЕПР имеет жанровую природу: возможно, какие-то разновидности записей ЕПР не сформировались в жанровую структуру, то есть не получили еще тематическую, стилистическую и композиционную устойчивость, а возможно, и не получат, не сформируются в специальный жанр. Эти тексты мы условно называем разновидностью, проявлением ЕПР, и только после применения определенной методической процедуры исследования, разработанной в Барнаульско-Кемеровской школе, принимается решение о жанровой квалификации. Таким образом, жанры ЕПР — это поисковая величина: мы движемся к получению ответов, является ли данный вид текстов жанром, то есть устоявшимся в данной речевой культуре типом текстов,

обладающих тематическим, стилистическим и композиционным единством; какими характеристиками он обладает, какую внутреннюю структурность он выявляет, какими своими признаками он взаимодействует с другими жанрами.

Для жанровой квалификации текстов ЕПР в рамках Барнаульско-Кемеровской лингвистической школы разработана специальная **поэтапная методика**. Назовем эти этапы.

- 1. Анализ начинается с первичной формулировки дефиниции жанра по данным словарей или на основе исследовательской интуиции (либо показаниям информантов). Заканчивается анализ (последний этап) развернутым определением жанра на основе данных, полученных в результате применения всей методической процедуры. Таким образом получается кольцевая модель производимых действий по определению жанровой квалификации текста.
- 2. Вторым этапом является определение выделенности и устойчивости данного типа текста в речевой действительности, отраженной в языковом (жанровом) сознании носителей языка. Выделенность и устойчивость речевого жанра в реальной действительности определяется таким признаком, как частотность, встречаемость в речевой практике. Анализ жанра начинается со сбора материала, который осуществляется во многом на интуитивном уровне, поскольку не всегда легко отделить данный жанр от близких и смежных явлений, что должно быть произведено исследователем в результате применения всей методической процедуры. Собранный материал должен выявить его частотность. Могут быть другие проявления устойчивой встречаемости данного жанра в реальной действительности. Так, например, существование такого жанра, как «маргинальные страницы тетради» подтверждается наличием специальных пустых страниц в конце некоторых книг, еженедельников и т.д.

Выделенность данного жанра в обыденном языковом сознании определяется по нескольким основаниям.

Во-первых, учитывается, имеется ли у него специальное наименование в повседневной речи и обыденном метаязыковом сознании. Этот подход Т.В. Шмелева называет лексическим и возводит его к теории речевых актов. Но, как указывает названный автор, этот показатель имеет свои ограничения, по-

скольку «на основе такой лексики нельзя, как представляется, составить полное и адекватное представление о РЖ, хотя бы потому, что одним именем могут обозначаться несколько жанров или их разновидностей и, напротив, один жанр может иметь ряд наименований...» [Шмелева 1997: 88]. Заметим к тому же, что жанр может существовать и без специализированного имени, поскольку вообще не весь мир поименован, не все даже выделенные фрагменты бытия имеют свои устойчивые имена в лексической системе¹⁶. В конечном счете только исследователь, проделав определенный анализ текстов по специальной методической процедуре, может сделать вывод об адекватности имени и, может быть, предложить свое, научное, именование. Так, например, существующее в языковом сознании (по данным Интернета) наименование «последняя (задняя) страница тетради» в Барнаульско-Кемеровской школе заменено на название «маргинальные страницы тетради», которое точнее обозначает сущностную черту объекта и включает не только последнюю страницу (наиболее типичную), но и некоторые другие, также маргинальные по отношению к базовому тексту.

Во-вторых, обыденное жанровое сознание проявляется в метажанровой рефлексии при использовании метода линг-вистического эксперимента (опроса, анкетирования), который часто применяется при исследовании жанров ЕПР. В-третьих, определенную информацию можно получить на страницах Интернета: в частности, такие жанры, как записи на полях, последняя страница тетради нашли свое отражение в различных интернетовских блогах. Могут быть и другие способы установления выделенности данного речевого явления в действительности и в языковом (жанровом) сознании.

На этом этапе в принципе принимается решение о наличии в данной культуре и национальном языковом сознании исследуемого жанра. Но дальнейшая его квалификация требует применения следующих этапов методической процедуры.

¹⁶ См. кандидатскую диссертацию Н.Д. Голева [Голев 1974], в которой автор приводит множество предметов, не имеющих узуального языкового наименования, в то время как в речи говорящие в коммуникативных целях «находят выход», давая свои спонтанные (речевые) названия.

- Третьим этапом является анализ коммуникативно-семиотической модели (КСМ), разработанной специально для ЕПР. Особенность ее заключается в прагмалингвистической направленности, поскольку в ней учитываются типичные коммуникативные условия создания текстов. Она включает 12 параметров: автор; адресат; функция-цель; сам знак, то есть текст (именно здесь рассматривается Бахтиновское триединство «тема, стиль, композиция», а также диктумномодусное содержание, его лингвистические характеристики); графико-пространственный параметр (например, разграфленность типографского издания еженедельника, ненормированность, хаотичность расположения текстов в граффити и на последней странице тетради, маргинальное расположение записей в жанре «записи на полях» и пр.); орудие и средство создания; материальный субстрат знака (бумага, электронный носитель, парта, стена и пр.); место расположения знака (сшитая тетрадь, красочный бланк-открытка, остановка для жанра объявлений); среда коммуникации (официальная, деловая, учебная, бытовая сфера); коммуникативное время (время между планированием и осуществлением плана, между написанием текста и чтением его адресатом, время написания); ход коммуникации (прямой, прерывистый, через посредников, почтовый, с перлюстрацией – тюремные и армейские письма и т.д.); социальная оценка (позитивная, нейтральная, негативная). Результатом анализа по этой модели является выделенный набор признаков каждого конкретного текста. На следующих этапах идет «работа» с этими признаками.
- 4. На этом этапе предполагается выстраивание всех признаков в доминантно-детерминационные цепочки для выявления причинно-следственных отношений между ними и выделения доминант каждого текста. Обычно такими доминантами для текстов естественной письменной речи являются функционально-целевой параметр и характер субстрата. Мы разграничиваем понятия функции и цели по признаку объективности/субъективности. Под функцией предлагается понимать объективный жанрово-релевантный признак (определяется, для чего данная культура выработала данный жанр), под целью понимается субъективный (цель имеет субъекта целеполагания),

интенциональный параметр (для чего субъект пишет в данном жанре).

- 5. На пятом этапе происходит выделение жанрово-релевантных (жанрообразующих) и жанрово-нерелевантных характеристик, среди последних частотные и малочастотные. При этом важно разграничивать жанрово-релевантные и частотные признаки, что не всегда оказывается простым. Так, признак «красочность» оформления альбомов является высокочастотным признаком, но не жанрообразующим, вопреки очевидности, которая, как известно, не всегда отражает сущность вещей. Этот этап завершается моделированием признаковой структуры жанра по полевому принципу: определением ядерных, околоядерных и периферийных (с градацией на ближнюю и дальнюю периферию) признаков.
- 6. На шестом этапе разрабатывается внутрижанровая структура анализируемого типа текста: определяется, из каких поджанров (частных разновидностей жанра) состоит выделенный речевой жанр ЕПР. Предлагается разграничение вариантов и вариаций жанра¹⁷. Обычно он определяется варьированием околоядерных (варианты) и периферийных (вариации) признаков.
- 7. Завершается анализ определением внешних границ жанра, то есть поиском места жанра в жанровом пространстве, в кругу смежных явлений, выявлением близких по тому или иному признаку или же комплексу признаков, жанров. Разграничиваются жанры ядерными и околоядерными признаками, «соприкасаются» друг с другом периферийными признаками, которые накладываются друг на друга.
- 8. Окончательный этап жанровой квалификации текстов определенного типа состоит в конструировании расширенной, многоаспектной дефиниции исследуемого жанра, включающей все основные характеристики, выделенные в результате поэтапной методики жанровой квалификации текстов.

Представленная методическая процедура жанровой квалификации в настоящее время проходит верификацию при изучении различных текстовых разновидностей естественной

¹⁷ По аналогии с вариантами и вариациями фонем Московской фонологической школы.

письменной речи, которые получают диссертационное и монографическое описание (см., в частности [Лебедева 2011]). Вполне допустимо дальнейшее усовершенствование ее, так же как и свободное варьирование этапов исследования. При некоторых уточнениях она может лечь в основу создания планируемой в русле Лаборатории естественной письменной речи Кемеровского государственного университета энциклопедии жанров естественной письменной речи. Кстати, идея создания энциклопедии речевых жанров также впервые была высказана Татьяной Викторовной в уже цитируемой нами работе.

Литература

- Голев Н.Д. Система номинаций конкретных предметов: Дис. ... канд. филол. наук / Н.Д. Голев. Томск, 1974.
- Лебедева Н.Б. Жанры естественной письменной русской речи: Студенческое граффити, маргинальные страницы тетрадей, частная записка / Н.Б. Лебедева, Е.Г. Зырянова, Н.Ю. Плаксина, Н.И. Тюкаева. М., 2011.
- Подорога В.А. Евнух души. Позиция чтения и мир Платонова / В.А. Подорога // Параллели (Россия Восток Запад). Альманах философской компаративистики. Вып. 2. М., 1991. С. 33–82.
- Шмелева Т.В. Модель речевого жанра / Т.В. Шмелева // Жанры речи. Саратов, 1997. Вып. 1. С. 88–99.

Содертание

Слово об учителе	8
Слово учителя	20
Татьяна Викторовна Шмелева Категория падежа. Падеж - категория релятивная	20
Московские страницы	27
Леонид Петрович Крысин Слова-Кентавры	28
Михаил Юрьевич Федосюк К какому аспекту организации предложения относится его актуальное членение	37
Ольга Николаевна Петрова (Хазова) Деривационная характеристика простого предложения	49
Надежда Константиновна Онипенко, Ольга Сергеевна Биккулова И вновь о «деепричастии на службе у модуса»	58
Елена Николаевна Никитина Залог и позиция модусного субъекта	70
Владимир Иванович Аннушкин Предмет филологии как науки: критический обзор концепций	84
Красноярская глава	97
Александр Петрович Сковородников Об амплификации как стилистическом приеме (терминологическая заметка)	98

Татьяна Михайловна Григорьева «Но собственным обилием и превосходством»	106
Игорь Ефимович Ким Социальная семантика в теории семантического синтаксиса Т.В. Шмелевой	114
Елена Валерьевна Осетрова Неавторизованная информация в художественном тексте: сценарии и оценка	122
Юлия Васильевна Щурина Интернет-мемы как источник комизма	133
Татьяна Васильевна Тарасенко Этикетные речевые жанры сегодня	144
Татьяна Владимировна Кадаш, Алон Амир «На углу Пушкина и Горького», или Названия улиц Тель-Авива: семантика и семиотика	155
Ирина Григорьевна Маланчук Соотношение систем речи и языка в коммуникативном сознании по данным эмпирического исследования детской речи	166
Елена Ивановна Лоцан Оценка вариантов перевода (на материале переводческих интернет-форумов)	176
Татьяна Витальевна Михайлова Оценочные смыслы и семантика причинности в древнерусских текстах второй половины XV- начала XVII вв.	182
Ирина Венадьевна Башкова Ценностная и образная составляющие концепта «Печаль» в прозе В.П. Астафьева	194
Алевтина Николаевна Сперанская Филолог и СМИ: возможности культурного строительства	200

Другие города	211
Татьяна Леонидовна Каминская Коммуникативное соучастие адресата в медийном обращении новости	212
Виктория Генриховна Дидковская Общероссийские и новгородские содержательные доминанты имени (Великий) Новгород	220
Лилия Маршалек, Марек Маршалек Русские аббревиатуры в польской современной публицистике: идеографический аспект	229
Татьяна Геннадьевна Никитина Слоны в лингвокреативном пространстве русского мира	241
Ирина Владимировна Шалина Письма-литании носителей просторечия как источник социокультурной информации	253
Юрий Павлович Князев Русская языковая картина мира: решения и проблемы	263
Андрей Петрович Романенко Ключевые слова в сатире Булгакова: образ нового человека	277
Зоя Санджиевна Санджи-Гаряева Особенности языковой игры у Андрея Платонова	287
Вадим Константинович Андреев Псковский рэп: лингвокультурологический очерк	295
Елена Ивановна Рогалева Игровое ономастическое пространство фразеологического словаря для детей	307
Николай Данилович Голев Глубинная динамика современной русской письменной коммуникации: дискурсивная и холистическая тенденции	317
Наталья Борисовна Лебедева К методологической стороне описания жанров естественной письменной речи	329